ДРЕВНИЕ МИСТЕРИИ *и* СОВРЕМЕННЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

У. ДЖ. КОЛВИЛЛ

Впервые
опубликовано
1910

W. J. Colville

Древние мистерии и современные откровения

Оглавление

Древние мистерии и современные откровения

ПОСВЯЩЕНИЕ КОМЕТЕ ГАЛЛЕЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

ГЛАВА I.

БИБЛИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРОЖЕКТОРА.

ГЛАВА II.

РЕКИ ЖИЗНИ, ИЛИ ВЕРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕХ СТРАНАХ.

ГЛАВА III.

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТКРОВЕНИИ. — ЕГО ИСТОЧНИКИ И ПОСРЕДНИКИ.

ГЛАВА IV.

РАЗЛИЧНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БИБЛИИ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ЕГИПЕТ И ЕГО ЧУДЕСА: БУКВАЛЬНОЕ И МИСТИЧЕСКОЕ ИХ ПОНИМАНИЕ.

ГЛАВА VII.

ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ — ШКОЛА ПИФАГОРА — ДЕЛЬФИЙСКИЕ МИСТЕРИИ.

ГЛАВА VIII.

АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ.

ГЛАВА IX.

ПЯТЬ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЙОГИ — СОЮЗ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ЭМАНУЭЛЬ СВЕДЕНБОРГ И ЕГО УЧЕНИЕ О СООТВЕТСТВИЯХ.

«БОЕЦ МАЛЬЧИКОВ» ВСТРЕЧЕН С ВОСТОРГОМ.

ГЛАВА XII.

КНИГА ИСХОД — ЕЁ ПРАКТИЧЕСКОЕ И ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ.

ГЛАВА XIII

ИСТОРИЯ ПАСХИ (ПЕСАХА) И ОГНЕННОГО СТОЛПА В ПУСТЫНЕ.

ГЛАВА XIV.

ПОСЛАНИЕ БУДДИЗМА — ЧИСТОТА И ФИЛАНТРОПИЯ.

ГЛАВА XV.

МАГИЯ В ЕВРОПЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА — ЕЁ СВЯЗЬ С ТАИНСТВЕННЫМ ИСЦЕЛЕНИЕМ И ЧУДЕСНЫМИ ИЗБАВЛЕНИЯМИ.

ГЛАВА XVI.

ДРЕВНЯЯ МАГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕРАПИЯ — ПАРАЦЕЛЬС И ВАН ГЕЛЬМОНТ.

ГЛАВА XVII.

ЖАННА Д’АРК, ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА.

ГЛАВА XVIII.

ЭНДРЮ ДЖЕКСОН ДЭВИС, ПРОВИДЕЦ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА, — ВЗГЛЯД НА ЕГО ФИЛОСОФИЮ.

ГЛАВА XIX.

БИБЛЕЙСКАЯ СИМВОЛИКА — НАГРУДНИК ААРОНА И ДРУГИЕ ОБРАЗНЫЕ УКРАШЕНИЯ И ЭМБЛЕМЫ — НРАВСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ КРАСОТЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА.

ГЛАВА XX.

ЖИЗНЬ И МАТЕРИЯ — НОВЕЙШИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЭВОЛЮЦИЮ — ПОЗИЦИЯ СЭРА ОЛИВЕРА ЛОДЖА.

ГЛАВА XXI.

ЗАКОН СЕМИ И ЗАКОН ЕДИНСТВА.

ГЛАВА XXII

СПИРИТУАЛИЗМ И УГЛУБЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА XXIII.

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ГНОСТИКОВ — БОЖЕСТВЕННОЕ ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО.

ГЛАВА XXIV.

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ — ЕЁ ИСТОРИЯ И ЗНАМЕНИЕ — ВИДИМАЯ В 1910 ГОДУ.

Древние мистерии и современные откровения

У. Дж. КОЛВИЛЛ

Р. Ф. ФЕННО И КОМПАНИЯ

Нью-Йорк, Ист-17-я стрит, 18

ПОСВЯЩЕНИЕ КОМЕТЕ ГАЛЛЕЯ.

Яркий вестник славного света,
Что озаряешь и утро, и ночь,
Прекрасный посланник сквозь звенящий простор,
Ты мчишься в своём стремительном дивном беге,
Неутомимо, как катятся века,
Напоминая нашу бессмертную душу.
Свидетель неизменного закона Небес,
От тебя мы черпаем вдохновение.
Добро пожаловать, трижды добро пожаловать на наше небо,
Ты указываешь на близкие дни свободы,
И, глядя на твой сияющий облик,
Тебе я посвящаю эту книгу.

18 мая 1910 года. У. Дж. Колвилл.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Предлагая миру эти страницы, я хочу сказать несколько пояснительных слов о том виде, в котором выходит эта книга.

За шесть месяцев, которые я прожил в городе Вашингтоне (США) зимой 1909–1910 годов, многие друзья настойчиво просили меня составить том, в который вошла бы суть очень большого числа лекций, прочитанных за это время, и прежде всего тех, что были посвящены священным книгам мира.

Даже самый краткий обзор Писаний, почитаемых одними лишь иудеями и христианами, не говоря уже о священных книгах других вероучений, потребовал бы очень много места, поэтому в этом томе я попытался представить лишь беседы на те темы, на которые особенно обращали моё внимание друзья и ученики во многих местах, где я побывал и где широко разошлись мои прежние книги. Чтобы взяться за весь этот предмет сколько-нибудь обстоятельно или хотя бы одну его часть изложить с подлинной полнотой, потребовалось бы издать

целый ряд томов, и настоящий отрывочный труд, возможно, послужит для них введением. Эта книга ставит себе целью лишь в скудном очерке представить взгляд на откровение и вдохновение, позволяющий нам без труда восхищаться Библиями всех народов и чтить их, ни в коей мере не утверждая ни их безошибочности, ни окончательности. Одна из главных задач всех этих бесед, или очерков, — пробудить больший интерес к универсальным сторонам религии и философии и, где возможно, пролить некоторый свет на учения, которые всё ещё вызывают во многих кругах немало недоумения. Сегодня так велик общий интерес ко всему, что относится к психической стороне любого предмета, и до сих пор высказывается так много любопытных и противоречивых взглядов о вещах, называемых «оккультными» и «психическими», что нашим весьма важным долгом представляется сделать всё возможное, чтобы прояснить тайны и предложить жаждущей знания толпе наши самые зрелые и полезные мысли, каковы бы ни были наши особые взгляды. Невозможно хоть сколько-нибудь следить за современной литературой и не встретить самых необычайных представлений о невидимой вселенной, тайны которой современный мир отчаянно пытается разгадать. В наши дни

религиозным наставникам совершенно бесполезно говорить массам, что «тайное принадлежит Богу» и потому мы не вправе в него вникать: если бы этот текст довести до логического предела, то в руках многих богословов он означал бы конец всякому исследованию и слепое принятие приговора какой-нибудь самодовольной иерархии. Именно эта позиция, на которой настаивал доктор Пьюзи, но которую отвергал декан Стэнли, толкнула миссис Анни Безант к атеизму, от которого её в конце концов спасла теософия. Если мы не можем верить в действительность Духовной Вселенной и в то же время пользоваться разумом, то мыслящим людям неизбежно приходится искать прибежища в той или иной форме агностицизма, который никогда не удовлетворит сердце и никогда надолго не утолит интеллект. Если Библии не выдерживают проверки, то чем скорее их отправят в чистилище забвения, тем лучше; но если, как утверждается на следующих страницах, во всех них можно найти многое превосходное, однако ни в одной нет всей истины, то нам следует расширять человеческое сочувствие, сравнивая книгу с книгой и систему с системой, чтобы в конце концов обнаружить общий религиозный и философский знаменатель. В этих лекциях рассматриваются и магия, и мистерии,

главным образом из-за большого интереса, который сейчас вызывают таинственные явления, и из-за весьма обманчивых взглядов на предмет, всегда легко поддающийся использованию для распространения учений, рассчитанных на то, чтобы пугать робких и подкреплять теории о Вселенной, совершенно несовместимые со здравым и благотворным взглядом на жизнь здесь и в мире ином. Я свободно обращался к древним и современным авторам, чтобы пояснить многие вопросы, затронутые вкратце, и назвал немало ценных трудов, надеясь, что читатели этого трактата получат пользу, изучая затронутые здесь вопросы гораздо подробнее, если позволят время и возможность и побудит интерес.

По моему суждению, главная польза путешествий (а я немало путешествовал) в том, что они свидетельствуют о единстве нашего человечества. И если буквальные, материальные странствия служат этой важной цели, то ещё больше сближают нас умом и сердцем мысленные вылазки в самые разные области различных школ Мысли. Именно это глубокое чувство общности должно в конечном счёте положить конец войнам и привести к исполнению славных пророчеств, общих для всех

просветлённых пророков: настанет день, когда всё человечество будет столь едино, что, хотя народы и останутся отдельными сообществами, по духу они станут совершенно едиными. Невозможно предсказывать окончательное объединение человечества на какой-либо менее возвышенной основе, чем основа сущностной доброты человеческой природы. Ничто не разделяет нас так полно, как ложное богословие с одной стороны и грубый материализм с другой. Если бы мы раз и навсегда живо осознали нашу общую человечность как неоспоримую духовную реальность, мы не могли бы больше предаваться ни расовой, ни классовой ненависти. В разумных пределах расовое и классовое сознание может существовать, но расовая и классовая вражда немыслима, если мы осознаём своё единство. Умозрительное богословие и философия, не приводящие к более широкому осознанию человеческого единства, могут быть школярским упражнением, приятным для некоторых деятельных умов, но практические филантропы, стремящиеся прямо служить благу людей здесь и сейчас, вполне вправе счесть их излишеством. Одна за другой рушатся твердыни частичности и исключительности, и единство человечества предстаёт в сияющем свете. Все

жалкие уловки частичного богословия теряют власть над мыслящими, любящими массами, которые всё более проникаются красотой и достоинством величавых слов Авраама Линкольна: «Все или никто». Таков был ответ этого благородного освободителя на вопрос, заданный ему ограниченными богословами о его взглядах на окончательное спасение людей. Глупое высокомерие, воображающее, будто одни люди будут в конце концов стёрты, а другие станут наслаждаться вечным сознательным блаженством, нестерпимо в свете всего нашего глубочайшего прозрения в единство человечества. «Пилигримы различных испытаний», как называет нас Элиза Питцингер в своей великолепной поэме «Песнь торжествующей души», мы, возможно, и есть, и потому привилегия более зрелых — вести менее зрелых; и, по словам Люси Ларком из её прекрасной песни «Рука об руку с ангелами», мы вполне можем идти по жизни, «держась за сильных и подтягивая медлительных». Нет ничего нелепее, чем утверждать, будто мы знаем всё о путях, какими будет достигнуто окончательное прославление всей человеческой семьи; но, снова процитирую Элизу Питцингер: «Рядом мы идём вперёд, и со временем все мы согласимся». В древних восточных Писаниях

и даже в самых новейших сочинениях, облечённых в восточную фразеологию, мы находим обильное применение метафор; поэтому кажется невероятным, чтобы человек, хоть сколько-нибудь образованный, испытывал сегодня большие трудности в толковании образности, которой изобилуют все Библии. «Огонь», когда о нём говорится как о средстве очищения душ, следует понимать буквально не более, чем «овец», «козлов», «денежные монеты» и множество других символических выражений; но они иносказательно передают вполне определённые мысли и легко понятны всем, кто имеет хотя бы небольшое знакомство со значением подобий. Многое из выдаваемого за современное откровение довольно тёмно, но это отнюдь не доказывает, что в нём нет истины, хотя нам и нельзя справедливо навязывать его как безусловное и бесповоротное последнее слово о предмете, которого оно касается. Как бы глубоко мы ни были благодарны за каждый проблеск света, озаряющий наш умственный и нравственный путь, мы упускаем цель нашего воспитательного опыта, как только перестаём сами проверять притязания и слепо принимаем приговор другого. Мои собственные исследования в психической области, не прекращавшиеся с детства,

убедили меня, что, как бы полезны ни были в иных случаях внешние явления, единственная удовлетворительная уверенность в бессмертии, какая может прийти к человеку (я имею в виду уверенность, которую ничто не способно поколебать), должна прийти через развитие присущей нам способности постигать духовные реальности духовно. Научный мир обязан перед самим собой и перед более широким ненаучным миром бесстрашно исследовать все виды явлений, и у нас есть веские основания предсказывать, что нынешние исследования скоро приведут к коренным переменам в народных верованиях о строении нашей вселенной. Жизнь, продолжающаяся за пределами физического распада, доказывается со всех сторон, несмотря на недоверие одних исследователей и плутовство многих шарлатанов. Ясновидение нельзя исключить из рассмотрения оттого, что некоторые чрезмерно превознесённые «медиумы» прибегают к трюкам; и никакое умственное явление не пострадает, если будет доказано, что мнимые физические явления нередко поддельны. Нам не нужно смущаться ничем внешним, если наши внутренние способности хорошо развиты, и один из самых обнадёживающих признаков времени

состоит в том, что всё больше внимания уделяется развитию тех способностей внутри нас, которые мы оставляли под паром, но которые теперь заявляют о себе со всё возрастающей силой и отчётливостью. Наш горизонт по-настоящему не ограничен внешними физическими чувствами, которыми, как воображают многие, исчерпывается всё, чем они обладают; внутренние способности прорываются наружу, и когда они станут более известны и чтимы, мы вступим в эпоху духовного раскрытия, к которой, несомненно, подготовил путь проходящий ныне период сомнений и борьбы. С безграничным доверием к Силе, ведущей к праведности, и не сомневаясь в конечном благом исходе всех многообразных и странных опытов жизни, я отдаю эту книгу миру, надеясь, что она хоть в какой-то малой мере поможет укрепить веру в «Божество, которое направляет наши цели, как бы мы ни грубо их обтёсывали».

У. Дж. КОЛВИЛЛ.

Май 1910 года.

ГЛАВА I.

БИБЛИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРОЖЕКТОРА.

Нет ничего очевиднее того, что на интеллектуальном горизонте сейчас заметно проступают две диаметрально противоположные умственные тенденции. Повсюду мы видим напряжённый, а порой и фанатичный интерес ко всему чудесному и таинственному, и в то же время нас не может не поражать явно рационалистическое, нередко доходящее до открытого агностицизма направление мысли во многих влиятельных кругах. Современный мистицизм предстаёт во многих любопытных обличьях, ибо он, несомненно, представляет собой странный сплав очень древней любви к чудесному ради него самого с поистине современным научным духом, который не довольствуется ничем меньшим, чем критическое и беспристрастное исследование всего, что претендует на божественный или хотя бы сверхобычный авторитет. Между мистицизмом и оккультизмом, заявляет знаменитый доктор Рудольф Штайнер из Германии, существует такое существенное

различие: мистик постигает истину внутренним, интуитивным путём, тогда как оккультист находит удовольствие в наблюдении и производстве необычайных явлений, с помощью которых надеется глубже проникнуть в законы и принципы вселенной.

Священная литература всех веков и всех народов изобилует яркими свидетельствами того, что и мистицизм, и оккультизм были широко известны и высоко ценились с самых ранних периодов, о которых нам повествует история. Мистический элемент во всех Библиях можно назвать поистине религиозным в самом глубоком и духовном смысле этого слова; а все повествования о чудесах можно отнести к разряду зрелищных событий, рассчитанных на то, чтобы произвести впечатление на умы многих людей, чья внутренняя жизнь, возможно, оставалась по большей части неразвитой, тогда как их склонность анализировать любые необычные внешние проявления могла быть столь же острой, как у наших самых выдающихся современных учёных. Нам всегда нужно помнить, занимаясь сложными проблемами библейской критики и психических исследований (а они связаны куда теснее, чем, по-видимому, воображают

многие учёные), что среди нас и ныне живут те же самые характерные типы человеческой природы, которые сосуществовали в давно минувшие века; поэтому, хотя вполне допустимо различать высшие и низшие состояния ума, а также разные степени духовного и нравственного просвещения, нам следует быть крайне осторожными, чтобы не показаться осуждающими определённый склад ума, который совершенно неизбежен у многих наших достойных ближних, даже если мы сами не питаем к нему деятельного сочувствия. В наши дни много говорят о либерализме и модернизме, но, как правило, эти термины употребляют очень вольно: первый применяют слепо и без разбора ко всякому мыслимому направлению мысли, которое люди предпочитают называть «неортодоксальным или неконвенциональным», а второй относят, в частности, к некоторым богословским взглядам, недавно осуждённым папой.

Нам необходимо, насколько возможно в тесных рамках наших литературных усилий, определить эти термины несколько точнее, чтобы придать им гораздо более ясное и легко понятное место в нашем общеупотребительном словаре. Под либерализмом правильно понимать не

разрушительную или попросту необузданную философию, а систему мысли, достаточно гибкую, чтобы растягиваться, не ломаясь, и достаточно добродушную и широкую, чтобы видеть хорошее во многих системах мысли и практики, а не только в тех, к которым мы сами по той или иной причине особенно привязаны. Под модернизмом мы должны понимать просто противоположность древнизма — слова, которое пока встречается редко, но способно оказать большую пользу в любом споре, где необходимо чётко определить позицию модернистов. Хотя было бы грубо называть всех наших интеллектуальных противников нелиберальными, а себя либеральными, никто не обидится, если для удобства мы разделим спорящих на древнистов и модернистов при обсуждении самых важных спорных вопросов между людьми, которым вовсе не нужно быть врагами. Тех, кто занимает древнюю позицию, вполне можно назвать верными приверженцами определённых взглядов, переданных им через многие поколения почитаемых предков; они настолько консервативны по складу ума и по симпатиям, что им крайне тяжело даже помыслить об отступлении от позиций, которые эти почитаемые предки, по их мнению, освятили. Модернисты же, напротив, не питают

такого слепого благоговения перед стариной — не из недостатка любви и уважения к своим предшественникам, а из глубокого убеждения, что дни минувшие не были святее нынешних, а древние страны не более священны, чем земли, которые мы населяем теперь. Очень немногие из нас, вероятно, заходят до конца в ту или другую сторону, ибо мы почти неизменно обнаруживаем, что порой чувство ведёт нас к тому, чтобы почитать, пожалуй, чрезмерно, какое-нибудь романтическое творение старины, а порой разум побуждает нас повернуться спиной к позициям наших предков и горделиво заявить, что достижения нынешнего дня намного превосходят достижения любого периода прошлого. Попробуем же теперь вполне беспристрастно рассмотреть притязания древности и притязания современности на наши симпатии и любовь. Наша привязанность к древнему почти всегда основана на каких-то милых сердцу ассоциациях с прошлым, которые не способно полностью рассеять никакое назидательное рассуждение. Мы не можем разумно разобрать её, как не можем дать удовлетворительного аналитического объяснения любому другому глубоко укоренившемуся чувству. Вероятно, лучшее объяснение той великой любви, какую столь многие

люди питают к Библии, содержится в прекрасной песне «Старое кресло»: «Здесь сидела Мать, и потому я люблю его, это старое кресло». Певец далее рассказывает, что эта любимая мать «отрывалась от своей Библии, чтобы благословить дитя». Этого вполне достаточно, чтобы объяснить глубокую, коренную власть, которую древняя Библия по-прежнему имеет над сердцами и умами целого множества решительно либеральных мыслителей, категорически отвергающих всякую привязанность к традиционному авторитету. По этой причине предмет библейской критики неизбежно сопровождается множеством сентиментальных трудностей, которых нет при непредвзятом исследовании любой другой литературы в англоязычных странах; ибо очень немногие из нас испытывают сильную сердечную привязанность к классикам или к Священным книгам Востока, столь прекрасно изданным знаменитым учёным Максом Мюллером; но окажись мы в какой-нибудь азиатской стране, положение мыслей было бы прямо противоположным: там нашу Библию легко можно было бы рассматривать вполне беспристрастно, тогда как некоторые другие Писания, также составленные из разнородных элементов и почти совершенно неизвестные

американцам, были бы окружены тем же сентиментальным ореолом, каким мы окружили еврейские и христианские документы. Всякий раз, когда любой из нас способен по-настоящему отбросить это широко распространённое чувство и рассмотреть многочисленные отдельные книги, составляющие обширную литературу, которую мы давно привыкли называть Священной Библией, он обнаруживает, что очень многое в ней ни святее, ни менее свято, чем важные части многих других литератур, также составленных из разнородных элементов, собранных неизвестно когда и как. Нам не следует ни удивляться, ни приходить в ужас, обнаружив, что те же славные этические учения, которые делают многие части нашей Библии великолепными, изложены почти теми же словами, что и столь же высокие и благородные нравственные предписания, провозглашённые в других местах; и нам не следует ни в малейшей мере изумляться, когда мы начинаем прослеживать тонкий мистический элемент, проходящий через все широко почитаемые Писания мира.

Попробуем теперь поставить себя в умственное положение тех, кто до сегодняшнего дня никогда не видел Священных Писаний, которые нам надлежит

беспристрастно рассмотреть, и будем вполне прямодушны в обращении с этими древними записями — точно так же, как мы поступали бы с самой новой прозой или поэзией, предложенной нашему вниманию. Поклонники Библии и ненавистники Библии одинаково фанатичны, хотя их фанатизм диаметрально противоположен; ибо никто не может судить о каком-либо предмете беспристрастно, если приступает к его изучению, уже заранее решив либо прославить его, либо осудить.

Сможет ли Библия благополучно и невозмутимо пройти через испепеляющее испытание современной критикой, пока, возможно, не решено окончательно, но с уверенностью можно предсказать, что новые направления критики, стремительно выходящие на передний план, будут гораздо ближе к древним каббалистическим толкованиям, чем к ныне почти устаревшему иконоборческому методу, который неизбежно господствовал в бурные дни Французской революции, когда Вольтер, Томас Пейн и многие другие блестящие интеллектуалы стремились доказать, что библиолатрия давно была причиной интеллектуального рабства, которое они считали

своей особой миссией ниспровергнуть. «Век разума» — чисто деистический трактат, который берётся доказать, что божественное откровение никогда не может зависеть ни от книг, ни от священников, ибо сама Природа есть откровение Бога человеку, а потому мы, нынешние, имеем ничуть не меньше возможностей наслаждаться божественным откровением, чем древние пророки, жившие в несколько иных условиях, чем мы. Труды Сведенборга, ходившие в обращении за много лет до выхода сочинений Пейна, были столь же далеки от слепого поклонения букве Библии, как и слова Пейна, но Сведенборг писал с совершенно иной точки зрения и прямо заявлял, что он — человек, особо просветлённый и божественно вдохновлённый вернуть миру знание о внутренних смыслах Священного Писания, хорошо понятных многим народам несколько тысяч лет назад, но ко времени его сочинений почти совершенно неизвестных как учёным богословам, так и огромному множеству сравнительно необразованных людей.

Современная теистическая позиция, получившая популярность в Новой Англии благодаря Теодору Паркеру в середине девятнадцатого века и с тех пор

широко принятая почти во всех уголках земного шара, не отличается радикально ни от рационалистической позиции с одной стороны, ни от мистической с другой — при условии, что ни рационалист, ни мистик не пытаются воздвигнуть какого-либо отдельного мужчину или женщину, или группу мужчин и женщин в качестве непогрешимых цензоров, чьему велению должна покоряться толпа. Всякий последовательный теист твёрдо придерживается мнения, что никто не вправе навязывать свои взгляды другому, поскольку никакое подлинное человеческое развитие невозможно без интеллектуальной и нравственной свободы; ибо если мы просто склоняемся перед мнимым авторитетом других, будь то церковники или агностики, то позволяем себе, по меньшей мере в значительной степени, лишиться упражнения личной совести и разума, без которого всякое настоящее человеческое развитие невозможно. Конечно, совершенно верно, что одни люди просвещены больше других и потому вполне способны выступать в роли учителей, но никакой произвольный диктатор не является подлинным учителем, потому что, если мы принимаем слова другого без личной проверки того, чему он учит, мы решительно ничему не учимся, а ставим себя

умственно и нравственно в жалкое положение человеческих попугаев или фонографов. Нередко утверждают, что поскольку на земле всегда были Благословенные Учителя, передававшие свои оракульские наставления особым ученикам, мы можем получить знание важной истины о духовных предметах лишь при условии, что примем предположительно авторитетные изречения этих вдохновлённых небом оракулов; но такое утверждение совершенно нелепо, ибо если мы слепо принимаем за истину нечто, чего совершенно не в состоянии понять, мы принимаем это лишь иллюзорно, поскольку не ощущаем в себе никакого живого отклика на внешний призыв; а значит, мы — лишь эхо и в любой момент можем быть сбиты с нашего нынешнего умственного пути и направлены в совершенно чужое русло.

Всякий, кто испытывает подлинную уверенность во внутренней и непреходящей ценности Библии, должен быть странно непоследователен, если боится, что вполне честное и совершенно беспристрастное исследование священного текста способно ослабить его власть над сердцами и умами бесстрашных искателей истины; но если кто-либо втайне питает серьёзные опасения относительно

способности Библии выдержать любые нападки, он, несомненно, признаёт собственное глубокое сомнение в подлинной священности Писания, которое он якобы стремится защищать.

Дух откровенного исследования — единственный дух, достойный уважения, и всё, что не выдерживает прожектора такого исследования, какого требует и к какому побуждает этот дух, по природе вещей вскоре должно стать рассматриваться скорее как человеческий фетиш, нежели как божественное откровение. Бесспорно, поверхностный взгляд на любое собрание Священных Писаний обнаруживает, что они весьма неравноценны и изобилуют следами тех особых заблуждений, которые были свойственны местам и эпохам их создания. Однако, принимая во внимание обстоятельства их происхождения, вполне разумно объяснять эти кажущиеся несоответствия и следы недостоверности не столько недостатком мудрости или вдохновения у авторов, сколько действительной необходимостью обращаться к человечеству на языке, не слишком далёком от среднего понимания обычных мужчин и женщин, и в то же время передавать внутренний смысл всем, кто способен читать глубже

поверхности, посредством системы притчи или метафоры, которая и по сей день является обычной практикой всех учителей на Востоке.

Теперь перед нами стоит задача рассмотреть еврейские и греческие записи, составляющие нашу Библию, в свете этого двойного метода — рационалистического и мистического: первый относится к внешнему тексту, второй — к внутреннему замыслу тех, кто использовал его с явной целью передать через сменяющиеся века определённые жизненно важные истины, которые по существу не меняются, как бы широко ни менялись внешние обстоятельства.

Вероятно, ни один разумный человек сегодня не верит, что какую-либо великую нравственную цель можно осуществить, просто изучая древнюю историю и заучивая имена некоторых патриархов, чей общий облик внешне отнюдь не всегда был образцом высочайшей пробы. К тому же у нас нет твёрдой уверенности, что какое-либо событие произошло именно так, как оно описано во внешнем повествовании. Но когда мы начинаем видеть в этих лицах и событиях гораздо больше, чем простую историю, мы обнаруживаем, что все они способны преподать нам важные уроки и сегодня.

Географические и хронологические элементы в Библии вполне можно считать крайне сомнительными, но лишь в том смысле, что мы не вправе искать местной и исторической точности в великом романе, могучей поэме или возвышающей пьесе, в которые имена определённых лиц и мест введены свободно, главным образом из драматических соображений —*то есть* ради того, чтобы заключённое в них учение ярко предстало перед глазами читателя или слухом слушателя так, как оно не смогло бы предстать без этого живого внешнего облачения. Читая Шекспира, мы можем не заботиться о том, были ли Гамлет, принц Датский, или Тимон Афинский реальными историческими лицами. Кто-то жил в Дании и кто-то жил в Греции в те времена, на которые пьесы мимоходом ссылаются, но цель этих великих драм, несомненно, совершенно иная, чем у школьного учебника истории, открыто поставившего себе задачей лишь ознакомить учащихся с тем, что действительно происходило в определённых странах в определённое время.

Всякая история ценна, если мы усваиваем урок, который она способна нам преподать; но особая ценность произведения искусства, написанного с

единственным намерением воплотить важное нравственное учение в привлекательную внешнюю форму, несравненно выше ценности любого труда, предпринятого с позиции одного лишь историка.

Сегодня всем нам знакомы крайние сомнения, которые нередко высказываются в учёных кругах относительно авторства всякого великого литературного шедевра. Пьесы Шекспира приписывали Бэкону, а «Илиаду» и «Одиссею» Гомера часто предположительно относили к неизвестному авторству, но никакие придирки насчёт авторства не способны ни на йоту умалить внутреннего достоинства возвышенной поэзии, с таким скепсисом рассматриваемой, ибо для нас, в сущности, нет разницы, знаем ли мы, кто написал ту или иную книгу, а также когда и где она написана, поскольку единственная великая ценность любого литературного произведения, стремящегося возвысить нравственный тон человечества, состоит в обращении к нашим врождённым нравственным инстинктам; до них обычно можно достучаться страхом, если мы находимся в неразвитом и почти диком умственном состоянии, и лишь благоговением и любовью, если мы более развиты интеллектуально.

Сегодня уже нередко можно встретить одарённых преподавателей науки о разуме и нравственной философии, которые в ходе уроков по Библии совершенно оставляют без внимания чисто исторические элементы древних Писаний, преследуя единственную цель — помочь ученикам преодолеть различные ограничения и проявить себя выше слабостей и искушений, окружающих нас в современном мире. Неудивительно, что рационалисты порой считают такой метод преподавания неоправданным, а крайние консерваторы — еретическим, но немного трезвых размышлений скоро убедит нас, что мы имеем полное право извлекать как можно больше практической пользы из самой широко распространённой религиозной литературы мира. Нет ничего более далёкого от истины, чем утверждение, будто в наши дни Библию читают меньше, чем прежде; правда, её читают уже не столь исключительно, и читают гораздо критичнее. Эта перемена отношения к почтенной книге совершенно неизбежна, если принять во внимание огромный литературный поток нашего времени и решимость современных учёных как можно шире разгласить результаты новейшей критики. Мы вполне можем сочувствовать всем, кто возражает

против чтения Библии в государственных школах как книги, совершенно отличной от всех прочих, будто бы содержащей божественное откровение, какого не может заключать никакая другая литература: ведь подобное притязание в пользу одной книги явно есть попытка поклонников Библии принудить многих своих сограждан, не разделяющих их взглядов, подвергнуть всё подрастающее поколение своего рода курсу догматического богословия, который, быть может, вполне одобрят одни родители и опекуны, но который глубоко претит другим. Если бы Библию поставили на один уровень с другими признанными Священными Книгами и отнеслись к ней с честным беспристрастием, не было бы возражений против того, чтобы выбрать из неё для школьного чтения множество благородных отрывков; но книга в целом во многих местах слишком темна, а также затрагивает слишком много тем, непригодных для обсуждения детьми школьного возраста, чтобы вкладывать её им в руки либо как полное божественное откровение, либо как образцовый учебник веры и нравственности, который они должны прочитать от Книги Бытие до Откровения. Мы достаточно хорошо знаем, что в Библии есть очень много прекрасных историй,

хорошо приспособленных к детскому пониманию и своей драматической напряжённостью оказывающих сильное и вполне благотворное воздействие на юное воображение. Такие рассказы можно было бы с пользой включить в разумно составленную подборку из многих древних сочинений, где они стояли бы бок о бок со сходными историями из других Писаний. Но сколь бы превосходной ни оказалась такая подборка из различных Священных Книг мира, подобный том никогда не получил бы одобрения тех исключительников, которые решительно ополчились против изучения сравнительного религиоведения, если только он не составлен так, чтобы выставить их собственную систему в наиболее выгодном свете, а все прочие системы отодвинуть в тень, по меньшей мере в полумрак.

Когда миссис Энни Безант всерьёз предложили составить такую книгу, какую мы сейчас отстаиваем, она вполне откровенно сказала друзьям, что могла бы составить её без особого труда, но почти не видит шансов, что после написания книгу примут именно в тех местах, куда друзья больше всего хотели бы её ввести. Любой одарённый мужчина или женщина, много путешествовавшие и глубоко изучавшие

предмет, могли бы без тяжкого труда собрать большое количество ценного материала из необъятной массы священной литературы мира, и этим была бы оказана великая услуга делу взаимопонимания между представителями различных религиозных систем; однако хотя такой результат, будучи достигнут, в конечном счёте мог бы принести лишь пользу, в настоящее время его нельзя осуществить в сколько-нибудь широком масштабе, не вызвав яростной полемики, из-за восторженного самомнения, которое мы находим у сторонников якобы ортодоксальной веры любой религиозной системы под солнцем. Кажется, нет ничего труднее для тех, кто исповедует восхищение самыми прекрасными частями своей возлюбленной Библии и полностью принимает их, чем поступать так, словно её лучшие наставления действительно истинны: ведь если бы они лишь признали то, что ясно заявляли их величайшие пророки и апостолы, они тотчас согласились бы беспристрастно прослеживать божественное откровение по бесчисленным руслам, по которым оно непрерывно текло сквозь все века. Если бы мы все могли согласиться совершенно отказаться и от зависти, и от предубеждений, то вскоре мы смогли бы объединиться в единый всемирный учебный

кружок, где все почитаемые Писания использовались бы и цитировались бок о бок так, чтобы значительно и быстро способствовать тому могучему духовному движению к установлению и сохранению всеобщего мира, которое, как уверяют нас все истинные теософы и все прочие труженики на ниве объединения человечества, есть то единственное движение, более всех прочих способное помочь всем нам практически осознать божественное происхождение и устроение нашего общего человечества.

Конечно, ничто не может быть более вредным для интересов всеобщего мира, чем высокомерная вера в то, что какому-то одному народу поручено быть единственным хранителем небесных истин: подобное притязание любого сообщества неизбежно склоняет его к непомерному чувству собственной значимости, сопряжённому с более или менее презрительным отношением ко всему остальному человечеству. «Бедные невежественные язычники» — фраза, которую мы часто слышим на миссионерских собраниях; её применяют не просто к тёмным элементам того или иного населения, но без разбора обозначают ею все нехристианские народы, невзирая на их ум или нравственные

достоинства. Единственная причина, по которой о них так говорят, состоит в том, что они никогда не видели нашей Библии и не приняли наших особых религиозных взглядов, хотя во многих случаях они на деле исповедуют те самые учения, которые мы нередко провозглашаем венцом славы нашей неизмеримо превосходящей цивилизации. Если бы мы действительно поняли Писания так называемых «языческих» народов, то нашли бы в них очень многое достойное восхищения, хотя и многое достойное критики; но при справедливом рассмотрении мы вскоре обнаружили бы, что их худшие места не хуже худших мест нашей собственной Библии, да и те вовсе не дурны, если видеть в них некий внутренний смысл, лежащий далеко под поверхностью буквы. Ни один разумный человек не может поверить, что какой-либо истинный Бог когда-либо через какое бы то ни было посредство повелевал людям истреблять толпы невинных женщин и детей; поэтому, когда мы читаем, что такие повеления были даны от Бога, мы вправе быть вполне уверены, что либо запись ложна, либо она передана мистическим языком. Мы можем принять любую из этих возможностей, лишь бы применяли один и тот же метод толкования ко всем записям; но ни в коем случае мы не вправе

полагать, что правильное, когда оно содержится в одной Библии, неверно, когда оно обнаруживается в другой. Библии во всех случаях обладают некоей поразительной живучестью, позволившей им до сих пор выдерживать всю критику, обрушивавшуюся на них, так что они продолжают жить, несмотря на все усилия их уничтожить. Возможно, это объясняется просто тем, что они содержат столько истины, смешанной с большим количеством заблуждений, что эта истина поддерживает в них жизнь, тогда как заблуждение стремится их погубить; или же мы можем зайти так далеко, что поверим, будто во всех случаях они суть части некоей великой всеобщей литературы, обязанной своей ценностью и своей прочностью духовному началу, которое есть её постоянная душа и которое наслаждается бессмертной жизнью, хотя внешние тела могут быть далеко не способны существовать вечно.

Какой бы взгляд мы ни избрали, нам следует крайне остерегаться односторонней защиты нашей собственной Библии при одновременном поношении и осмеянии столь же почитаемых Писаний сотен миллионов наших собратьев; а когда мы подходим к вопросу об идолопоклонстве, нам снова нужно столь же старательно избегать весьма

распространённой ошибки, когда о наших собственных изображениях заявляют, что они представляют определённые духовные истины и считаются почитающими их лишь эмблемами или символами, тогда как о других изображениях в иных частях света мы весьма несправедливо заключаем, что это подлинные «ложные боги» из дерева и камня, которым поклоняются «жалкие язычники», лишённые всякого истинного духовного просвещения. Вполне простительно, что европейцы и американцы по большей части почти не знают восточной веры и богослужения, но если это так, то, разумеется, следует проявлять подобающую скромность и воздерживаться от суждений там, где наши знания столь ничтожны. Нам не нужно заявлять, что мы одобряем или отстаиваем незнакомые нам учения и обычаи, но мы вполне можем хранить о них сдержанное молчание; и если бы мудрая сдержанность соблюдалась повсеместно, мы пользовались бы преимуществом полного отсутствия недоброго чувства к нашим азиатским соседям и были бы вполне открыты к тому, чтобы учиться у них, как и они, возможно, открыты к тому, чтобы учиться у нас относительно духовных реальностей.

ГЛАВА II.

РЕКИ ЖИЗНИ, ИЛИ ВЕРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕХ СТРАНАХ.

Весьма примечательная таблица, призванная показать развитие религиозных идей и меняющихся форм богослужения у всех народов, была давно издана генерал-майором Форлонгом; с её помощью он довольно ясно проследил то, что считал потоком религиозного развития человечества, начиная с глубины в десять тысяч лет до нашей эры. Среди древнейших форм поклонения были Древо и Змей как предметы всемирного почитания, и с этими эмблемами связывались все символы, относящиеся к фаллическому культу. В этих первобытных и повсеместно распространённых эмблемах нетрудно усмотреть естественное стремление человечества обожествлять все те силы, через которые поток жизни непрестанно струится из некоего таинственного невидимого истока в многообразные явные внешние проявления. По расчётам Форлонга, поклонение Огню несколько предшествовало поклонению солнцу, и обе эти тесно связанные формы культа он относит ко времени около шести

тысяч лет до нашей эры. Внимательно рассматривая таблицу, мы скоро знакомимся со множеством переплетающихся линий, показывающих, что культ Солнца, культ Дерева и культ Змея так тесно переплелись, что были едва ли не совершенно неразделимы. Согласно этому подсчёту, поклонение предкам восходит лишь примерно к 3500 году до нашей эры и, по-видимому, непосредственно последовало за более древним священным ритуалом Египта, который воздавал особые почести всем проявлениям творческого плодородия. Поклонение горам ещё более позднее и, как говорят, повсеместно господствовало во время, которое иудейское предание относит к дарованию Закона на Синае, а сразу после этого периода повсюду распространилось поклонение животным. Это, по-видимому, в точности согласуется с повествованием в Книге Исход, где сказано, что народ поклонился золотому тельцу после того, как Закон был открыт ему с вершины горы; и мы вполне можем полагать, что святость гор особенно привлекала людей пророческого склада, тогда как поклонение животным было обычной практикой непросвещённых. Мы никогда не сможем полностью отойти от этих форм поклонения, которые возникают инстинктивно и потому не более

искусственны, чем любые иные самопроизвольные естественные порождения. В каждом из нас живёт некий инстинкт благоговения, который на своей ранней и менее утончённой ступени непременно побуждает нас воздавать чрезмерные почести тем внешним предметам, что наиболее естественно и сильно овладевают нашим воображением и своей исключительной впечатляющей силой заставляют нас видеть в них божественных посредников в большей степени, чем обычно.

Одно это соображение уже может далеко увести нас по весьма желательному пути благожелательного отношения к многим видам веры и формам богослужения, которые дожили до наших дней и, по-видимому, в немалой мере удовлетворяют религиозные стремления множества наших современников. Хотя высочайшее представление о Божестве, на какое, по-видимому, способен человеческий ум, прекрасно выражено в величественных словах: «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине», — что такое дух и как можно совершать духовное поклонение, обычно не вполне ясно среднему уму; поэтому люди всегда создавали какие-нибудь конкретные образы и ставили их

перед собой, желая не изобразить Божество во всей полноте, а лишь помочь себе сосредоточить внимание на некоем почитаемом предмете, который в их представлении облекает или воплощает хотя бы какое-то особое божественное свойство, которым они более всего восхищаются и которое более всего желают разделить. Современная наука единодушно склоняется к признанию вполне разумного положения, что помимо всех местных и ограниченных божеств великие народы древности признавали и почитали одно Верховное Существо, чьи свойства по-разному воплощались во множестве подчинённых божеств; и хотя наиболее передовые народы современного мира с гордостью заявляют, что признают лишь одного Бога как достойный предмет человеческого поклонения, мы едва ли можем не заметить весьма определённого продолжения древнего язычества в современном христианстве. Этим утверждением мы вовсе не хотим сказать ничего неуважительного по отношению к христианской системе, хотя и не можем признать, что в своём нынешнем виде она не является смешанной. Первоначальное христианство, возможно, возникло из твёрдой решимости немногих исключительно ревностных мужчин и женщин буквально исполнить учение

великого Учителя, которому они желали беспрекословно следовать; но ни один исследователь истории христианства не может не заметить, что очень скоро ранняя Церковь стала связывать себя с гражданской властью Римской империи, и с того мгновения она уже не могла сохранять, даже по видимости, свою первоначальную простоту. Все великие религии мира, по-видимому, возникли из некоего великого вдохновения, полученного через какого-либо прославленного Основателя, чьи последователи очень скоро начали отдаляться от первозданной чистоты системы, установленной Основателем, и при этом неизменно связывали себя с одобрением господствующих представлений и обычаев, которые уже столь прочно укоренились в умах основной массы населения там, где вводилась новая религия, что вскоре сложилась и расцвела оформленная система, представлявшая собой компромисс между новым откровением и прежней иерархией. Следы такого смешения нового и старого мы легко видим в каждой Библии, которую нам случается изучать, и сама всеобщность этого факта должна располагать нас к доброжелательному, равно как и разумному взгляду и на её происхождение, и на её назначение. Хотя поклонение внешним предметам, сколь бы

величественными и возвышенными они ни были, в конечном счёте должно быть вытеснено чисто духовной формой почитания, мы ясно видим, что в ходе сознательной эволюции человека низшие понятия о Божестве неизбежно предшествуют высшим, и по этой причине мы должны всегда быть готовы истолковывать в наиболее благоприятном смысле как древние, так и современные религиозные верования и обычаи. Великое, хотя и весьма распространённое заблуждение — полагать, будто столь разумный и милосердный взгляд означает безразличие ко всему существенному в вере или учении: это, разумеется, совсем не так. Наиболее сочувственный взгляд на все религиозные системы всегда бывает у самых искренне набожных и добросовестных приверженцев тех существенных и основополагающих истин, которые беспристрастное исследование сравнительного религиоведения может лишь всё больше делать дорогими сердцам и умам всех, кто достаточно широк и разумен, чтобы живо оценить великие слова, приписываемые апостолу Павлу: «Бог никогда не оставлял Себя без свидетельства». Прослеживая широко раскинувшиеся ветви воображаемого древа Форлонга и стараясь понять явное значение его

далеко разветвляющихся сучьев, мы не можем не заметить, сколь многие странные верования и обряды нередко удивительным образом связаны между собой. Развитие человечества в цивилизации, по-видимому, всегда шло окольным путём; никогда оно не двигалось прямо вперёд. Этот факт необходимо хорошо усвоить, прежде чем мы сможем верно оценить путь религиозных идей и обрядов сквозь века и тысячелетия. Давно уже было грубой ошибкой и роковым заблуждением полагать, будто одна религиозная система непременно заимствовала что-то у другой лишь потому, что во многих случаях между системами можно проследить чрезвычайно близкое сходство. Эта тесная связь и в учении, и в обряде отнюдь не доказывает с необходимостью ничего большего или иного, кроме того, что разные народы в разных странах могли одновременно достичь почти одинаковой высоты умственного, нравственного и духовного развития. Совершенно очевидно, что за пять-шесть веков до начала христианской эпохи могучая духовная, умственная и нравственная волна вдохновения и просвещения широко катилась по земле, омывая своим сиянием Европу, Азию и северное побережье Африки. Это были дни последнего из Будд в Индии, Конфуция,

выдающегося философа-моралиста, и Лао-цзы, глубокого мистика, в Китае, а также величайших философов Греции. Как же так вышло, спросим мы вполне справедливо, что так много славных светочей одновременно сияли в разных уголках мира? Несомненно, в истории человечества существуют умственные, нравственные и духовные приливы, которые имеют свои периодические отливы и приливы так же верно, как приливы океанов, которые большинство из нас научилось прослеживать. Установить причину и периодичность этих таинственных психических приливных волн, быть может, ещё вполне по силам нам, обыкновенным людям, но до сих пор способность делать это считалась исключительным достоянием некоторых высокообученных или хорошо развитых Адептов, или Посвящённых, которые могут заглянуть за завесу тайны, веками скрывавшую внутренние святилища от взора всех непосвящённых. Могучий вопрос ныне волнует умы быстро растущих множеств, а именно: настало ли теперь время великого раскрытия, давно предсказанного и ныне горячо ожидаемого вопрошающими толпами? Признаков множество, и они быстро накапливаются: мы стоим на самом пороге нового Цикла в истории человечества.

Приведём слова Форлонга: «При сопоставлении истории вероверований можно заметить замечательную приливную волну напряжённости, которая, по-видимому, остро воздействует на человечество физически и умственно и делает это с поразительной регулярностью каждые шестьсот — шестьсот пятьдесят лет, напоминая нам о Сотическом и иных циклах, но особенно о мистическом феникса, или Солнечных эрах Египта и Востока. Отлив и прилив этой волны показаны на таблице светлыми широкими полосами шириной в сто лет.»

С началом христианской эры мы замечаем решительное стремление по возможности объединить все системы, более древние, чем христианство. Эта тенденция столь хорошо знакома всем, кто изучал Отцов ранней Церкви, что кажется почти невероятным, чтобы выпускник хорошо оснащённого богословского колледжа мог не знать, что то, что его научили называть христианством, есть и смесь, и продолжение многих древних верований и обрядов; но хотя это бесспорно так, мы не вправе на этом основании называть христианство или Новый Завет обманом в каком бы то ни было смысле, хотя это тяжкое обвинение

нередко выдвигают рьяные иконоборцы, которые легко прослеживают существующие параллели, но, по-видимому, не умеют истолковать их подлинное значение. Издатели таблицы Форлонга очень тщательно приложили к ней совершенно правдивое заявление, что она не ортодоксальна и не гетеродоксальна, а лишь хронологична, а потому пригодна для общего употребления во всех школах, где преподают классиков; но хотя по своему явному замыслу она лишь историческая, никто, вдумчиво её изучающий, не может не заметить её отчётливо всеобщих следствий. Её главная цель, как заявлено, — показать постепенную эволюцию идей от грубой вещественной и стихийной символики к отвлечённым духовным понятиям. Употреблено несколько цветов, каждый из которых обозначает некую великую ведущую идею, которая, хотя и продолжается долго, склонна расходиться и в конце концов теряться в каком-нибудь более широком общем потоке. Эти потоки названы просто «линиями мысли», и расположены они не по народам и не по этнографическому признаку, ибо определённые потоки направленности устойчивы, тогда как все религиозные системы развиваются, поскольку развивается человеческая природа, и каждое поколение мужчин и женщин неизбежно

вкладывает в учения и обряды новый смысл, отнюдь не вполне согласный со взглядами их предшественников в том же вероисповедании.

Мы слишком склонны говорить о людях как об иудеях, христианах или магометанах, словно такие широкие обозначения полностью описывают их и достаточно метко ярлык им дают; но столь ошибочный вывод никогда не овладеет умами здраво мыслящих людей, ибо нет ничего очевиднее того, что существует столько же разновидностей иудаизма, христианства и магометанства, например, сколько существует особых типов людей, исповедующих каждую из этих различных систем религиозной мысли и практики.

Мы часто склонны думать, что если бы мы поехали в Восточную Азию и свободно общались с брахманами, буддистами и парсами, то нашли бы там людей определённого жёсткого склада, исповедующих определённые учения и соблюдающих определённые древние и неизменные обряды, так что среди последователей какого-либо вероучения едва ли можно было бы отличить одного от другого. Это могло бы оказаться верным, по крайней мере отчасти, если бы мы общались исключительно с необразованной и в

значительной мере не задумывающейся массой рядовых представителей какого-либо населения; но если бы мы расширили круг знакомств так, чтобы он включил наиболее образованных и наиболее показательных членов любой восточной общины, то вскоре обнаружили бы столь же большое несходство мысли и поведения, какое мы только можем встретить на Западе. Плодовитый автор Джеймс Фримен Кларк, чей превосходный учебник «Десять великих религий» — ценнейший рудник богатых исторических сведений, часто напоминал своим слушателям в ходе неизменно поучительных проповедей, что нам крайне нужно помнить: хотя учреждения, по-видимому, остаются неизменными, с прежними исповеданиями веры и прежними обрядами, но поскольку их живые члены — не мужчины и женщины минувших веков, мы не вправе и не имеем причины ожидать, что личное поведение любой группы людей сегодня непременно тождественно поведению мужчин и женщин, носивших те же отличительные звания в прошлом. Это, конечно, самоочевидно верно, но поскольку каждая существующая ныне организация включает много крайне несхожих элементов, так было и в далёком прошлом; поэтому чем основательнее мы изучаем историю, тем яснее

убеждаемся, что никогда не было времени, когда бы все исповедники определённого вероучения соответствовали единому уровню умственного или нравственного развития.

Совсем недавно причисление Жанны д'Арк, Орлеанской девы, к лику блаженных Римской церковью привлекло большое внимание к двум совершенно различным сторонам отношения этой Церкви к героической девушке, которая действительно была освободительницей Франции, а затем стала мученицей из-за вероломства того самого короля и его приближённых, которые были обязаны своим возвышением и безопасностью этой храброй вдохновенной деве, без чьего доблестного предводительства французская армия того времени никогда не одержала бы победы.

Нам часто приходится слышать, что Церковь несколько сотен лет назад сожгла эту деву как ведьму, а теперь водружает её статую над своими алтарями как предмет почитания для верных, и священники призывают свою паству взывать о заступничестве к той самой девушке, которую в минувшем веке так жестоко осудили и казнили. Это утверждение отнюдь не вполне верно, ибо хотя, возможно, исторический факт, что те самые люди,

которые предали деву смерти, исповедовали римско-католическую веру, мы не можем узнать ни от одного надёжного историка, что высшие сановники Церкви в целом были каким-либо образом причастны к её несправедливой мученической кончине. Личная зависть и другие столь же низкие побуждения, одушевлявшие развращённые умы некоторых людей, облечённых властью во время её осуждения, были непосредственными внешними причинами несправедливого приговора, вынесенного ей; поэтому неверно утверждать, будто великая Церковь в целом осудила Орлеанскую деву в одном веке и канонизировала её в другом, но факт, что общий нрав нашего времени менее варварский, чем четыре или пять сотен лет назад. И всё же даже теперь не кажется невозможным, чтобы суровая несправедливость была учинена над каким-нибудь современным освободителем Франции или любой другой страны, если бы у власти оказались развращённые люди, способные подать решающий голос о судьбе нового избавителя.

Мы все понимаем, что имел в виду Феликс Адлер, президент Нью-Йоркского общества этической культуры, когда дал одной книге название «Дело

против вероучения», хотя это изречение не всегда можно принять буквально. Доктор Адлер явно хотел сказать, что добрые дела могут совершаться независимо от вероучения, а любое вероучение можно отстаивать умозрительно независимо от поведения его приверженцев. Порой мы слышим, что неважно, во что мы верим, лишь бы мы жили добродетельно; это очень лукавое изречение, требующее самого пристального рассмотрения, ибо в нём как будто скрыт некий подвох, который, однако, мы вскоре обнаруживаем, стоит нам проникнуть под поверхность его очевидного смысла. Несомненно, много добра было сделано несколько лет назад на страницах лондонской «Дейли телеграф», где изо дня в день на протяжении нескольких месяцев печатались многочисленные письма самых разных авторов в ответ на вопрос: «Верим ли мы?» «Разумеется, мы все во что-то верим» — таков единственно возможный общий ответ на этот вопрос, но сразу за ним следуют ещё два: «Во что мы верим?» и «Почему мы верим в то, во что верим?», к которым можно прибавить третий: «Какое влияние наша вера оказывает на наше поведение?» Ответить на эти четыре вопроса, а не просто обсудить первый из них, — задача философски мыслящего ученика, и

нам, конечно, не потребуется много времени, чтобы сделать нелестное открытие: наши средние верования в значительной мере обязаны своим происхождением не чему иному, как слепому, безрассудному подчинению общепринятым представлениям, которых придерживается подавляющее большинство людей, среди которых мы выросли. Такие верования вряд ли могут быть живыми; обычно они немногим лучше, если вообще лучше, умственного хлама, своего рода душевной мебели, которую мы принимаем как должное, потому что с раннего детства привыкли видеть её вокруг себя. Стоит нам начать серьёзно размышлять о природе и значении веры, как мы обнаруживаем, что наши верования, если они в каком-либо смысле живые, не могут быть совершенно неважными, потому что они всегда оказывают немалое влияние на нашу действительную жизнь. Мы не можем по-настоящему верить в гневного Бога или в бесполезные и бесконечные муки, не испытывая от этого некоторого нравственного растления; поэтому такие верования решительно опасны по своей неизбежной направленности, ибо если их принимают всерьёз или хотя бы пассивно, они неминуемо склонны ожесточать, а не очеловечивать тех, кто их придерживается. Когда

же, напротив, мы действительно верим в Бога любви и мудрости, по существу совершенно благого, а также в врачующую природу всякого наказания, связанного со страданием, как здесь, так и в загробной жизни, такое представление должно облагораживать и очищать наше собственное отношение к ближним. Во всех наших доводах в пользу простого теизма как веры, неизмеримо превосходящей всякую более узкую и грубую, мы обосновываем его разумность и благость не какой-либо метафизической тонкостью, а тем, что он взывает ко всем самым нежным и благородным чувствам нашей общей человеческой природы. Люди должны быть поистине тупы, чтобы не видеть: более высокое представление о божественном правлении, простирающемся на всю вселенную, должно оказывать на человечество в целом лучшее влияние, чем любое более низкое понятие.

Прослеживая, насколько мы в силах, судьбу идеи Бога в истории, мы находим не столько широко разделённые потоки мысли, сколько единое смешанное течение, и причина в том, что

величайшие учителя человечества появлялись и трудились при любых состояниях человеческого развития.

Чтобы не уходить дальше эпохи, о которой говорится в христианских Евангелиях, нам сообщают, что в Римской империи, провинцией которой тогда была Иудея, вспыхивает великое духовное светило. Этот духовный свет сияет свободно для всех и поэтично назван «Солнцем правды, восшедшим с исцелением в лучах своих» — пророческая метафора, ясно свидетельствующая, что ученики великого Учителя считали его миссию совершенно всеобщей по замыслу. Поэтому вполне последовательно евангелисты повествуют, что этот великий учитель поручает своим посланникам идти как послам во все народы, возвещая благую весть, или радостную новость, всякой твари. Но как, по рассказам тех же евангелистов, были приняты этот Учитель и его учение? Порой толпы стекались под его знамя, и простой народ слушал его охотно, но было и много таких, кто считал его колдуном или обманщиком и составил против него заговор, подобно тому как некие злобные круги греческого общества в более раннюю пору заклеймили Сократа врагом религии и добродетели и недругом

государства, достойным лишь изгнания или смерти. Мы вполне можем верить, что некоторые люди и в Греции, и в Палестине были искренни в своих темных протестах против жизни и учения великих учителей, которых они выжили из физического существования, но, по всей вероятности, подавляющее большинство присоединившихся к крикам об устранении тех, кто беспрестанно творил добро, руководствовалось далеко не честными побуждениями, и первейшим из них был постоянный страх, что их собственная временная власть, которой они, как знали, владели несправедливо, вскоре будет вырвана из их рук, если позволить высокой нравственной философии одерживать всё новые победы в землях, которыми они неправедно желали править. Но как бы то ни было, низкий склад ума никогда не может постичь сколько-нибудь высокого представления ни о божественном, ни о человеческом правлении; поэтому нередко вполне искренние, но неразвитые натуры полагают, что суровые принудительные меры необходимы для благополучия семьи и государства, и потому с их точки зрения те, кто учит закону любви и принимает более высокую политику, чем политика войны, считаются опасными фанатиками, которые, если их влияние

сильно распространится, быстро подорвут и ниспровергнут оплоты общества. Те, кто держится таких взглядов, а подобные человеческие ископаемые есть и среди нас сегодня, не видят ничего, кроме опасной угрозы нравственности, в разрушении старых преданий, которых они рабски придерживаются, страшась, что если даже ослабить их, потоп порока и анархии вскоре затопит землю. Многие проповедники, представляющие крайность уцелевшей религиозной ортодоксии, без малейших колебаний заявляют, что всякий прогресс светского образования, лишённый примеси некоего догматического богословского учения, в конце концов приведёт к ослаблению, а не к укреплению бастионов нравственности.

Это утверждение, хотя в конечном счёте и несостоятельное, легко находит отклик в умах людей робких и крайне впечатлительных, которые никогда не пытались трезво исследовать основания нравственности. Догматическое богословие так давно и так тесно связано с нравственным воспитанием в представлении многочисленного сельского населения во многих странах, что многим родителям, принадлежащим к старому порядку, должно быть трудно понять позицию нынешних

сторонников этической культуры; в их опасениях есть и некоторая доля разумности, ведь в переходную эпоху, подобную нынешней, когда порывистое подрастающее поколение отрывается от освящённых временем причалов, оно весьма вероятно бездумно бросится в пропасть безрассудства, откуда его можно вернуть лишь посредством более мудрого обращения, чем то, которое пока широко понимается массами. Однако справедливости ради следует сказать, что нынешнее поколение не повинно ни в каких преступлениях и безрассудствах, которые не совершались бы нередко в так называемые «добрые старые времена», когда в деревне верховодил пастор, Библию регулярно читали, а семейную молитву совершали минута в минуту. Очевидно, у современного религиозного и общественного брожения две причины: одна несомненно обусловлена духом времени, и никакие попытки заглушить его не увенчаются успехом; другая проистекает из некоторой беспечной стремительности, порождённой тем самым принуждением, которое столь многие недальновидные люди считают единственной защитой юности и опорой нравственности. В целом мы, несомненно, мыслим глубже и серьёзнее, чем

наши предки, хотя среди нас, возможно, и нет очень большого числа особо выдающихся мужчин и женщин; но эту кажущуюся нехватку выдающихся гениев вполне можно объяснить теми причинами, которые, по словам Бульвер-Литтона в его знаменитом романе «Грядущая раса», приводили вриль-я для объяснения отсутствия выдающегося гения в том таинственном подземном мире, куда этот в высшей степени романтический автор вводит своих нередко охваченных благоговейным трепетом читателей. Там, где общий средний уровень разума высок, мы не вправе ожидать, что возвышенные умственные достижения будут выделяться так заметно, как там, где он сравнительно низок; равным образом там, где общее нравственное настроение достаточно высоко, мы редко останавливаемся, чтобы с глубоким уважением созерцать какого-нибудь выдающегося нравственного героя; и, наконец, нельзя упускать из виду, что истинная и прочная нравственность никогда не может быть достигнута там, где подавляется индивидуальность, а народ запуган до покорности угрозами страшной кары, если он осмелится ослушаться велений своих начальников. Мы, безусловно, ближе к давно предсказанному Золотому веку, чем когда-либо прежде.

Но что же на самом деле означает эта романтическая фигура речи? — вправе спросить мы. Век, в котором поклоняются буквальному золоту, словно подлинному Божеству, неизменно оказывается веком ужасных бедствий, и так всегда бывало везде и всякий раз, когда этот популярный идол возводили на престол для поклонения. Золото в алхимическом смысле означает нечто совсем иное, чем любой драгоценный вещественный металл, хотя среди изучающих алхимическую философию вряд ли можно всерьёз оспаривать, что все её главные представители допускали возможность буквального превращения низших металлов в высшие, а в конечном счёте — все в золото. Однако символическое упоминание золота уводит наши мысли далеко от всех внешних сокровищ и сосредоточивает их на небесном наследии, рядом с которым все мирские владения должны померкнуть до полного ничтожества; потому мистики всех рангов и имён неизменно заверяют нас, что истинная цель алхимического исследования — возрождение отдельных человеческих существ немедленно, а в конечном счёте и всего человеческого рода. «Верую в воскресение тела и в жизнь вечную» первоначально означало гораздо больше, чем для среднего

читателя Символа веры нынешних дней, который обычно почти не пытается искать внутренний смысл в могучих мистических словах, так легко слетающих с уст всякого, кто просто выучил готовые фразы. Подобным же образом крещальное возрождение понимается лишь в самой внешней его оболочке, тогда как в действительности оно относится к тому чуду внутреннего преображения, которое мистерии всегда стремились постепенно раскрывать. Первое тело, которое следует рассматривать, когда речь идёт о мистическом посвящении, — это, разумеется, внутреннее тело неофита, или кандидата, которого порой называют оглашенным; но поскольку никакое эгоистическое желание исключительного личного спасения или просвещения никогда не может быть одобрено духовно, подлинные посвящённые всегда учили — и открыто, и в тайном кругу, — что великая цель всех истинных мистических школ — социальное возрождение.

Обращаясь снова к таблице Форлонга за наглядными примерами, мы видим, что в ней использованы цвета: красный, синий, зелёный, розовый, коричневый, фиолетовый и жёлтый. Поклонение фетишам отмечено в самом начале

записи и по историческому рангу стоит рядом с чарами и амулетами, которые повсюду почитались в самые отдалённые века, о каких у нас есть какие-либо определённые или достоверные сведения. Три совершенно различных, но долгое время современных друг другу предмета всемирного почитания — это Древо, уместно изображённое зелёным; лингам и йони, священные для фаллических верований, изображённые жёлтым; и Змей, изображённый коричневым, несомненно, чтобы напомнить о земле, по которой он ползёт. Эти три особенно древних эмблемы все переплетаются и в конце концов сливаются, или по меньшей мере объединяются, в священном ритуале древнего Египта, описания которого теперь довольно легко достать. Около 3000 г. до н. э., по расчётам Форлонга, происходили великие войны между юпитерианцами и титанитами, а также между солнцепоклонниками и лунопоклонниками. На таком расстоянии во времени нет нужды пытаться подробно входить в причины и природу этих столкновений, но, несомненно, положение противоположных полов как предметов почитания нередко было жгучим предметом споров в старину.

Судя по недавним исследованиям об Атлантиде, древность древних верований кажется гораздо большей, чем прежде, когда некогда могучий затонувший островной материк стал предметом всеобщего изучения, чего не было, когда таблица Форлонга впервые вышла в свет; но хотя Ле Плонжон и другие неутомимые исследователи древности вполне ясно возводят все восточные и западные верования и обряды к их общей родине — Атлантиде, весьма вероятно, что рассеяние религиозных систем быстро распространилось в пору распада той таинственной земли, последние остатки которой, как говорят, окончательно рухнули почти за 10 000 лет до начала христианской эры.

Это великое событие вполне может объяснять существование определённой прослеживаемой хронологии, ведущей нас к 10 000 г. до н. э., но не дальше.

Определённый и простой теизм в нынешний исторический период (изображённый ярко-красным на таблице Форлонга) не показан ранее 2400 г. до н. э. Эти наглядно изложенные сведения чрезвычайно интересны, а также поучительны, хотя и доказывают, что всегда будет оставаться некоторое сомнение в точной исторической достоверности, но

нисколько — в действительной распространённости различных религиозных систем и очень мало — в том действии, которое каждая из них, по логике вещей, должна оказывать на своих верных приверженцев.

Признав это, мы должны быть готовы сделать определённый шаг дальше и рассмотреть, что у всех систем есть своя буква и свой дух; и хотя буква всегда груба, а порой даже варварска, дух чист и мягок, напоминая орехи, у которых снаружи твёрдая, несъедобная скорлупа, а внутри они восхитительны и питательны.

«Буква убивает, а дух животворит» — это изречение применимо не только к Моисееву закону или к другим частям Библии иудеев и христиан; оно приложимо к любому письменному свидетельству, которое та или иная часть человечества почитает священным. Значит ли это, что в наши дни для миссионерской деятельности не осталось места? Перед миссионерским усилием открывается обширное новое поле, но грядущий миссионер — мужчина или женщина — должен быть широко осведомлён о действительных нуждах нашего современного человечества, которому крайне необходимо убедиться в единстве всех

религиозных систем в их основе. Буква всех систем неуклонно разрушается, и, видя этот процесс распада, многие наблюдатели полагают, что религия вообще постепенно исчезает с земли. В этом предположении им вскоре придётся убедиться, что они ошибались, ибо подлинное открытие корней всех религиозных деревьев ведёт множество людей к принятию не атеизма, а теософии. Анни Безант — не единственная блестящая участница атеистической пропаганды, обнаружившая её жалкую неудовлетворительность, хотя в этом отношении она оказалась исключительно заметным и влиятельным примером. Профессор Чарльз Элиот, почётный президент Гарвардского университета, несомненно, в какой-то мере верно очертил религию будущего, но эта религия может иметь и много других превосходных сторон помимо тех, которые этот доброжелательный старейшина образования так энергично подчеркнул. Религия будущего, безусловно, складывается уже сейчас, и хотя нельзя ни желать, ни ожидать, что она будет совершенно новым созданием, предсказание, что она сохранит всё достойное сохранения из наследия, собранного нами в прошлом, не является ни чрезмерно оптимистичным, ни самонадеянным; но поскольку

новые времена требуют новых приложений вечных истин, нам не следует воображать, будто что-либо достойное сохранения сметается прочь лишь потому, что старая истина облекается в новые одежды, а нынешнее поколение выражает Мудрость Веков на собственном языке.

ГЛАВА III.

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТКРОВЕНИИ. — ЕГО ИСТОЧНИКИ И ПОСРЕДНИКИ.

Хотя истинный смысл откровения — просто раскрытие, это на вид простое слово давно стало заклинанием, и по сей день оно остаётся настоящим средоточием бурь везде, где обсуждаются богословские вопросы.

Однако с научной точки зрения у этого слова нет никаких трудностей, ибо в научных кругах его всегда употребляют как синоним открытия. Мы вправе сказать, что получаем откровение о небесах, когда смотрим в телескопы на полуночное небо и прослеживаем движение созвездий, но никто ни на мгновение не воображает, будто звёзды намеренно

являют себя астрономам и скрывают свои лики от всех остальных людей. И всё же остаётся фактом, что некоторые астрономы действительно видят небесные тела гораздо отчётливее, чем основная масса любого населения.

Применим этот простой пример к тем великим провидцам, или пророкам, которых вполне можно назвать духовными звездочётами нашего рода. Таких мужчин и женщин образно изображают поднимающимися на вершины гор и спускающимися в пещеры земли и расселины скал, подобно тому как астрономы и геологи буквально поднимаются на горные возвышенности и спускаются в недра земной коры: одни — чтобы шире обозреть небо, другие — чтобы лучше изучить слои, или пласты, земного шара. Мы прекрасно знаем, что некоторые места особенно благоприятны для астрономических наблюдений; среди них глубокие колодцы всегда занимали одно из первых мест, ибо звёзды можно увидеть средь бела дня, если спуститься в колодец, а ночью широкий обзор небес возможен лишь тогда, когда мы устраиваем свои обсерватории на высоких вершинах. Певцы и псалмопевцы всегда пользовались природными уподоблениями, чтобы описать своё ощущение

близости духовной вселенной, которая в самом деле и пронизывает все материальные миры, и объемлет их. Девятнадцатый псалом и некоторые величественные места Книги Иова вызвали восхищение Томаса Пейна, который приводит ряд великолепных отрывков в своём «Веке разума»; в этой многократно оспаривавшейся книге он обрушивает язвительную насмешку на многие другие части Библии, которые считает совершенно несовместимыми с возвышенным понятием о Верховном Существе, изложенным в цитатах, вызвавших его восхищение. «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» — превосходная дань возвышенному представлению автора о Природе, а ещё более она свидетельствует о том, что он сознавал способность человека обозревать небеса и читать в их раскинувшихся красотах письмена Всемогущего. Скот на лугах так же близок к небу, как пастух, пасущий своё стадо на том же пастбище, но у нас нет оснований полагать, что овцы или волы созерцают небеса так, как созерцал их царь-пастырь древнего Израиля, и нет оснований предполагать, что даже обычный путник, взошедший на вершину высокой горы, имеет хотя бы приблизительно такое же представление о звёздном небе, как те волхвы, или

мудрецы, древней Персии или Халдеи, которые, как говорят, обнаружили Вифлеемскую звезду в час рождения Иисуса. В каждом веке были, и в нынешнем, несомненно, есть особенно ревностные и сведущие читатели широко раскрытой книги природного откровения, которая ни на миг не закрывается, кроме как перед лицом невежества и равнодушия. Будь мы все одинаково зорки и открыты умом, мы все получили бы одинаковое откровение, ибо у Природы нет тайн, скрытых от одних и намеренно открываемых другим. Кем же, спросим мы, были те древние пророки, которые видели и слышали о путях Божества несравненно больше, чем толпы их современников, — а те всегда видели в них едва ли не непостижимые загадки, странных существ вроде «сверхлюдей», которых надлежало либо слепо чтить, либо безжалостно преследовать, смотря по нраву тех, среди кого они жили? Эти мистические созерцатели и стойкие поборники праведности всегда были славой земель, на которые ступала их нога, и память о них передаётся через века и тысячелетия как особое свидетельство божественного вмешательства в обычные дела людей. Но наука, быть может, не позволит нам употреблять слово «вмешательство», поскольку оно придаёт окраску верованию, весьма

расходящемуся с общим научным мышлением; так истолкуем же историю этих романтических обитателей пограничья незримой вселенной разумными словами, легко понятными всем, кто усердно стремится показать, что между физическим и сверхфизическим всегда существует единство. Мы вполне можем позволить себе отказаться от прилагательного «сверхъестественный», если только не придадим ему значения, вполне расходящегося со многим из того, что выдаётся за богословие. Существуют высшие и низшие планы природы; поэтому не будет ошибкой называть одни «сверх-», а другие «под-», сравнивая их со средним уровнем человеческих интеллектуальных достижений, который притязает на некоторое знакомство с весьма ограниченной частью Природы, но свободно строит догадки о прочих областях, лежащих за пределами обычных наблюдений. Нет ничего ненаучного и уж тем более неразумного в том, чтобы охотно прислушаться к свидетельству веков в пользу духовного откровения, при условии, что мы всегда признаём: то, что было возможно в прошлом, столь же возможно и сегодня, и как бы странными ни казались нам те или иные явления, у нас нет оснований полагать, будто оттого, что они (для нас) таинственны, они менее

согласуются с действием неизменного закона, чем причудливые движения небесной гостьи — кометы Галлея, которая навещает наши небеса лишь примерно раз в семьдесят пять лет, вместо того чтобы регулярно появляться на небе, как те привычные планеты — Юпитер, Венера, Меркурий, Марс и Сатурн, старые друзья каждого из нас. Всё, что мы привыкли регулярно наблюдать, мы непременно называем естественным, а всё необычное или ранее нам неизвестное мы склонны объявлять сверхъестественным, обнаруживая тем самым странное, но привычное сочетание невежества и самомнения. Какое право мы имеем притязать на столь точное знание границ естественного, чтобы либо отрицать возможность какого-нибудь любопытного явления, либо опрометчиво приписывать его чудесному вмешательству божественного провидения, как будто Бог изменяет или приостанавливает универсальный порядок всякий раз, когда мы сталкиваемся с чем-то, что у нас не хватает мудрости объяснить? Растущая мысль наших дней в образованных кругах всё дальше и дальше отходит от атеизма, а также от сверхъестественности, и приходит к разумному заключению, что невидимая вселенная никогда не была совершенно незримой

для всего человечества, хотя, по-видимому, очень немногие где-либо и когда-либо проникали сколько-нибудь глубоко в её таинственные недра. Почтенные имена сэра Уильяма Крукса, сэра Оливера Лоджа и многих других выдающихся современных учёных тотчас вызывают образ бесстрашных и трудолюбивых искателей истины, сочетающих психические исследования с обычными мирскими занятиями. Эти добрые и великие люди и многие другие, связанные с ними, за долгие годы неутомимых изысканий накопили огромное количество фактов, которые уже весьма далеко продвинулись в рассеивании туч суеверия и отрицания, всё ещё в некоторой мере затмевающих общественный разум даже в Великобритании и Америке, где интеллектуальный прогресс, как предполагается, достиг весьма благородной высоты. Вскоре после возникновения движения, известного как современный спиритуализм, в Америке в 1848 году, множество весьма выдающихся людей, светочей и руководителей в различных общинах, предприняли тщательное исследование притязаний нового культа, который с самого начала заключал в себе на редкость разнородные элементы. Среди выдающихся авторов по обе стороны Атлантики по праву первое место

отводится Уильяму Хауитту, чей обширный труд «История сверхъестественного во все века и у всех народов, во всех церквах, христианских и языческих, доказывающая универсальную веру» вполне можно назвать монументальной данью зрелой, кропотливой учёности. В этом великом труде, выпущенном в двух больших томах и в Англии, и в Америке, мы находим описание духовных проявлений самого разнообразного характера — от истинно ангельских до явно дьявольских; а поскольку автор был одним из самых известных учёных своего времени и написал немало лучшей образцовой учебной литературы, изданной в Великобритании в середине девятнадцатого века, его свидетельство нельзя легко отмести; нельзя нам и справедливо игнорировать труды тех знаменитых американцев, Мейпса и Хэра, или сочинения судьи Эдмондса и многих других столь же известных и вполне заслуживающих доверия представителей учёных профессий; все они с мирской точки зрения многим рисковали, но ничего не могли выиграть, подтверждая подлинность чудес, которые грубо отвергали не только простые люди, но и подавляющее большинство университетских профессоров и выпускников, не снисходившие до

серьёзного их изучения. Никто не сомневается, что во имя спиритуализма было совершено огромное количество обманов, и мы не можем закрывать глаза на то, что многие честные люди порой подвержены галлюцинациям, но несомненно остаётся значительный остаток фактов, неопровержимо доказывающий существование в человечестве духовной жизни, которая далеко превосходит все материалистические теории о происхождении и судьбе человека. Профессор Альфред Рассел Уоллес — сам ревностный спиритуалист и всемирно известный натуралист — порой высказывал мнение, что нынешнее человечество по существу не отличается от человечества, жившего на земле в каменном веке или в какой-либо другой отдалённый геологический период. Если это факт, а у нас нет оснований его оспаривать, то мы легко можем понять, как получилось, что сегодня нас приглашают разделить опыт, общий для древних народов и отдельных людей, которые оставили после себя необычайные свидетельства о смешении, по крайней мере в известной мере, бесплотных духовных существ с воплощённым в физическом теле человечеством. Не смея отрицать существование в Универсуме бесчисленных

разрядов разумных существ, принадлежащих к иным планетам и системам, нежели наша, мы, безусловно, имеем право, и это наш непременный научный долг, взвесить так называемые доказательства, выдвигаемые в мнимую поддержку часто повторяемого утверждения, будто ангелы света, а также демоны тьмы, постоянно упоминаемые в нашей Библии и в множестве других чтимых Писаний, принадлежат к иным порядкам творения, нежели мы сами. Кажется почти необъяснимым, учитывая сам библейский текст, что кто-либо мог вообразить, будто авторы имели в виду появление на земле в качестве ангелов существ какого-либо иного порядка, нежели мы сами, ибо повествователи всегда описывают небесных посетителей как людей или, во всяком случае, как человеческих существ, поскольку ни в одном оригинале нет определённого указания на пол. Мужской род и множественное число сильно перепутаны в английских переводах Еврейских Писаний, и это часто объясняется тем, что множество еврейских слов не дают никакого представления о том, что имеется в виду один пол, а не другой. Лишь бессмысленное фанатичное упрямство и замшелая старомодность могли побудить церковных комиссаров отвергнуть статуи,

изображающие ангелов, как это однажды произошло в Нью-Йорке, потому что скульптор высек одних в мужском, а других в женском облике; и для образованных христиан занимать столь нелепую позицию было бы совершенно непостижимо, если бы мы не были мучительно знакомы с настойчивыми стараниями нетерпимых мужчин многих веков предать забвению своих матерей и сестёр, пока сами они занимали все важные должности и получали вполне достаточное содержание в основном от труда и доходов женщин из своей паствы. Очень старое и могущественное оружие вырывается из рук мужской церковной монополии, как только мы доказываем миру, что сам авторитет, на который они опирались, поддерживая свои вымышленные притязания, на деле против них. Люди вполне вправе открыто оспаривать учение о библейском авторитете, но не может быть честной игры, если мы искажаем учение каких-либо документов, а затем строим на этом искажении собственные догматы. Первая глава Книги Бытие решительно заявляет, что изначальное Человечество в равной мере мужское и женское. Этому факту возможны лишь два понятных объяснения: древнее убеждение, и поныне разделяемое многими мистиками, что люди

первоначально были надполовыми, а различие полов началось лишь с некоторого отступления от первоначального состояния; и гораздо более простой взгляд, который каждый из нас может оценить, не погружаясь в глубокие воды мистицизма: что когда и где бы человеческая жизнь впервые ни появилась на этой планете, мужчины и женщины существовали бок о бок на началах полного равенства. Кто же тогда библейские ангелы, столь часто являвшиеся патриархальным семействам древности? В нашем английском тексте их часто называют юношами, и они казались столь совершенно человеческими во всех своих свойствах, что нам нередко сообщают, будто жители городов, в которых они являлись, принимали их за обычных путников, — обстоятельство, раз и навсегда опровергающее утверждение, что они были чем-то иным, нежели люди, или что они являлись в каком-либо поразительном, потому что непривычном, облике. У нас нет оправданных оснований решать, будто все библейские ангелы были даже человеческими духовными существами, лишёнными плоти; вполне разумно утверждать, что слово «ангел» часто употребляется для обозначения посланника от какого-либо Духовного Ордена, того, кто лишь занимал высокий ранг учителя или посла

и кому было вверено особое поручение к определённому месту и народу. Есть веские основания признать правоту Эдварда Ирвинга — основателя общины христиан, называющей себя Католической апостольской церковью, — утверждавшего, что первоначальная христианская церковь признавала четыре чина служителей, высший из которых назывался ангелами. Это учение, успешно проповедовавшееся в девятнадцатом веке сначала в Великобритании, а затем и в нескольких других странах бесстрашным Ирвингом и его преданными последователями, получило большую поддержку из первых глав Апокалипсиса, где говорится, что весть Духа посылается ангелам семи церквей Асии, откуда ясно следует, что обозначенные так надзиратели должны были занимать положение, подобное положению епископов во многих нынешних христианских общинах. Однако представляется несомненным, что, хотя простейшее определение ангела, в широком смысле, — «посланник», древние Писания часто дают понять, что обычно незримые существа порой являлись в материализованном виде, и когда они это делали, их, как правило, нельзя было отличить от обычных людей. Всякий раз, когда нам дают понять, что их видели обычным

зрением, мы вправе разумно предположить, что это были на самом деле молодые посвящённые в храмовые мистерии древности, которым главы орденов поручали выступать послами или посредниками. Этот весьма простой комментарий к некоторым иначе весьма таинственным местам библейского текста ясно и просто объясняет часто повторяющееся название «Ангел Господень», встречающееся очень часто; и хотя для поклонников Библии может стать решительным потрясением услышать столь простое толкование, даже самые правоверные из них — если они как-либо связаны с той или иной из священнических церквей — скоро начнут понимать, что если так обстояло дело в былые дни, то этот факт лишь свидетельствует о древности и преемственности жреческой системы, а жречество, как мы все хорошо знаем, намного древнее и христианства, и иудаизма. Согласно идеям, которые мы сейчас излагаем, необходимо точно учитывать первоначальное значение терминов и титулов, по-разному переводимых как БОГ; Господь Бог; Господь; и Ангел Господень. Эти обозначающие титулы отнюдь не взаимозаменяемы, и то, что их так широко считали синонимами, привело к огромному количеству запутанных и ожесточённых споров. Мы едва ли

можем поверить, что какой-либо мужчина, женщина, юноша или девушка, наделённые обычным разумом и достаточно хорошо знающие английский язык, вообразили бы, будто эти четыре явно различные титула первоначально употреблялись как синонимы, точно так же как, читая всеобщую историю, никто не склонен думать, что посланник и есть тот монарх, чьи поручения он назначен исполнять. Каждый изучающий каббалистическую литературу прекрасно знает, что древнейшие еврейские документы в значительной мере трактуют о различных чинах Разумов, которые исполняют Божественные поручения и принимают деятельное, влиятельное участие в управлении делами Земли. Никто не может прочесть современный еврейский молитвенник ортодоксального или консервативного направления, не найдя в нём частых упоминаний о нескольких Небесных Иерархиях в согласии с very древней терминологией. Для примера обратимся к стандартному популярному ортодоксальному еврейскому молитвеннику, используемому по всей Британской империи и в значительной мере также в Соединённых Штатах. В ходе утренней службы по субботам и праздникам встречаются следующие величественные слова, поистине прекрасная

связующая нить между более прозаичным настоящим и богатым преданиями, образным прошлым: «Благословен будь, о Скала наша, Царь наш и Избавитель, Создатель святых существ. Да будет хвалимо имя Твоё вовеки, о Царь наш; Создатель служебных духов, которые все стоят в высотах вселенной и с трепетом возвещают в единый голос громко слова Бога живого и Царя вечного. Все они возлюбленны, чисты и могучи, и все они со страхом и трепетом исполняют волю своего Владыки; и все они отверзают уста в святости и чистоте, с песнью и псалмом, благословляя и хваля, славя и почитая, освящая и воздавая владычество имени Божественного Царя, великого, могучего и грозного, свят Он; и все они принимают на себя иго Царства Небесного один от другого и дают друг другу позволение освящать своего Создателя; в тихой радости духа, чистой речью и святым напевом все они отвечают в один голос и с трепетом восклицают: Свят, свят, свят Господь Саваоф; вся земля полна славы Его; и офаним и святые хайот с шумом великого движения, возносясь к серафимам, тем самым напротив них воздают хвалу и говорят: Благословенна слава Господня от места Своего».

Приведённая выше цитата, точного параллеля которой не найти ни в одном молитвеннике, составленном раввинами реформистского направления, — любопытный пережиток, как по чувству, так и по языку, очень древней иудейской мысли, хотя мы осмелились бы предположить, что улучшения в английском переводе нисколько не затемнили бы смысла еврейского оригинала, остающегося непревзойдённым языком ортодоксального израильского богослужения. Такое слово, как «страх» (dread), лучше заменить словом «благоговение», и очень важно помнить об этом, когда мы беремся критиковать библейские тексты, из возвышенных образов которых собраны подобные высказывания. За такие отрывки, как только что приведённый, отвечают видения Иезекииля, и, разумеется, во многом остаётся предметом догадок, насколько в Израиле прежде верили, что эти видения были действительными откровениями о жизни в духовной вселенной, а насколько язык был намеренно символическим. Но как бы ни было много простора для споров в этом отношении, у тех, кто знаком с памятниками древности, не может быть никакого сомнения, что евреи, как и все прочие исторические народы, твёрдо верили в действительное существование

несчётных легионов духовных сонмов, которые часто назывались Легионами Небес. Лишь Ле Плонжон и несколько других неутомимых современных исследователей Западного полушария сумели неопровержимо доказать огромную древность сходных убеждений как в западных, так и в восточных землях. Хотя с первого взгляда неразмышляющему уму может показаться, что в этих упоминаниях о многообразных чинах духовных существ нет ничего, кроме первобытного суеверия, достаточно самого небольшого разумного размышления о научно открытом устройстве вселенной, чтобы обратить в бегство столь пустой вывод. Гармония очевидным образом проявляется повсюду в систематической организации солнечных систем, усеивающих безмерность бесконечности, и во всех бесчисленных системах миров, открытых проницательным оком самых дальнобойных телескопов, нет двух совершенно сходных шаров, хотя все они созданы из единой первичной субстанции и все вращаются с такой совершенной правильностью, что астрономы точно знают, когда ожидать повторного появления даже самой отдалённой звезды в гигантском скоплении созвездий, составляющих нашу вселенную. Это неоспоримое природное откровение вполне

согласуется со всем, что мы привыкли называть естественной религией, и, будучи справедливо взвешено, служит её объяснению, не отрицая первичной основы религии откровения, ибо при правильном понимании обеих одна входит в другую, как шип в паз. Приверженцы естественной религии неизменно утверждают, что черпают все свои идеи из созерцания природных явлений без посредничества каких-либо жрецов или ангелов, но те, кто притязает на обладание большими сведениями, чем большинство их ближних, попросту становятся в ряды того, что вполне можно назвать научным жречеством; и нет ничего очевиднее того, что открытые рационалисты чрезвычайно полагаются на авторитет великих имён и с огромным удовлетворением указывают на научные открытия, хотя те были сделаны не ими самими.

По существу между этой позицией и позицией самых убеждённых теософов очень мало различий, ибо последние лишь утверждают, что их авторитеты — особо одарённые лица, которых они называют Старшими Братьями нашего рода. Недавние теософские издания гораздо легче читать и понимать, чем более ранние сочинения философов-

алхимиков, у которых была двойная цель скрывать внутренний смысл своего учения под покровом иероглифической символики. «Жаргон мистиков», как вульгарно называли этот аллегорический метод, был необходим в Средние века в Европе из-за господствовавшего тогда и там невежественного фанатизма, ибо без применения мистического знака не было бы безопасности для пишущих и не было бы также средства общения между собратьями по изучению мистерий. Мы бойко говорим о великих открытиях, сделанных Бруно, Галилеем, Гершелем, Ньютоном, Кеплером и многими другими высокоодарёнными людьми, жившими всего несколько столетий назад, и мы не слишком превозносим их, воздавая пылкую дань их исканиям и трудолюбию; но нет никаких веских причин продолжать утверждать, будто гелиоцентрическая система астрономии не была известна задолго до того, как современная Европа стала обителью учёности. Мы слишком склонны притязать на некую монополию на открытие или откровение, которое всегда охватывает гораздо более обширную область, чем та, что может быть ограничена каким-либо особым временем или местом. Нам теперь следовало бы быть готовыми пересмотреть наши теории о распространении

религиозных идей и обрядов, многие из которых могли возникнуть одновременно в разных частях света, а не быть заимствованными одним народом у другого.

Астрономам в их обсерваториях не нужно быть знакомыми друг с другом или даже знать о существовании друг друга, чтобы вести сходные наблюдения небесных явлений, ибо вполне возможно, что разные люди в разных местах в одно и то же время обращают взоры к небесам и наблюдают одну и ту же небесную панораму.

Египетскую и индогерманскую теории переселения религий и языков нередко противопоставляли друг другу как соперниц, претендующих на всеобщее признание, но поскольку атлантическая теория гораздо древнее обеих, мы можем найти в ней вполне удовлетворительное решение многих трудных задач, которых менее универсальная теория происхождения не разрешит. Цари и царицы глубокой древности и в самом деле могли править по тому божественному праву личной пригодности к верховенству, без которого всякое номинальное владычество немногим отличается от фарса. Богов и богинь древней Греции и Рима теперь нередко

рассматривают как обожествлённых правителей Атлантиды, память о которых передавалась со всё возрастающим прославлением, подобно тому как мы склонны возвеличивать наших национальных героев и героинь, пока на основе подлинной истории не построим мысленные образы почти божественных личностей, годовщины которых мы празднуем как общенародные праздники и чью память превозносим так высоко, что многие из них вскоре становятся в нашем представлении святыми и даже полубогами. Читая «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, мы сразу поражаемся весьма земным свойствам, которыми великий поэт наделил божеств Пантеона. Описанные там существа настолько по-человечески чувствуют и поступают, что мы вполне можем поверить: их идеализированное бытие в Эмпирее основано на преданиях об их действительной жизни на земле, — вывод, к которому легко приходят все, кто знает, как крепко культ предков владел и до сих пор владеет сердцами и умами множества людей. В воззрениях мифологов гораздо больше исторического и, следственно, гораздо меньше вымышленного, чем многие из нас были воспитаны думать, ибо мы сейчас переживаем в мышлении реакцию на крайне материалистические взгляды, которые

много столетий безраздельно господствовали едва ли не во всех западных центрах учёности. Столь плотной была тьма, в которую оказались погружены университетские профессора в вопросах классики, и столь неумолимым было предубеждение против восточных религий, что в каждом европейском университете студентов учили верить, будто в религиозных понятиях даже самых прославленных язычников нет никакой истины, если не считать некоторой уступки в отношении достоинства части их нравственной философии. Теперь входит в моду обращаться с языческими божествами почти так же, как мы обращаемся с христианскими святыми, которые, несомненно, были людьми с действительным земным поприщем, хотя весьма сомнительно, чтобы такие повествования, какие мы находим в «Житиях святых», изданных с церковного одобрения, можно было во всех случаях подтвердить исторической проверкой. Наши собственные современники, по крайней мере некоторые из них, могут быть столь же разумны и столь же святы, как их глубоко чтимые предки, но поскольку расстояние всегда придаёт зрелищу очарование, мы редко, если вообще когда-либо, бываем так же готовы канонизировать живущих среди нас, как тех, кто давно покинул это смертное

состояние. Тем не менее в мифологии есть четыре отчётливых элемента, без должного внимания к которым мы не сможем далеко продвинуться в библейских и оккультных изысканиях. Это, во-первых, астрономический и астрологический; во-вторых, исторический и биографический; в-третьих, спиритуалистический и идеалистический; в-четвёртых, эзотерический и интуитивный. Мы можем читать любое древнее сказание в свете этого четырёхчастного способа толкования, не насилуя ни разума, ни здравого смысла, ибо всегда должны помнить, что в былые дни и в классических землях не было дешёвых печатных станков, позволяющих заносить в ежедневную газету любую малозначащую подробность. Писцы в старину были людьми исключительно способными, а искусство письма считалось священным; поэтому постоянно записывались лишь очень важные события из жизни народа, а та часть их письменности, что создавалась на почти нетленных скрижалях, была трудом исключительно учёных мужей, которым вверялось хранение дел, считавшихся всеми наиболее важными. Мелкие происшествия нередко упоминаются, но не ради них самих, а лишь затем, чтобы пояснить важные поучения, которые мудрецы давали своим ученикам посредством

двойного шифра: он позволял тем, кто входил во внутренний круг собрания учеников, постигать эзотерический смысл учителей, тогда как все, кто был вне этого освящённого круга, слышали лишь о заурядных событиях без особого значения. Когда этот факт будет вполне усвоен и мы вспомним о притчевом способе обучения, до сих пор повсеместном на Востоке, наше исследование древних свидетельств станет и назидательным, и увлекательным, и мы сумеем избежать и Сциллы безрассудного скептицизма, и Харибды слепой, безропотной веры в божественный авторитет всего, что содержит любая запись.

ГЛАВА IV.

РАЗЛИЧНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БИБЛИИ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

В своём в высшей степени достоверном труде «История сверхъестественного» Уильям Хоуитт, учёный и кропотливый автор, питавший чрезвычайное благоговение перед иудейскими и христианскими Писаниями, оправдывает употребление этого старомодного богословского

термина, который теперь нередко вытесняется куда более простым словом «сверхфизический», следующими яркими словами: «Под сверхъестественным автор этой книги понимает действие тех высших и более сокровенных законов Божиих, с которыми мы пока знакомы лишь весьма несовершенно и потому либо называем их следствия чудесами, либо, крепко зажмурив глаза, вовсе отрицаем их существование. Вовсе не считая так называемые чудеса перерывами или нарушениями хода природы, он видит в них лишь результаты духовных законов, которые, действуя время от времени, подчиняют, приостанавливают или нейтрализуют менее сильные физические законы, подобно тому как более сильное химическое сродство подчиняет более слабое и порождает новые соединения, но соединения, строго согласные с совокупными законами вселенной, понимаем мы их или не понимаем. В пору, когда столько возражений выдвигается против отдельных мест библейского повествования, смущающих умы людей и преследующих их горькими предчувствиями, автор счёл в высшей степени важным представить в одном всеобъемлющем обзоре свидетельства самых выдающихся историков и философов всех веков и

народов о проявлениях тех духовных сил среди них, которые мы за недостатком дальнейшего знания называем сверхъестественными». Этот необычайно плодовитый автор вполне исполнил обещание, данное своим читателям: познакомить их с почти всеобщим свидетельством о действительности духовных событий, которые происходили, порой в изобилии, а порой лишь изредка, во всех уголках земного шара; и хотя Уильяма Хоуитта вполне можно причислить как к христианским апологетам, так и к толкователям Библии, он был бескомпромиссным, хотя никогда не фанатичным и не безрассудным спиритуалистом. Американское издание знаменитой английской книги, о которой мы сейчас говорим, вышло в Филадельфии в 1863 году в известной фирме «Дж. Б. Липпинкотт и К°» в то время, когда британская и американская публика была сильно взволнована, с одной стороны, религиозным скептицизмом, а с другой — грандиозными притязаниями современных спиритуалистов. Не будь Уильям Хоуитт уже широко и высоко известен в литературных кругах, сомнительно, чтобы его объяснения спиритуализма вызвали большое внимание, но имя и слава этого выдающегося автора были таковы, что всё, что он издавал, всегда вдумчиво читали разумные люди

всех сословий. Уникальная ценность такого трактата в том свете, который он проливает на всеобщность духовных раскрытий. Как претендент на исключительное откровение может находить удовлетворение в столь широком свидетельстве, нам непонятно, но для изучающего священную литературу вообще, а не одну-единственную книгу, охват территории, который даёт это повествование, должен быть не только весьма желанным, но и необычайно просвещающим. Добрые и злые духи признаются во всех записях о духовном общении как нашего времени, так и древности, но под «злом» никогда по-настоящему не подразумевается «безнадёжная испорченность», ибо единодушное свидетельство всех поистине просвещённых учителей во всех краях и веках осуждало без остатка чудовищное учение о бесконечных и бесполезных страданиях и о его закадычной спутнице — полной греховной испорченности. Эти кошмары ложного богословия никогда не получали поддержки или одобрения от каких-либо просветлённых учителей, и можно смело утверждать, что никогда на земле не было по-настоящему просвещённого духовного учителя, который одобрял бы искажённые неверные толкования Шеола, Геенны, Тартара и других еврейских и греческих слов, обозначающих

состояния посмертного очищения, которые встречаются в Библии или у классиков. Но сколь бы верными ни были утверждения, что «дверь исправления никогда не закрыта» и что «путь прогресса вечно открыт перед каждой человеческой душой», как заявляют некоторые общества спиритуалистов, такое утверждение отнюдь не снимает вопроса о тёмных сторонах общения с духами, хотя и подсказывает нам разумное отношение к тем «обитателям порога», которых легковерные люди часто принимают за могущественных ангельских существ, будто бы удивительно продвинувшихся по пути прогресса. Мы не можем коротко отмахнуться от учения об «одержимости», как бы неприятно ни было о нём размышлять, одним лишь презрительным щелчком пальцев; но если вокруг нас действуют как тёмные, так и светлые невидимые влияния, знаем ли мы об этом или не ведаем, то можем быть вполне уверены, что непрестанное действие неуклонного закона духовного сродства неизменно остаётся тем фактором, который определяет, к какому роду влияний мы поддаёмся, и этот же закон неизбежно всегда управляет нашими ближайшими душевными связями. «Не убоюсь зла», говорит сочинитель двадцать третьего псалма, и эти слова

были бы бессмысленны, если бы слово «зло» не несло никакого смысла в уме того, кто его употребил. Добро и зло, на наш взгляд, — понятия относительные, а не абсолютные. Абсолютно зла быть не может, но относительно всякий разлад или болезнь есть зло, а всякая гармония или здоровье — добро. Эта мысль настолько всеобща, что во всех землях и во все века доказанное исцеление больных посредством некоей обычно непостижимой силы служило убедительным доказательством того, что действующий разум имел благодетельный характер. И у иудеев, и у римлян этот критерий считался вполне решающим в начале христианской эры, и на протяжении всех последующих столетий, включая нынешнее, та же мысль остаётся столь широко распространённой, что дела исцеления всегда торжествующе приводятся как свидетельства святого источника, из которого проистекают таинственные способности. «Может ли бес открыть глаза слепым?» — вопрос столь же уместный сегодня, как и тогда, когда его задали во времена Иисуса. Чудеса исцеления способны совершать только маги «белого» толка; маги «чёрного» порядка могут производить подлинные проявления многих сомнительных видов; они могут поразить, но не могут исцелить, ибо исцеление, будучи делом

приведения в гармонию, не входит в круг обрядов, доступных тем, кто живёт в разладе; а поскольку великая разделяющая черта между левкомантией и некромантией, т. е. между магией, дарующей свет, и магией, несущей смерть, состоит в том, что первая всегда действует с благожелательным, а вторая со злым умыслом, нетрудно разумно отличить праведный спиритуализм от неправедного колдовства. В этом пункте многие незадачливые толкователи Библии оказывались словно безумно слепыми: даже в наши дни мы часто читаем отчёты о проповедях против спиритуализма, обнаруживающих такое грубое невежество проповедника, что мы прекрасно понимаем: лишь подслеповатое предубеждение или откровенная глупость могли позволить выдавать подобные речи за «евангельскую проповедь», когда всем нам известно, что «евангелие» — синоним благой вести и радостной вести. Предостерегать неосторожных от опасностей, которые подстерегают их на пути, часто невидимые и неподозреваемые, — поистине важная часть пророческого служения, но есть только два способа, какими такое предостережение может принести пользу: один — наставлять к высочайшей нравственной цельности, другой — рекомендовать твёрдое развитие личности; и ни одной из этих

благих целей невозможно послужить обличительной бранью и безнадёжным смешением вещей, радикально различных. Следует откровенно признать, что во многих местах еврейских Писаний есть утверждения, яростно осуждающие вавилонские магические искусства в том виде, как они практиковались во время иудейского плена, и почти сразу после возвращения иудеев в Палестину в Израиле появились великие пророки, которые настойчиво призывали народ немедленно отречься от своих заблуждений и тотчас вернуться к чистому единобожию, которое с самого начала было гордостью и славой Израиля. Без сомнения, во многих частях Библии есть отрывки, которые можно истолковать так, будто пророки от имени Бога осуждали всякую форму гадания; но если столь натянутое толкование прилагать к сомнительным местам, то что сказать об Иосифе и его гадательной чаше, найденной в мешке его младшего брата Вениамина, — когда этого же Иосифа выставляют как достойного восхищения истинного пророка, чьим милостивым влиянием был отвращён голод в Египте, а его собственные братья, несмотря на их жестокость к нему в юности, были весьма гостеприимно приняты и ласково обласканы в нужде? Что сказать о Самуиле, который не только в

детстве обладал ясным слухом, но вырос могущественным пророком, к которому люди обращались, и никогда не напрасно, за мудрым руководством в трудные времена; и что, в самом деле, сказать о целом сонме пророков, которые все в каком-то отношении были гадателями, но праведно держались нравственного закона и применяли гадание лишь для достойных и похвальных целей? Конечно, не требуется необыкновенной проницательности, чтобы отличить пророчество от колдовства, ибо исходное значение слова «ведьма» — та, что накладывает нечестивые чары со злым намерением, а такая практика и ныне не вполне чужда рядам недобросовестных людей. Действовали ли чары или нет, истинные пророки всякого века и народа полностью осуждали любую практику, вызванную желанием причинить вред человеку или животному, а также осуждали все те в высшей степени предосудительные приёмы, к которым прибегали в Вавилонской империи с целью вступить в общение с невидимыми существами посредством некромантии; они настолько отличны от всех достойных спиритуалистических практик, что явно несправедливо как-либо смешивать их. Мы много слышим о «злонамеренном месмеризме» и о многом другом жутком, когда обнародуются

внутренние дела некоторых современных обществ и одна сторона берётся обвинять другую; и хотя весьма спорно, насколько такие обвинения могут быть когда-либо доказаны, мы вправе решительно выступать против всяких попыток злоупотребить любой оккультной силой, с которой мы можем быть знакомы. Вряд ли что-нибудь может быть более жутким и презренным, чем попытка извратить телепатию, или умственный телеграф, ради низкой цели — навредить тому, на кого мы затаили обиду; но, с другой стороны, мы легко видим, сколь поистине добросердечным может быть поступок благожелательных и добросовестных людей, которые дают так называемые «мысленные лечения на расстоянии» с единственной целью помочь другим обрести или вернуть здоровье и подняться над всякого рода искушениями и трудностями. Крик об опасности непременно раздаётся в иных кругах всякий раз, когда упоминается таинственное, и малодушные легко пугаются любого крика «волк!», кто бы его ни поднял; но мы хотели бы спросить этих паникёров, вечно болтающих о настоящих или воображаемых опасностях, известна ли им в обширном поле научного и технического прогресса хоть одна область, где нет опасности. Если бы вопили о бедствиях и пугали пугалами

последовательно, они были бы вынуждены предостерегать нас от применения пара, электричества и всякого иного приспособления цивилизации, а также налагать запрет на каждый успех в искусстве навигации, особенно воздушной, из-за опасностей, с которыми действительно сталкиваются моряки и авиаторы. Мы не вправе полагать, что вполне застрахованы от опасности, пока не достигнем высоты, доступной лишь великим мастерам в любом деле; но таких возвышенных состояний никогда не достигали трусы; лишь сильные и храбрые способны взойти на те вершины, где ныне стоят торжествующие герои, чей девиз — всегда «Excelsior» («Всё выше»).

Возвращаясь к труду Уильяма Хоуитта, мы легко можем последовать за ним в его смелых утверждениях, что чудо есть «вечное наследие церкви», но будем всегда помнить, что латинское слово *miraculum* означает лишь нечто удивительное в силу того, что оно необъяснено, хотя и не необъяснимо. Люди сильно изумляются всякий раз, когда видят нечто, чего не постигают, но если они пользуются разумом, то не относят это ни к фокусничеству, ни к дьявольщине. Недавно было собрано множество свидетельств, доказывающих,

что дела исцеления, подобные описанным в древности, совершаются и теперь среди нас: одни в границах организованных церквей, но очень многие совершенно вне всяких признанных организаций. Христианские учёные (Christian Scientists) и прочие желающие монополизировать силу исцеления вправе с удовлетворением указывать на собственные успехи, но у них нет никакого права утверждать, будто лишь им одним дарована сила исцелять или будто подобные чудеса, совершаемые людьми вне их рядов, происходят от «злонамеренного магнетизма» или иного пугала, которое они выдумали в интересах своей монополии. Есть очень хорошие люди в рядах всех партий, которые благодаря своей серьёзности и вере действительно совершают чудеса, но ни одно отдельное вероисповедание или учреждение, будь то церковь или школа, не имеет ни тени доказательства в подкрепление своего напыщенного заявления, если оно когда-либо пытается доказать, что лишь оно одно является хранилищем божественной благодати или целительной энергии. Силу исцеления всегда считали и божественным даром, и научным достижением, и эти понятия не только не исключают друг друга, но вполне согласуются:

мысль о божественном даре относится, собственно, к тому, что мы носим в себе, а научное умение — к плодам человеческого труда, использующего дары, скрытые в нас. Никто не может прочесть ту часть Книги Исход, где рассказывается о Моисее и Аароне с одной стороны и о фараоновых магах с другой, не уразумев тотчас, что рассказчик считал самоочевидным доказательством покровительства небес Моисею и Аарону то, что они могли исцелять больных и исцеляли, тогда как посланцы царя Египта не получили божественного одобрения, ибо своими чарами могли лишь умножать страдания несчастных людей и животных. Какими бы ни были те чудеса, что предшествовали исходу Израиля из Египта, Иосиф Флавий и другие выдающиеся историки, несомненно, считали их решающими в пользу евреев, поскольку среди них были пророческие вожди, способные обезоружить всякую вражду и победить любое препятствие, предъявляя те удостоверения, которые в древности всегда требовались от всякого, кто дерзал говорить с народами как божественный посол. Мы вполне можем утверждать, что есть стороны духовного исцеления, например преобразование характера, гораздо более важные с этической точки зрения, чем даже устранение самых тяжких телесных

недугов; но все разнообразные дела исцеления, записанные в древних и новых писаниях, явно исходят из единого центрального источника. Тот прекрасный современный классический роман, «Бен-Гур» Лью Уоллеса, очень ясно изображает всемирное и вековое чувство, что каждый божественно вдохновлённый посланник должен совершить некое подлинное благо для человечества не в одном направлении: и чем выше положение и больше сила данного посланника, тем могущественнее должны быть совершаемые им чудеса; поэтому вполне созвучно всеобщему чувству в этом отношении избрать случай двух прокажённых, исцелённых Учителем, когда они полностью доверились ему и тем воспользовались его целительной силой.

Все простые чудеса, которые лишь вызывают удивление и, по-видимому, никому не приносят пользы, не несут с собой явных удостоверений; они могут быть «пшеницей», а могут быть «плевелами», и пока они не доказали себя своими плодами, мы не вправе судить о них окончательно; но всякий раз, когда совершается действительное добро, мы поистине глупы, если не приписываем его благожелательному источнику, и столь же нелепо

наше положение, если мы отказываем в осуждении любым деяниям, влекущим за собой беду. Мы должны пользоваться разумом в отношении чудес так же, как пользуемся им в обычных делах жизни, судя о деревьях по приносимым ими плодам, и когда это испытание будет добросовестно и повсеместно применяться, мы уже не будем слепо, как встарь, спотыкаться о одобрения и запреты, встречающиеся в Библии или где-либо ещё. Было бы очень интересным, хотя и очень долгим делом рассмотреть полный смысл всех имён, данных различным персонажам Библии и других Священных книг, чтобы по возможности выяснить эзотерическое значение этих многочисленных своеобразных названий, уделяя при этом особое внимание преднамеренной перемене имён, будь то путём увеличения числа слогов или путём полного изменения. Современный мир всё более интересуется именословием, и во многих классах, проводимых в Лондоне, Нью-Йорке и других влиятельных городах, изучается значение имён. «Что в имени?» — очень серьёзный вопрос в глазах многих нынешних исследователей эзотерических тайн, и если принять во внимание, как много интереса сейчас проявляют к астрологии весьма умные люди, мы вполне готовы деятельно

возродить всё невинное и полезное в методах гадания, которыми пользовались древние. В том замечательном трактате «Магическое искусство» («Art Magic»), представленном студентам спиритизма и оккультизма Эммой Хардинг Бриттен в 1870 году и в последнее время широко распространённом благодаря предприимчивости на редкость всеобъемлющего еженедельника «Прогрессивный мыслитель» («The Progressive Thinker») из Чикаго, мы читаем о многих видах гадания, которые автор считает крайне отталкивающими для утончённых чувств, хотя они никоим образом не недостойны внимания с точки зрения исследования того, какую власть над своими покорёнными материальными организмами могут обрести высоко подготовленные аскеты. С такими суровыми и отталкивающими методами, какие применяют индусские факиры и мусульманские дервиши, мы не желаем иметь дела, ибо их исступлённые обряды — не церемонии утончённых эзотерических братств, которые усердно воспитывают любовь к прекрасному и здоровому и ни к чему более. В древних храмах Греции и Рима, а также Египта и Индии практиковалось множество различных искусств гадания, от возвышенных до отвратительных, причём не все сразу в какой-либо

одной группе храмов, а в разные периоды и в известной мере также одновременно разными сообществами практиков. Подобно тому как сегодня в ведущих странах мира существует много сильно различающихся школ религии и медицины, так было и в землях и веках древности, и так, в известной мере, продолжалось всегда и везде. Гадание по внутренностям убитых животных было очень распространено в Римской империи, и хотя это не было по-настоящему утончённым занятием, оно не было и вполне отвратительным, ведь животных убивали на пищу, как убивают и теперь, а после того как дыхание покинуло тело, нет преступления в осмотре туши; тем не менее мы всегда должны помнить, что самые ясновидящие провидцы были вегетарианцами, которые полностью отказывались участвовать в убийстве животных или птиц и для которых прикосновение к трупу было бы невыносимо. Эти чистые помыслами и исключительно утончённые чувствительные люди древности были теми провидцами и провидицами, через которых давались оракульские наставления, принёсшие школам пророков, где бы они ни основывались, славу непосредственного общения с подлинными божествами. Чудовищные действия вивисекторов и других вопиющих

нарушителей естественного порядка могут вызвать некоторые психические последствия весьма пагубного свойства, но жестокие надругательства над человеком или зверем никогда не могут в конечном счёте привести ни к каким иным последствиям, кроме той участи, что неизменно постигает каждого «чёрного мага». Изысканная история Парсифаля, известная всем любителям музыки как величайшая из всех современных опер, с несомненной ясностью показывает точное различие между противоположными видами магии, символически называемыми «белой» и «чёрной». Парсифаль становится князем среди адептов, достойным быть верховным главой рыцарей Святого Грааля, лишь после своей яростной схватки с Клингзором, которая завершилась полным разрушением замка некромантии. Кундри, одно время служанка рыцарей, а в другое время рабыня Клингзора, до своего окончательного освобождения Парсифалем, — хороший пример неуравновешенной чувствительной натуры, которая в любой момент может поддаться временно преобладающему влиянию. Когда безыскусным юношей Парсифаль отправляется с луком и стрелами и необдуманно убивает священного лебедя, Гурнеманц, страж

священной ограды, резко его укоряет, и с тех пор юноша больше не стреляет в птиц. В тот миг, когда он принимает упрёк и решает жить по более высокому правилу, чем обычное, он «вступает на Путь» и воистину идёт по мистической дороге к грядущему адептству. Мы не можем достаточно настойчиво утверждать, что великое различие между состоянием простого медиума и состоянием адепта в том, что первый подвластен влиянию меняющихся внешних воздействий, тогда как второй изучил искусство психического плавания и потому может определять, какие влияния будут или не будут им управлять. Амфортас, слабый (и потому неспособный) предводитель рыцарей, должен оставить свой пост более сильному и достойному преемнику. Когда Парсифаль всходит на престол, он тотчас исцеляет рану своего страдающего предшественника, коснувшись её Священным копьём, которое Амфортас потерял в неудачной борьбе с Клингзором и которое Парсифаль вернул в конце столь же ожесточённой схватки с некромантом, битвы, завершившейся полным разрушением опасного средоточия беззакония. Ни одна история не показывает полнее, чем «Парсифаль», магические противоположности: с одной стороны мы видим дух, уступающий плоти, а

с другой — дух, торжествующий над нею; и опять же, с одной стороны — колеблющуюся женщину, подчинённую целям зла, а с другой — ту же женщину, спасённую, укреплённую и способную отныне радостно служить, в совершенной свободе, делу праведности.

Любопытная история о эндорской волшебнице — одно из тех библейских повествований, которые породили нескончаемые споры из-за крайней запутанности самого рассказа: ведь отнюдь не ясно, что эта необыкновенная женщина была лживой или неприятной особой, хотя царь Саул, никак не образцовый монарх, навлёк на всех женщин её рода свою немилость и объявил их вне закона. Нет никакого нравственного урока в том, чтобы одобрять распространённый взгляд духовенства, будто Саул совершил великий грех, обратившись к этой женщине; скорее мораль истории следует искать в утверждении, что ни она, ни дух Самуила, которого вызвал Саул, не могли спасти его от последствий его собственного долгого неповиновения божественному руководству. Самуил долго и часто увещевал Саула и призывал его обратиться от беззакония к праведности, но упрямый царь упорно и неизменно отказывался внимать наставлениям

пророка, и долгим ожесточением он довёл своё положение до такой черты, что в конце концов ему стало слишком поздно исправлять свою рухнувшую судьбу; поэтому напрасно он стремился добиться встречи с ушедшим Самуилом, который, как ни велик он был как пророк, не имел власти избавить преступника от накопившихся последствий его теперь созревших проступков. В каждой истории, и личной, и национальной, бывают кризисы, и когда жатва готова к серпу, уже поздно пытаться отвратить то, что достигло своего явного плода. Мы должны принять последствия, сколь бы болезненными и горькими они ни были, точно так же как, с другой стороны, когда мы действовали мудро и праведно, нам не уйти от блаженных плодов нашей долгой гармоничной деятельности. До известного предела все мы вольны изменить свой образ действий, но когда определённые семена уже созрели, а деревья уже плодоносят, то, хотя мы и можем решить, что наша следующая жатва будет совсем иной, мы не в силах отвратить неминуемую гибель, которая теперь стоит перед нами. Оракулы и сивиллы, связанные со всеми древними храмами, имели обыкновение предупреждать своих просителей о надвигающихся катастрофах, и, если можно хоть сколько-нибудь

доверять истории, их предостережения часто помогали обратившимся к ним не продолжать путь, полный опасности; но иногда вопрошающий оракула приходил слишком поздно, чтобы воспользоваться этим благожелательным провидением, которое, будучи применено вовремя, спасало многих от падения в психические пропасти. Женщина из Эндора (которая в оригинале не ведьма, а лишь ясновидящая) сказала Саулу, что видит рядом с ним в духе образ, в котором он узнал Самуила, но она не имела власти заставить этот дух отвечать на её требования. Прекрасная драма «Царь-пастух» («The Shepherd King»), в которой одарённейший актёр Райт Лоример так успешно исполнил главную роль, даёт версию этого библейского эпизода, удивительно убедительную и поразительно согласную с чистейшим эзотерическим учением. В этой великолепной пьесе женщина в своей пещере заявляет, что не имеет власти вызвать Самуила, но он является Саулу совершенно по собственной воле — вполне разумный вывод, если принять во внимание очевидный факт, что пророк пребывал бы в духовном состоянии, намного более высоком, чем любой возможный знакомый дух, который мог бы быть по зову и мановению какой-нибудь древней

прорицательницы или современного медиума. Мозес Халл, видный американский спиритуалист, очень ясно указывал во многих своих лекциях и сочинениях, что слово «ведьма» («witch») встречается лишь среди заголовков глав в Библии короля Иакова, составленных около 1611 года, и нигде в самом тексте, даже в этом издании. Нет ничего нелепее, чем утверждать, будто, раз триста лет назад в Англии существовали законы против колдовства, то всякая женщина, обвинённая в чародействе, независимо от места и обстоятельств, была чем-то иным, нежели достойной особой. Сэмюэл Патнэм написал прекрасную историю колдовства в Новой Англии, в которой неопровержимо доказал всем непредвзятым читателям, что в Сейлеме, штат Массачусетс, и в нескольких других местах Америки фанатичные пуритане, подвергнув пыткам, приговаривали к смерти многих невинных жертв своей безумной нетерпимости не так много веков назад. Первоначальная цель законодательства против колдовства, возможно, была вполне похвальной, поскольку явно предназначалась для того, чтобы действенно осудить все нечестивые практики, направленные на причинение вреда людям, но мы все знаем, как быстро благонамеренный закон

может быть извращён в руках неразумных фанатиков и прочих беспринципных лиц, которые без колебаний приписывают самые гнусные преступления тем, кто навлёк на себя их личную неприязнь. Вероятно, и в древние дни были женщины, а также мужчины, которые «высматривали и бормотали» и при помощи мерзких заклинаний пытались навлечь несчастье на своих жертв, и такие, быть может, есть и сегодня; но огульное осуждение целых групп людей всегда несправедливо и совершенно неразумно. Пшеница и плевелы растут вместе на всех полях, и часто требуется гораздо больше обычной проницательности, чтобы различить их до времени жатвы; поэтому нам подобает, пересматривая древние записи, а особенно имея дело с событиями нашего собственного дня, давать преимущество сомнению везде, где царит неопределённость. В одном мы можем быть вполне уверены, а именно: вселенная не управляется столь безумным образом, чтобы допускать, чтобы дьяволы завлекали неосторожных к гибели, тогда как ангельское служение недосягаемо для человечества. Что верно в истории Израиля, то в равной мере верно и для других народов, и всё, что могло и происходило в былые дни, возможно и в этот самый миг. Мы

извлекаем нравственный урок, рассказывая о событиях прошлого, лишь тогда, когда этот рассказ вдохновляет нас на героическое решение посвятить все свои силы, по всем направлениям нашей деятельности, великой тройной цели, достойной всех благородных мужчин и женщин: открытию истины; распространению истины; применению истины к нуждам человечества. Обладая этим духовным амулетом, мы носим с собой мощный магнит, притягивающий небесные силы, и надёжную защиту от всех полчищ тьмы.

ГЛАВА V.

ЛЕГЕНДЫ О СОТВОРЕНИИ — НАСКОЛЬКО ДРЕВНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ? — ИНДУИСТСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ.

Едва ли теперь нужно говорить сколько-нибудь осведомлённым людям, что первые две главы Книги Бытия никогда не считались буквальной историей ни одним из исследователей эзотерического учения, и мы охотно верим свидетельству Сведенборга о том, что записи об очень древних «Церквах» неопровержимо доказывают: в былые времена все повествования,

почитавшиеся особенно священными, считались содержащими внутренний смысл, который мог быть незнаком непосвящённым, но который был единственным смыслом, занимавшим духовных учителей.

Иконоборчество Томаса Пейна, Вольнея, Вольтера и других известных писателей революционной и реакционной эпохи сослужило добрую службу делу интеллектуальной свободы, но в их задачу не входило раскрывать внутренние смыслы или обращать внимание на духовное согласие между всеми священными писаниями, почитаемыми разными частями человечества, которое теперь, благодаря современным критическим исследованиям, можно проследить. В Америке подлинный живой интерес к сравнительному изучению религий начал пробуждаться у широких масс не ранее 1803 года, да и то главным образом благодаря Парламенту религий, проходившему в Чикаго в связи со Всемирной выставкой; и даже тогда, в течение семнадцати сентябрьских дней того памятного года, когда собрался Конгресс, было немало благочестивых людей с окаменевшими убеждениями, которых весьма шокировала сама мысль, что «языческих» восточных людей

приглашают провозглашать свои «идолопоклонные» учения с тех же трибун, что и христианских священнослужителей. Но к чести многих выдающихся представителей крупнейших христианских конфессий следует отметить, что они обошлись с азиатскими делегатами исключительно хорошо, и хотя нельзя по справедливости утверждать, что это памятное собрание полностью разрушило все барьеры предубеждения между Востоком и Западом, не будет преувеличением сказать, что со времени этого великого исторического события противоборствующие религиозные системы проявляют куда меньше невежества и озлобленности, чем до того знаменательного собрания. Правда, некоторые американцы были так увлечены живописностью восточных одежд и обаятельной личностью некоторых восточных свами и других ораторов Конгресса, что были приняты в лоно буддизма или какой-либо иной азиатской религии, но по большей части никакого прозелитизма ни не достигалось, ни не предпринималось. Чем ближе мы знакомимся с различными религиозными системами, тем меньше, как нам кажется, нужды переходить из одной в другую, ибо все они обнаруживают как

недостатки, так и достоинства, и вряд ли мы найдём все свои идеалы воплощёнными в какой-либо одной системе.

Главная ценность исследования, которое мы теперь предпринимаем, состоит в попытке пробить внешнюю кору мифологии и прийти к некоторым разумным и поучительным взглядам на вселенную, в которой мы обитаем. Число семь всегда считалось особенно священным у всех народов древности, и причину этого следует искать в самой природе, совершенно независимо от человеческой фантазии. Семь цветов радуги, семь нот музыкальной гаммы и многие другие столь же всеобщие примеры показывают, какое видное место занимает семёрка. Семь «дней», или, точнее, периодов творения, перечисленных в первой главе Книги Бытия, по существу согласуются с подобными перечислениями в других, более древних священных писаниях, и когда мы обращаемся за истолкованием к «Arcana Cœlestia» Сведенборга, то обнаруживаем, что, по его словам, они не имеют обязательного отношения к внешней истории и что не имеет значения, какие факты может раскрыть геология: духовная истина, переданная в Пятикнижии, остаётся неоспоренной. Эту твёрдую

позицию прекрасно разъяснял и отстаивал учёный доктор Бейли, много лет бывший священником Церкви Нового Иерусалима в Кенсингтоне, которую усердно посещали искренние люди, державшиеся духовного смысла Библии и охотно следовавшие за своим одарённейшим пастором в его многочисленных и далёких проповеднических экскурсиях в области науки. «Божественное Слово раскрыто» («The Divine Word Opened») — так называется самая известная книга доктора Бейли, один из самых замечательных и побуждающих к размышлению сборников проповедей, какие только можно достать. Подобные труды заслуживают гораздо более широкого чтения, чем то, которое им обычно выпадает, ибо, безусловно, прискорбно наблюдать грубое незнание Библии, по-прежнему широко распространённое среди тех, кто берётся её толковать.

Как справедливо сказано, что никто не может по-настоящему понять ни один язык без некоторого знакомства с несколькими языками, так же верно и то, что никто не может должным образом оценить ни одну легенду о сотворении без общего знакомства с несколькими. Семь Великих Веков Земли должны быть семью огромными периодами,

гораздо ближе согласующимися с восточной, нежели с западной хронологией; но никакого хронологического элемента в самых ранних частях Книги Бытия обязательно нет. Первое слово древнееврейской Торы, *берашит*, обычно передаётся по-английски как «в начале» — выражение, не имеющее обязательного отношения ни ко времени, ни к месту, но равнозначное «в исходной точке». БОГ (Элохим) назван творцом всего произведённого, и поскольку творец объявлен совершенно благим, результаты Божественной деятельности также объявлены благими. «И увидел БОГ, что это хорошо» — фраза, несколько раз повторяемая, — относится к благости, каждая в своей степени, различных порядков существования, появившихся на земле до пришествия Человечества, и какие бы мнения ни держался кто-либо относительно второй и последующих глав Книги Бытия, первая глава не оставляет у непредубеждённых читателей сомнений в том, что исходное предание, изложенное в Библии о происхождении человека, объявляет мужчину и женщину одновременным творением. Дайте любому ребёнку только первый рассказ, а затем спросите, о чём в нём говорится, — ребёнок непременно скажет, что мужчина и женщина были

созданы вместе. Гностические или теософские толкователи могут взяться рассуждать о некоем изначальном творении, предшествовавшем полной материализации человеческих тел, и такие рассуждения всегда интересны и будят мысль, хотя многим умам они кажутся не поддающимися доказательству. Предсуществование проповедуется во всех Библиях, и, как твёрдо утверждали достопочтенный доктор Дж. М. Пиблз и другие образованные и опытные современные спиритуалисты, не может быть эволюции того, что не заключено в зародыше. Обезьяны не могут породить людей, хотя обезьяний род мог существовать на этой планете задолго до человеческого. Эзотерическое учение состоит в том, что каждый тип, появляющийся на земле, происходит от духовного первообразного зародыша, — доктрина, гораздо более постижимая, чем бездоказательные утверждения материалистов, которые не дают никакого основания для своего атеистического догматизма. Многие учёные открыто признают себя агностиками; но агностицизм не постулирует ничего определённого относительно происхождения человека.

По-настоящему замечательное истолкование Книги Бытия дошло до нас из вдохновенного и плодовитого пера Эраста Гаффилда, джентльмена высокой литературной образованности и общественного положения, который под духовным влиянием написал несколько весьма поучительных книг, среди которых «Раскрытое прошлое» заслуживает особого первенства. В этом замечательном трактате сказано: «До появления на земле условий, пригодных для обитания, во вселенной, как и теперь, было много планет, где существовали лишь зачаточные условия жизни, населённых существами на разных ступенях эволюционного развития, множеством тех, кто достиг лишь очень ограниченных способностей разума, лишь малой власти над слабыми и несовершенно развитыми умственными способностями, которые лишь отчасти отражали интуиции духа и не могли быть использованы ни для исследования законов космического творения, эволюции или иных научных фактов, ни для преподавания нравственных предписаний». «Из таких весьма примитивных состояний, после того как были усвоены некоторые внутренне присущие принципы Закона, порой совершались переходы на более высокие ступени. Многие стремящиеся,

наделённые интуицией, достигнув определённых степеней духовного понимания и покинув свои физические тела, вступали в небесные состояния бытия, где открывались более широкие возможности для приобретения знания о божественных принципах Закона и для более совершенного осуществления духовных устремлений. Таким не требовалось дальнейшего опыта на материальных планах. Однако огромные множества нуждались в новом опыте в физических состояниях и искали его, и без него могли бы достичь лишь малого успеха в исполнении своего предназначения. Поэтому можно сказать, что «начало», о котором говорится в первом стихе Книги Бытия, относится к формированию пластичных элементов, прежде существовавших в пространстве, в условия, пригодные для производства всего того, что понадобится физическим существам, когда они появятся, — существам, которые, хотя поначалу и проявляли лишь самые зачаточные состояния интеллектуального восприятия, имели бы некоторые естественные нужды: воздух для дыхания, воду для питья и пищу для еды. Текст никоим образом не относится к вызыванию к бытию первоначальных элементов, о которых никто не может представить себе возможного объяснения».

Первые переселенцы на землю пришли без материализованных форм, исполнив миссии на других планетах, воплощённые в телах, приспособленных к тамошним условиям. Они пришли сюда с радостью, как в новую Голконду, надеясь одержать важные победы над стихиями и достичь духовного и материального прогресса, когда условия позволят им вновь принять материальные тела». Далее этот автор сообщает нам, что первыми были заселены те области земли, чей климат был сходен с климатом планет, откуда пришли переселенцы из других миров. «Области далёкого севера были первыми заселены физическим человечеством. Здесь бесчисленные века жила раса малого роста, склонная к охоте, не знавшая многих утончённостей, достигнутых впоследствии в более южных широтах, миролюбивая, представлявшая порядок или условие жизни, подобное тому, что выработали их предшественники на других планетах. Можно сказать, что уничтожение возможностей жизни на луне и образование обитаемых условий на земле были современны друг другу». Много учений о «лунных питри» можно найти в теософской литературе, и, по-видимому, общее учение тех, кто притязает на знание об огромной древности

человеческого рода, состоит в том, что на луне была жизнь, прежде чем эта земля стала готова к заселению людьми. Нет ничего легче, чем согласиться со знаменитыми, как утверждают, «ошибками Моисея» Роберта Ингерсолла, если бы мы полагали, что буква Книги Бытия предназначалась для совершенно буквального понимания; но, судя о ней в свете, который проливает на неё сравнение с другими древними записями, мы считаем всякие такие иконоборческие насмешки незаслуженными и к тому же совершенно неучёными. Но поскольку Ингерсолл был популярным лектором, от которого ждали и развлечения, и наставления, и к тому же поскольку иные виды невежественной теологии действительно так же смешны, какими он их изображал, имя Ингерсолла живёт как имя поборника права на свободную мысль и свободное исследование, без которых достижение истины невозможно.

Теперь мы обратим внимание на индуистские предания о возрасте мира и происхождении человека. Многим читателям они кажутся крайне преувеличенными из-за огромных периодов, которые отводятся на год, и представляется

невероятным, что можно оценивать протяжённость веков с такой полной точностью. Однако не исключено, что где-то тщательно сохраняются записи, во многом оправдывающие даже поразительные утверждения Бабы Премананда Бхарати в его несомненно прекрасной книге «Шри Кришна, Господь любви», в которой он берётся представить английским читателям «историю Вселенной от её рождения до её растворения». Автор говорит, что в ходе своего трактата он изложил «науку творения, его создание и его механизм, согласно сведениям, почерпнутым из записанных фактов священных книг Корневой расы человечества». Это объявляется учением подлинного индуизма. Восторженный писатель говорит нам, что если мы прочтём эту запись с открытым умом, она даст нам просветление, разрешит не одну загадку жизни и распутает не один узел мысли. Следующая цитата из предисловия ясно излагает в предельно сжатых словах всю суть индуистского учения:

«Убеждение, что наша жизнь начинается с рождением этого физического тела и кончается с его смертью, — худшее из суеверий, потому что оно — худшее препятствие на пути раскрытия нашей

души. Эта жизнь возникла из Вечности; она дышит в Вечности и в конце концов поглощается Вечностью, которая есть Абсолютная Любовь. Думать, что мы, человеческие существа, никогда не были наделены большими силами, чем те, которыми обладаем в нашу эпоху, — печальнейшая из ошибок. Верить, что некогда мы были так же велики и могущественны, как Божественные существа, и что мы можем вернуть это величие и эти силы, — значит верить в действительные возможности человеческого ума. Эту жизнь можно сделать одной долгой восторженной песней; эту жизнь, если потрудиться, можно сделать источником радости для нас самих и для всех вокруг нас во веки веков; она может даже достичь Сущности Божества, из которой возникла, непрерывно развивая богосознание.

«Все мы идолопоклонники. Одни из нас поклоняются идолам Божества, другие — идолам Материи. Одни поклоняются Духу через наводящие на мысль знаки и символы; другие поклоняются Плоти. Поскольку нашему уму нужны идолы для поклонения, подобно тому как нашему телу нужна пища для поддержания сил, давайте все поклоняться идолам Духа в Форме. Через её

конкретный центр-форму мы можем войти в Отвлечённый Дух Любви — Любви, которая есть единственная наша цель и назначение в жизни. Эта Любовь — Кришна, и вселенная, и мы, её части, суть материализованные проявления этой Любви». Баба Бхарати вправе говорить нам, что, читая его сочинения, мы читаем книгу чисто восточной мысли в чисто восточном облачении, ибо без этого пояснения мы бы не поняли приведённой выше хвалы идолопоклонству; но когда мы знаем, что на Востоке эквивалент нашего слова «идол» означает просто любое проявление жизни, которое мы можем символизировать и потому в какой-то мере постичь, то, как только мы улавливаем смысл слов индуистского автора, мы легко можем разделить ясную и чёткую границу, которую он проводит между идолами духа и идолами плоти. Но сейчас нас особенно занимают века мира. Их называют Золотым, Серебряным, Медным и Железным. Золотой век лежит далеко в глубине древности и, как говорят, длился 4800 Божественных лет, каждое из которых содержит 360 наших лет; таким образом, вся продолжительность Золотого века должна была составить 1 728 000 наших лет, что вполне можно представить себе как протяжённость геологической эпохи. Согласно индуистскому преданию, это был

самый духовный век, и утверждается, что в тот далёкий период золота было буквально в изобилии. Вспомним теперь, что в Книге Бытия говорится о золоте, в изобилии находившемся во всей земле Хавила, которую омывает, как сказано, река Фисон. Слово «Хавила» означает «производить» и «давать силу»; так мы легко можем увидеть некую поразительную связь между восточными преданиями, которые ныне раскрывают нашему взору приезжающие в Европу и Америку азиаты, и указаниями на отдалённую древность в ранних еврейских сказаниях. Серебряный век, следующий непосредственно за Золотым, как говорят, длился 3000 Божественных лет, то есть 1 080 000 человеческих, или лунных, лет. Индуистская хронология всегда называет Божественные годы солнечными, а земные — лунными, потому что мы считаем месяцы по движению луны и ведём свой календарь с чисто геоцентрической точки зрения. В течение Серебряного века произошло упомянутое в Библии Грехопадение человечества. Индуистские учителя описывают это событие как следствие притяжения Нереального. В Золотом веке, говорят, человечество не знало ничего, кроме Истины, но в Серебряном веке оно было сбито с пути обманчивыми видимостями и пало из

первоначальной чистоты, спутав иллюзорное с реальным. Наше падение состоит в том, что мы настолько привязываемся к нереальному, что не можем его оставить, хотя и знаем, что оно нереально. У всех веков есть свои периоды Сумерек и Дневного света, что весьма напоминает различные «вечера» и «утра», упомянутые в Пятикнижии. Жизнь Серебряного века, хотя и не столь прекрасная, как в Золотом веке, была всё же во многих отношениях весьма отрадной, и лишь дойдя до Медного века, мы читаем в индуистской литературе о свирепых зверях или воинственных народах. Продолжительность Медного века оценивается в 2000 Божественных лет, равных 720 000 человеческих лет. Железный век ведёт нас в самые глубины человеческой свирепости и упадка, и из него мы ныне, к счастью, выходим к гораздо более высокому состоянию, ибо мы сейчас огибаем поворот и выходим из Тёмного века в век гораздо более яркий.

ГЛАВА VI.

ЕГИПЕТ И ЕГО ЧУДЕСА: БУКВАЛЬНОЕ И

МИСТИЧЕСКОЕ ИХ ПОНИМАНИЕ.

«Из Египта вызвал Я Сына Моего». В этой в высшей степени значимой и важной фразе Писания перед нами не просто историческая отсылка, а нечто гораздо большее; вместе с тем и заключённые в ней исторические сведения представляют большой интерес и ценность. Хотя Египет в особом смысле является страной глубокой древности, он также и современная страна, привлекающая всё возрастающие толпы увлечённых исследователей и туристов: в дельте Нила они находят едва ли не больше, чем в любой другой области, обычно входящей в маршруты популярных путешествий, что возбуждает любопытство и вознаграждает прилежные изыскания. Хотя в Египте можно увидеть тысячи любопытных вещей, предмет наивысшего интереса — Великая пирамида в Гизе, которую по праву называют чудом в камне. Многие из наших читателей, несомненно, читали обширный и учёный труд «Наше наследие в Великой пирамиде» профессора Пьяцци Смита, многие годы бывшего королевским астрономом Шотландии; но поскольку этот труд изобилует сложными математическими расчётами и написан с позиций определённого рода догматического

богословия, он так и не дал широкого общего представления о том, с какой целью было возведено это могучее сооружение, хотя и содержит огромное количество чрезвычайно ценных сведений. Профессор Смит утверждает, что для убедительного объяснения этого величественного здания мы должны приписать ему поистине божественное происхождение, ибо, по его мнению, зодчим был не кто иной, как Мелхиседек, самый загадочный из персонажей Библии, о котором сказано, что он был священником Бога Всевышнего, а также царём Салимским, и что он не имел ни отца, ни матери, ни начала дней, ни конца жизни. Такие утверждения не могут относиться к обыкновенному человеку, но они действительно имеют отношение к человеческому бессмертию, а также в некотором побочном смысле — к могущественному Ордену Адептов, который непрерывно существует на земле из века в век. Эти высокопросветлённые Учителя, несомненно, были великими правителями древних времён; под их благосклонной властью Египет некогда был главным средоточием цивилизации на земле или, по крайней мере, одним из великих главных центров, откуда знание распространялось на многие другие страны. Великая пирамида резко отличается от всех прочих пирамид внутренним

устройством, хотя внешней конструкцией очень на них похожа: все они построены по общему плану основания, и все могут рассматриваться как древние храмы, во многих из которых, несомненно, хоронили тела знатных людей, ибо обычай погребать тела выдающихся людей в храмах поклонения восходит к незапамятной древности. Но все пирамиды, кроме этой наиболее внушительной, богато украшены и внутри, и снаружи всевозможными эмблемами и надписями; одна лишь Великая пирамида совершенно лишена каких-либо украшений. Уже один этот факт в значительной мере оправдывает решительное утверждение профессора Смита и многих других учёных, в основном с ним согласных, что это уникальное сооружение на протяжении всех последующих веков хранило память о чисто духовной религии, процветавшей в древнем Египте среди окружавших её распространённых форм идолопоклонства. Великую пирамиду справедливо рассматривать как огромный масонский храм, возвращающий нас к тому периоду человеческой истории, когда астрономическая религия древнего мира излагалась и сохранялась в храмах великолепной архитектуры, возводившихся по точным принципам математики и геометрии и не

нуждавшихся в орнаментах, чтобы утверждать учения или изображать обряды, ради которых эти строения стояли как непреходящие и почти нерушимые памятники. Самая любопытная из всех теорий, какие нам встречались, разработана Альбертом Россом Парсонсом в его необычайной книге «Новый свет от Великой пирамиды»: он утверждает, что пирамида была построена в память о великой космической катастрофе. Эта мысль хорошо знакома многочисленным читателям «Атлантиды» Игнациуса Доннелли, который утверждает, что задолго до того, как остров-материк был окончательно поглощён океаном (между 11 000 и 12 000 лет назад), он уже вступил в пору упадка, и в это время некоторые великие учителя из той просвещённой земли отправились в Египет и положили там начало обширной атлантической колонии. Такая теория делает Великую пирамиду гораздо древнее той даты возведения, которую называет профессор Смит, относящий её лишь к 2170 году до н. э., когда Полярной звездой была Альфа Дракона. Но поскольку явление, известное как предварение равноденствий, совершается за каждый великий цикл, длящийся около 25 840 лет, вполне можно допустить, что возраст Великой пирамиды составляет все 30 000 лет. Весьма

своеобразная книга на эту в высшей степени интересную тему была издана в Калифорнии автором по фамилии Маккарти; в ней утверждается, что возраст этого удивительного сооружения — от 50 000 до 60 000 лет, но во всех случаях упомянутое астрономическое явление остаётся тем же самым. Возраст пирамиды нас не должен слишком занимать, но цель её сооружения и мистерии, совершавшиеся в её стенах, вполне заслуживают живого интереса. Хотя среди современных франкмасонов немало тех, кто не слишком полагается на очень древние предания о масонском ремесле, многие другие масоны, среди них люди обширных изысканий и глубокой учёности, заявляют, что в поддержку самых почтенных преданий существует множество свидетельств. Среди одарённых авторов, писавших на эту тему популярным слогом, заметное место занимает преподобный Чарльз Х. Вейл, автор книги «Древние мистерии и современное масонство». Этот весьма широко мыслящий священник, долгое время бывший пастором мемориальной церкви Пуллмана в Олбионе, штат Нью-Йорк, предоставил нам огромное количество свидетельств, удивительно сжато изложенных в удобном томе, выпущенном нью-йоркским издательством «Мейкой паблишинг

энд масоник саплай компани». Касаясь египетских мистерий, он цитирует ряд выдающихся писателей, и все они в основном подтверждают взгляд, изложенный в той любопытной книге «Магическое искусство», где есть раздел о Великой пирамиде, который мы здесь по существу воспроизводим, сокращая своими словами. Автор этого необычного трактата не берётся говорить догматически, а весьма скромно озаглавливает раздел: «Великая пирамида Египта — её возможное назначение и цель». Глава предваряется иероглифом под названием «Человек, микрокосм Вселенной». Это двойной треугольник с человеческой фигурой в центре. По левую сторону вершины восходящего треугольника написано слово «Макрокосм»; по правую сторону вершины нисходящего треугольника написано «Микрокосм». По правую сторону вершины восходящего треугольника напечатано «Голова Дракона», а по левую сторону вершины нисходящего треугольника — «Хвост Дракона», с их хорошо известными астрологическими знаками. Буква U (первоначальная форма перевёрнутой подковы) изображена слева от горизонтальной линии, проведённой через середину фигуры, а та же буква в перевёрнутом виде (образующая привычную

форму подковы) — на правом конце этой линии. Изучающие астрологию сразу поймут, что такой фронтиспис к трактату о Великой пирамиде призван сообщить каждому читателю: само сооружение было построено, чтобы воплотить возвышенные науки — математику, геометрию, астрономию и астрологию, — которые по-настоящему просвещённые люди былых времён считали самой основой всякой истинной науки, философии и религии. Те, кто глубоко изучает египетские записи и тем самым учится разгадывать подлинный смысл Великой пирамиды, никогда не впадут в ошибку, полагая её хранилищем зерна или гробницей; говоря по-масонски, она есть поистине камень, отвергнутый современными строителями, но на деле «главный в углу». Расхожее мнение, которого всё ещё придерживаются многие писатели и путешественники (и которое нередко обрушивают на публику лекторы, развлекающие нас рассказами о путешествиях), будто все пирамиды, включая величайшую, были местами погребения царей и будто Великая пирамида хранит останки Хеопса, вероятно, возникло оттого, что этот внушительный предмет — саркофаг без крышки в Большой галерее — похож на гробницу; по невежеству в древней символике и в обрядах посвящения, совершавшихся

в древних храмах, люди приняли этот эмблематический и обрядовый сосуд возрождения за настоящий гроб, в котором некогда лежало мёртвое тело, но из которого его, должно быть, когда-то извлекли, ибо там его, разумеется, нет. Профессор Смит ясно показал, что тело Хеопса было погребено в окрестностях пирамиды, но в её стенах никто не был похоронен. Но даже если бы в этом величественном сооружении и было погребено тело, этот факт не доказывал бы, что здание предназначалось прежде всего для погребения, а не было великим храмом, так же как многочисленные захоронения в Вестминстерском аббатстве и во многих других знаменитых церквях не доказывают, что они предназначались лишь под усыпальницы, потому что под их полами покоятся тела многих славных людей.

Как храм великого и славного Центрального Солнца нашей Вселенной, Альционы в Плеядах, Великая пирамида вполне понятна: единственный вход в неё находится с северной стороны, и это убедило всех астрономов, которые её посещали, что она была задумана для астрономических целей; и мы никогда не должны забывать, что астрономия и астрология были неотделимы от религиозных

представлений и обрядов учёных людей всех древних народов. Полное отсутствие каких-либо надписей как внутри, так и снаружи отличает эту уникальную пирамиду от её многочисленных соседок, которых в ближайших окрестностях насчитывается свыше пятидесяти. Простой народ в древнем Египте, как и в Персии, Ассирии, Индии и во всех других могучих землях, прославленных в древних песнях и сказаниях, использовал образы животных и растений, чтобы выразить свои духовные идеи и получить подходящие пособия для созерцания во время религиозных упражнений; но ничем из этого не пользовались те, чьи идеи были исполнены высочайшего благородства и кому правильный порядок Природы, и особенно движение созвездий, не только подсказывал, но и недвусмысленно открывал всеобщий Космический Процесс. Для этих могучих умов ничто меньшее, чем храм, воздвигнутый по плану небес, насколько они могли его постичь, не могло бы удовлетворить их религиозные стремления и вместе с тем дать им обсерваторию, необходимую для продолжения их непрерывных и сложных астрономических вычислений. Духовное Солнце, а не видимый нами физический шар, было главным предметом поклонения у этих великих Адептов древности, и

остаётся им по сей день среди самых просвещённых брахманов и всех прочих, в Индии и в других местах, которые сохранили в неприкосновенности древнейшую и чистейшую из всех соединённых систем естественной и богооткровенной религии, первоначально сообщённой человечеству теми мудрыми и могущественными стражами нашего рода, которые известны под разными именами и титулами в различных школах теософов, рассеянных по всей земле. Именно в 19-й главе книги Исайи изучающие Библию найдут самые ясные и обильные упоминания о Великой пирамиде — согласно выводам многих учёных астрономов, которые также уделяли много внимания библейскому свидетельству. В этой удивительной главе нам говорится, что в земле Египетской будет жертвенник Господу и столп свидетельства, и столп на границе её Господу (стих 19).

Из учёного труда Стюарта «Поклонение Солнцу» автор «Магического искусства» почерпнул следующие чрезвычайно интересные сведения: «Важно не упускать из виду, что прежде история небес, и в особенности солнца, записывалась в форме истории людей, и что народ почти

повсеместно принимал её именно так и смотрел на героя как на человека. Показывали гробницы богов, словно те действительно существовали; справляли празднества, цель которых, по-видимому, состояла в том, чтобы ежегодно возобновлять скорбь, вызванную их утратой. Такова была гробница Осириса, скрытая под теми громадными массивами, что известны как пирамиды и которые египтяне воздвигали светилу, дающему нам свет. Одна из них обращена четырьмя сторонами к четырём странам света. Каждая из этих граней имеет в основании 110 саженей в ширину, и все четыре образуют столько же равносторонних треугольников. Высота по вертикали составляет семьдесят семь саженей, согласно измерению, приведённому Шазелем из (Французской) академии наук. Из этих размеров и широты, под которой стоит эта пирамида, следует, что за четырнадцать дней до весеннего равноденствия, в тот самый срок, когда персы (и другие) праздновали возрождение природы, солнце в полдень перестанет отбрасывать тень и не станет отбрасывать её снова до четырнадцатого дня после осеннего равноденствия. Тогда день, или солнце, окажется на параллели, или круге южного склонения, соответствующем 5 град. 15 мин.; это

будет случаться дважды в год — один раз до весеннего и один раз после осеннего равноденствия. Солнце тогда окажется точно в полдень на вершине этой пирамиды; его величественный диск на несколько мгновений предстанет водружённым на этот огромный пьедестал и как бы покоящимся на нём, а поклонники, стоя на коленях у её подножия и обратив взоры вдоль наклонной плоскости северной грани, будут созерцать великого Осириса — как тогда, когда он нисходил во мрак гробницы, так и тогда, когда он восставал победителем. То же можно сказать и о полной луне равноденствий, когда она приходится на эту параллель. Кажется, египтяне, всегда величественные в своих замыслах, осуществили проект (самый смелый из всех, какие только можно вообразить) — дать пьедестал солнцу и луне, или Осирису и Исиде: одному в полдень, другой в полночь, когда они приходили в ту часть небес, близ которой проходит линия, разделяющая северное полушарие от южного, царство добра от царства зла, область света от области тьмы. Они хотели, чтобы тень исчезала со всех граней пирамиды в полдень в течение всего времени, пока солнце пребывает в светлом полушарии, и чтобы северная грань снова покрывалась тенью, когда

ночь начинала утверждать своё господство в нашем полушарии, то есть в тот миг, когда Осирис нисходил в ад. Гробница Осириса была покрыта тенью почти шесть месяцев, после чего в полдень её полностью окружал свет, как только он, возвращаясь из ада, вновь обретал свою державу, переходя в светлое полушарие. Тогда он возвращался к Исиде и к богу весны Гору, который наконец победил гения тьмы и зимы. Какая возвышенная мысль!»

Профессор Смит многое сделал из совершенного эталона мер и весов, обнаруженного в Великой пирамиде, и особо обращает внимание на Священный локоть, который равен ровно двадцати пяти дюймам, в отличие от «профанного» локтя, находившегося в обычном употреблении у египтян и составлявшего чуть более двадцати шести дюймов. Тот факт, что во всей Великой пирамиде применялся только «священный» локоть, во многом доказывает, что это на самом деле не египетское, а поистине универсальное сооружение, призванное сохранить те глубокие мистерии, которые хотя и совершались в Египте, никогда не ограничивались какой-либо одной страной. Хотя вполне разумно настаивать на том, что буквальные торговые сделки могут быть справедливо уравновешены лишь

принятием всемирного эталона совершенно точных мер и весов, эти внешние деловые соображения целиком подчинены возвышенной духовной цели, для которой был предназначен саркофаг без крышки в Большой галерее. Здесь снова будет поучительна цитата из «Магического искусства»: «Лучшее понимание глубоких высот метафизических умозрений, которыми занимался восточный ум, показало бы… что это огромное здание было задумано как мера неба и земли и что огромная загадка для учёных исследователей — таинственный, лишённый крышки, совершенно без украшений и надписей ларь посреди обширной палаты, также без украшений и надписей, — предназначалась не как образец для всех будущих поколений торговцев зерном и семенами, а как саркофаг для живых людей, для тех посвящённых, которым там преподавались торжественные задачи жизни и смерти и которые посредством этого самого ларя достигали славного рождения Духа — того второго рождения, о котором так выразительно говорил великий Иерофант из Назарета, отвечая тем, кто пришёл расспросить его ночью: „Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия“. Было время, когда Египет, юное необученное дитя пустыни, не был царицей

искусств и наук, восседавшей на троне над миром разума. Затем он стал добычей грабителя. Его захватили и покорили „пали“ — цари-пастухи, или „гиксосы“, которые, по словам Манефона, наводнили страну, заковали жителей в цепи, обложили данью и на некоторое время стали правителями Египта. Чем была эта страна до пришествия этих царей-пастухов, мы едва ли можем догадываться, но после их правления каждый памятник, пирамида и надпись несли на себе печать восточной идеальности. Нет нужды описывать подробности этих переворотов; мы упоминаем о них лишь затем, чтобы объяснить удивительное сходство между религиозными воззрениями, о которых мы подробно говорили, описывая индуистское богослужение, и теми, что вновь появляются в египетской теогонии. Рассмотрим, как говорит Соломон, итог всего дела. Хеопс, монарх из династии завоевателей, повелел воздвигнуть храм в согласии с теми строгими законами науки, открытыми древним индуистским метафизикам как способ, которым действовал Бог».

Если вспомнить, что книга, из которой взяты приведённые выше цитаты, была издана в 1876 году, а с тех пор на близкое сходство между

памятниками Центральной Америки и Египта пролилось гораздо больше света, особенно благодаря неутомимым исследованиям профессора и мадам Ле Плонжон, то вполне разумно искать как атлантическое, так и индуистское происхождение, чтобы достаточно объяснить строительство Великой пирамиды. Но не важно, кто её построил и в какую эпоху она была воздвигнута: как храм извечной тайны человеческой жизни, созданный по плану Солнечной системы, она стоит вне всякого сравнения, и поэтому к универсальному эзотерическому Со-масонству нам следует обратиться за полным разъяснением как её непреходящего, так и первоначального значения.

В Египте есть ещё одно великое чудо всемирной славы — величественный Сфинкс, который по символической выразительности уступает лишь Великой пирамиде. Особая черта этого таинственного каменного проповедника — решительный протест против поклонения животным, отображённого во всех обычных произведениях египетской архитектуры. Мы все знакомы с изображениями Анубиса, божества с собачьей головой, и со многими другими произведениями народного искусства, которые

столь же возвышают животные образы над человеческим уровнем. В массивном Сфинксе, задающем свою вековую загадку каждому прохожему, мы видим прямо противоположную мысль: здесь тело льва увенчано человеческой головой. В этом образе ясно прослеживается дело некоего поистине просвещённого культа, воздвигшего свой безмолвный, переживающий века протест против поклонения животным и недвусмысленно являющего возвышение собственно человеческого и вытекающее отсюда правомерное подчинение животного. Это и есть та задача, которую призвано решить всё человечество. Наша цель — не поклонение животному и не его искоренение, а совершенное главенство человеческого над животным, чтобы человеческое по справедливости царствовало, а животное по справедливости служило. Пусть Египет откроет свою весть современному миру так, как открывал её в глубокой древности, до своего упадка, и мы правильно поймём двойной смысл слов: «Из Египта Я призвал Сына Моего».

ГЛАВА VII.

ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ — ШКОЛА ПИФАГОРА — ДЕЛЬФИЙСКИЕ МИСТЕРИИ.

Все мы слышали знаменитую надпись на Дельфийском храме: «Познай самого себя, и ты познаешь вселенную и богов». На этом изречении зиждилась вся теософская система древних греков. Три главных положения всех эзотерических школ сведены воедино во фразе, которую часто приводят как суть учения Пифагора: «Эволюция — закон жизни; число — закон вселенной; единство — закон Бога».

Удивительная личность, известная как Орфей, — не мифический персонаж, а подлинный адепт древности, вокруг чудесной судьбы которого, как и во всех подобных случаях, сложилось множество сказок. Дело Орфея, как и дело всех других великих духовных учителей, состояло не в основании секты или партии, а в распространении истин всеобщего значения, которые постепенно просачивались во многие существовавшие системы и образовывали внутреннее учение, остававшееся неизвестным простым буквалистам. Пифагор, Мудрец с Самоса,

хотя жил не ранее 600 г. до н. э., считается вполне легендарной фигурой у многих, кто глубоко не изучал историю той эпохи; и, как и в случае многих других великих вождей, действовавших с духовной точки зрения, свирепое преследование обрушилось на этого прославленного Посвящённого и на всех, у кого хватило смелости открыто принять его учение и сохранить верность его делу. Чем больше мы изучаем историю, тем сильнее должны убеждаться, что дух преследования, безжалостно нападавший на всех великих реформаторов мира, первоначально пробуждается никогда не религиозным убеждением, а интригующими демагогами, чья тираническая власть, в Церкви или в государстве, всегда находится под угрозой от распространения знания и в особенности от подлинного понимания Мистерий. В случае Пифагора и его последователей это преследование происходило на Сицилии, откуда многие из посвящённых бежали в Грецию, давшую им безопасное убежище. Почти все сведения о Пифагоре и его учении мы обязаны Платону; ибо, как и другие великие духовные просветители, этот благородный учитель наставлял устно и никогда не доверял свои эзотерические учения письму, разве что под покровом символических знаков, которые

могли истолковать лишь его ученики. По-видимому, все учителя применяли двойной метод: свободно давали нравственные наставления множествам людей, но более глубокий смысл своего учения поверяли исключительно тем ученикам, которые подготовили себя к тому, чтобы извлечь пользу из более внутреннего наставления. Ни один здравомыслящий и вдумчивый человек не может не видеть мудрости и полной справедливости такого пути, ибо от более глубокого учения никто не был отстранён, если был готов его принять, а подготовка состояла в том, чтобы основательно усвоить и практически применять общее учение, которое открыто давалось множествам. Те, кто говорил об этом внутреннем учении иносказательно, давали ему самые разные причудливые названия. В Индии причудливое название «мясо кабана» иногда прилагали к внутренней философии, скрытой от масс, и это сравнение привело к нелепой ошибке, которую допускают иные поверхностные критики, будто один из Будд умер от обжорства мясом, тогда как на Востоке хорошо известно, что те, кто занимает высокие духовные ступени, всегда вегетарианцы. В школе Пифагора большое значение придавалось простой пище как одному из средств очищения тела

кандидата, добивавшегося принятия во внутренний круг учеников, ибо твёрдо утверждалось, что никто не может стать вполне ясновидящим в высшем смысле этого слова, если употребляет мясную пищу или какие-либо возбуждающие и наркотические средства. Мудрец с Самоса не был обычным теургом или чудотворцем, служащим лишь для того, чтобы вызвать мимолётный сенсационный интерес: его провозглашённая миссия заключалась в том, чтобы помочь человечеству в деле столь полного возрождения, чтобы на земле прекратились раздоры — как во внутренней жизни его учеников, так и во внешнем мире, насколько простиралось их влияние. Суть пифагорейского учения дошла до нас в «Золотых стихах» Лисида, в комментарии Гиерокла и особенно в «Тимее» Платона, содержащем совершенную систему космогонии. Все великие писатели древней Греции излучают дух Пифагора, которым они так восхищались, что неустанно рассказывают анекдоты, изображающие мудрость и красоту его учения и его чудесную власть над всеми, с кем он соприкасался. На него ссылаются как на авторитет и гностики ранней христианской Церкви, и александрийские неоплатоники. Это учение образует великолепное целое и во многом помогает упростить

таинственную символику Индии и Египта, которой часто требуется ясный эллинский ум, чтобы изложить её понятным языком в согласии с разумными и возвышающими представлениями о человеческой свободе. Тот удивительный период, на который пришлись жизнь и дело Пифагора, был также эпохой Лао-цзы в Китае и Будды Шакьямуни в Индии. Пифагор много путешествовал; говорят, что он обошёл весь древний мир, прежде чем возвестить своё послание в Греции, куда принёс зрелые плоды вполне созревшей философии. Увлекательный рассказ об этом удивительном учителе дал одарённый французский автор Эдуард Шюре, который со множеством живописных подробностей описывает ранние годы и дальние странствия этого блестящего и в то же время спокойного философа, сына благородных родителей. Его отец был богатым ювелиром с Самоса, мать — женщиной большой утончённости. Говорят, что пифия Дельфийская, к которой эти добрые люди обратились вскоре после свадьбы, предсказала им сына, который будет полезен всем людям во все времена. Оракул направил их в Сидон, в Финикию, где ребёнок мог родиться вдали от

тревожных влияний, господствовавших тогда в их родной стране. Ещё до рождения Пифагор был пылко посвящён Аполлону, богу света.

Когда ребёнку исполнился всего год, мать, следуя совету жреца из Дельф, отвезла его в израильский храм в одной из долин Ливана, где первосвященник дал младенцу особое благословение. Парфенида, мать этого чудесного дитяти, как рассказывают, была необыкновенно красивой и кроткой женщиной, весьма образованной и милостивого нрава. Когда мальчик подрастал, родители поощряли его в стремлении к мудрости, которым он увлекался с живейшим наслаждением; он был столь усердным учеником, что уже в восемнадцать лет занимался в кругах, состоявших почти исключительно из вполне зрелых и особенно способных людей. Но хотя в двадцать три года он беседовал в Милете с Фалесом и Анаксимандром и с другими величайшими философами, никто из этих выдающихся учителей не утолил его жажды познания совершенной истины. Их учения казались ему противоречивыми, и он всегда искал великого синтеза. Мы свободно переводим следующие абзацы с французского Эдуарда Шюре, описывающего час, когда этот чудесный гений,

казалось, впервые вполне увидел великую миссию, лежавшую перед ним: «Всю долгую славную ночь Пифагор обращал свой взор то к земле, то к храму, то к звёздному небу. Деметра, Мать-Земля, та Природа, чьи тайны он стремился постичь, простиралась под ним и вокруг него. Он вдыхал её могучие испарения и ощущал непреодолимое притяжение, соединявшее его, мыслящий атом, с её лоном, как неотделимую часть её самой. Мудрецы, с которыми он советовался, говорили ему, что из неё происходит всё. Из ничего не бывает ничего. Душа происходит от воды и огня, но эта тонкая эманация первоэлемента исходит из них лишь затем, чтобы вернуться. Природа, говорили они, слепа и непреклонна; смирись с её неизменными законами. Единственная заслуга, какая тебе доступна, состоит в том, что ты знаешь их и покорен им. Затем он взглянул на небесную твердь и попытался разгадать огненные письмена, которые образуют созвездия в бездонных глубинах пространства. Эти знаки, говорил он, должны иметь смысл: ведь если бесконечно малое, движение атомов, имеет основание существовать, то тем более неизмеримо великое, широко раскинувшиеся звёзды, чьи созвездия представляют тело вселенной! Воистину у каждого из этих миров

должен быть свой закон, ибо все они движутся согласно, по числу и в совершенной гармонии. Но кто разгадает этот звёздный алфавит? Жрецы Юноны говорили ему, что эта вселенная есть обитель богов, существовавших прежде земли. „Твоя душа приходит оттуда, — говорили они, — молись богам, чтобы она вновь поднялась на небо“. Далее рассказывается, что его размышления были прерваны сперва песнями лесбосских женщин и вакхическими напевами юношей, но эти мелодичные звуки вскоре заглушили пронзительные, скорбные крики людей, которых собирались продать в рабство и которых жестоко били те, кто принуждал их садиться на корабль в Азию. Тогда болезненная дрожь пробежала по его телу, ибо перед ним встала великая проблема, когда он живо сопоставил разные участи различных людей, оказавшихся у него перед глазами. Что бы ни говорили другие и что бы ни подсказывали видимости, юный Пифагор взывал о свободе — свободе от всей боли, рабства и безумия, столь щедро разлитых вокруг него. Кто прав? — спрашивал он. Мудрецы, учившие о слепом роке, жрецы, приписывавшие всё Божественному Провидению, или великая масса человечества, стоявшая между ними без чётко определённой

философии? Все голоса, решил он, возвещали какую-то сторону истины, но ни один не давал ему подлинного решения задачи. Три мира, подробно описанные в древней космологии, несомненно существовали, и тайна Космоса лежала в законе их равновесия. Произнеся это открытие вслух, он поднялся на ноги, устремив взгляд на величественный храм, который, казалось, преобразился в лунных лучах. В этом великолепном храме ему виделся идеальный образ вселенной. Космос, направляемый и пронизываемый Богом, образовывал священную Четверицу, источник Природы, чья причина вечна. В геометрических линиях Дельфийского храма, думал он, скрыт ключ ко вселенной. Основание, колонны, архитрав и треугольный фронтон представлялись ему трёхчастной природой человека и вселенной, Микрокосма и Макрокосма, увенчанных божественным единством, которое само есть троица. Три мира — природный, человеческий и божественный, — поддерживающие друг друга и разыгрывающие всеобщую драму в восходящем и нисходящем движении, означали для него равновесие земли и неба, которым управляет человеческая свобода. Тогда он задумал очищение и освобождение человека через тройное посвящение.

Но он должен доказать разумом то, что его простое сознание получило от Абсолюта. Для этого нужна человеческая жизнь; это задача Геракла. Но где найти знание, необходимое для столь великого труда? Нигде, кроме собственной души. Тогда он отказался от всякой верности существующим школам и приступил к великой задаче — самостоятельно выработать ту удивительно полную и простую, хотя и кажущуюся запутанной систему, которую мы научились почитать как философию Пифагора».

Современная естественная философия всегда была вынуждена признавать некий невесомый универсальный агент и потому порой, совершенно бессознательно, в значительной мере сближалась с идеями как древних, так и современных теософов.

В древнегреческой мысли повсюду царит Кибела-Майя: так называли душу мира, ту пластичную, вибрирующую субстанцию, через которую действует творческий дух. Океаны эфира соединяют все миры, и этот таинственный элемент называют великим посредником между невидимым и видимым, между духом и материей, между внутренним и внешним миром вселенной. Современное теософское учение об «астральном свете»

практически тождественно учению о Логосе и его многочисленных проявлениях, как его держались в древней Греции и по всему Востоку. С этими древними понятиями философия Пифагора во многом согласна; но когда он посетил храм в Дельфах и вдохнул новую жизнь в преподававшиеся там учения, он дал своим ученикам куда более возвышенное представление о вселенной и о человечестве, чем то, что было тогда общеизвестно среди посетителей этого всемирно знаменитого святилища. Пифагор приехал в Дельфы после того, как побывал во всех остальных греческих храмах, и в то время, когда искусство прорицания там несколько пришло в упадок. Его миссия повсюду состояла в том, чтобы и восстанавливать, и вносить новый свет. В этом чудесном храме он нашёл Феоклею, жрицу Аполлона, принадлежавшую к одному из ведущих наследственных жреческих родов. Эта необыкновенная девушка решительно не любила большую часть того, что привлекало других, и была столь глубоко духовной по природе, что, казалось, не нуждалась ни в одном из тех вспомогательных средств для благочестия или мистического развития, которые обычно считаются необходимыми. Сообщают, что она слышала

духовные голоса среди бела дня, и когда она подставляла себя лучам восходящего солнца, их мистическая вибрация вызывала в ней подлинный экстаз, во время которого она слушала пение небесных хоров. Чувствуя, что её влечёт к какому-то высшему миру, нежели земной, к которому она ещё не нашла ключа, она тотчас потянулась к тому гораздо более глубокому учению и к куда более благородному влиянию Пифагора, чем то, которое могла получить от жрецов дельфийского храма, чьи наставления и обряды отнюдь не удовлетворяли её сокровенный дух. Говорят, что он и она сразу признали друг в друге родственные души, которым надлежит трудиться сообща ради возвышения человечества. Пифагор был тогда в расцвете сил; его красноречие поражало, а присутствие настолько очаровывало, что сама атмосфера становилась легче, а разум окружающих пробуждался в степени, далеко превосходящей обычную. С этого времени труд великого Мудреца произвёл в Греции впечатление, гораздо более сильное, чем труд любого другого учителя, и его школа сразу прославилась предельной чистотой своей философии и поразительной глубиной проникновения в глубочайшие тайны вселенной. Пифагор и Феоклея трудились вместе в Дельфах

целый год в полном духовном согласии, и прежде чем уехать, он полностью подготовил её к тому, чтобы она продолжала служение, практически тождественное его собственному; так он показал основной принцип древнего ко-масонства, которое всегда отводит женщине равное с мужчиной место в совершении всех мистерий, мудро проводя горизонтальную черту между разрядами людей исключительно по их достоинствам и никогда не проводя нелепой вертикальной черты, основанной на различии полов.

Покинув Дельфы, Пифагор трудился в Кротоне, где возник знаменитый Пифагорейский институт, бывший одновременно коллегией и образцовым городом под руководством этого великого Посвящённого. Благодаря мудрому сочетанию искусства и науки там была установлена та магическая гармония души и интеллекта, которую пифагорейцы считали тайной философии. Наука и религия были совершенно едины, и многим людям в современном мире, тщетно пытающимся примирить ложные представления о религии с отчасти понятыми фактами науки, было бы весьма полезно сделать глубокий глоток вдохновения из пифагорейского синтеза.

Эдуард Шюре даёт нам увлекательное повествование, описывающее белое жилище пифагорейских Посвящённых, стоявшее на холме, окружённом оливковыми деревьями и кипарисами. Ниже приведён вольный перевод с изысканного французского языка этого восхитительного автора: «Поднимаясь на холм, можно было отчётливо видеть портики, сады и гимнасий. Храм Муз с его круговой колоннадой, лёгкий и изящный, возвышался над двумя крыльями здания. С террасы окружающих садов открывался вид на город и его гавань. Вдали простирался залив между острыми, скалистыми участками побережья, словно в агатовой раме, а Ионическое море замыкало горизонт лазурной чертой. Нередко можно было видеть женщин в разноцветных одеждах, которые по левой стороне холма спускались к морю по кипарисовой аллее. Они направлялись поклониться в храм Цереры. По правой стороне часто поднимались мужчины в белых одеждах к храму Аполлона. Для живого воображения юности было большим соблазном сознавать, что школа Посвящённых находится под покровительством этих божеств, одно из которых (Церера) хранило глубокие тайны Женщины и Земли, а другое (Аполлон) открывало тайны Мужчины и Небес».

Пифагор вскоре заслужил репутацию строгого в дисциплине, отказываясь принимать недостойных новичков, ибо говорил, что «не из всякого дерева можно сделать Меркурия». Юноши, желавшие вступить в общину, должны были пройти суровые испытания. Когда их приводили родители или один из наставников, им сперва позволяли войти в гимнасий, где молодые люди играли в игры, подобающие их возрасту; но каждый новичок сразу замечал, что это гимнасий весьма необычного рода, совсем не похожий на те, что бывали в греческих городах, где слышались неистовые крики шумных групп, хвастающихся своей силой, вызывающих друг друга и гордо выставляющих напоказ мускулы. Здесь были лишь группы благовоспитанных и на редкость привлекательных юношей, которые прогуливались парами под портиками или разумно играли на арене. Они всегда приглашали чужака присоединиться к ним с доброй простотой, сразу давая ему почувствовать себя среди них как дома и никогда не подвергая его никакой досаде или унижению; этот урок современным колледжам Европы и Америки следует усвоить, запомнить и переварить, пока позорная практика «хейзинга» и подобные мерзости не будут раз и навсегда

искоренены, с корнем и ветвями, из всех учебных заведений, претендующих на респектабельность и ищущих поддержки просвещённой публики.

Прежде чем мы можем разумно надеяться на какой-либо подлинный прогресс в духовном или нравственном направлении, мы должны заложить прочный фундамент физической и умственной культуры. Гимнасий, согласно пифагорейской философии, — ценный вестибюль внутреннего храма, где даётся глубокое наставление, относящееся к уму и духу; но поскольку в течение земного воплощения душе необходимо действовать через физический инструмент, дело разума — обеспечить как можно более совершенный инструмент и содержать это средство в превосходном рабочем состоянии. В системе Пифагора от начала до конца последовательно проводится идея совершенного равновесия. Здесь нет ни сладострастного потворства, ни сурового аскетизма. С телом не обращаются как с врагом духа, но ему никогда не позволяют занять какой-либо престол господства.

В этой несравненной школе древней Греции внушались и воплощались в примере все принципы добродетели и благородства, которые

ныне ведущие педагоги стараются запечатлеть в постепенно пробуждающемся сознании колледжей и церквей; и надменным главам христианских учебных заведений должно быть несколько унизительно обнаружить, что «языческий» философ за несколько веков до христианской эры успешно осуществил систему дисциплины, исключавшую все предосудительные черты, вроде глупой и зачастую жестокой борьбы, и в то же время дававшую крепким юным атлетам полную возможность и поощрение развивать свои мышцы до предела в разумных границах здоровых упражнений и хорошего поведения. В вопросе дружеских чувств между товарищами по учёбе Пифагор занимал непреклонную позицию. Истинная дружба никогда не уживается с грубостью, и подлинное мужество нельзя развить, взращивая зависть или потакая неправедной гордыне. Ненависть делает нас ниже тех, кого мы ненавидим, точно так же как ужас отдаёт нас во власть того, чего мы страшимся. Герои вырастают в школах, где всемерно культивируется честное взаимное уважение, и если герою когда-либо придётся сражаться, он сможет делать это с великим мужеством и умением, но без тени ярости. Метод пифагорейцев был одновременно простым и убедительным. Вновь прибывших в колледж

поощряли свободно высказывать свои взгляды среди новых знакомых, и, поскольку выражение их чувств ничем не ограничивалось, они вскоре сами показывали, подходят ли они для приёма в классы. Если новый кандидат проявлял разумное понимание высокого уровня, принятого среди Посвящённых, его сердечно встречали; если же он обнаруживал предпочтение к более грубым меркам общедоступных городских гимнасиев, он вполне естественно уходил туда. Пока новый кандидат без стеснения высказывал свои чувства, учителя отмечали всё, что он говорил, и им никогда не требовалось много времени, чтобы определить, пригоден он к приёму или нет. Сам Пифагор нередко неожиданно появлялся перед чужаком и изучал его слова и жесты, и в оценке их он никогда не ошибался; особое внимание он уделял походке и смеху, которые всегда верно указывают на характер; он также настолько глубоко изучил человеческое лицо, что читал склонности с первого взгляда. Пифагор ввёл в свою систему некоторые египетские испытания, но наиболее суровые из них мудро смягчил. После нескольких месяцев предварительной подготовки кандидата подвергали испытанию, призванному проверить его храбрость и закалить его дух.

Одно из таких испытаний состояло в том, чтобы провести ночь в пещере, имевшей репутацию места, населённого таинственными элементалами, являвшимися искателю в жутких обликах. Если его мужество выдерживало это испытание, его считали достойным перейти к высшим посвящениям, но если он в ужасе отступал перед этим внешним испытанием, его признавали слишком нерешительным, чтобы продвигаться дальше. После принятия на предварительную ступень обычно вскоре кандидата подвергали нравственным испытаниям, сопровождавшимся строгими проверками интеллектуального свойства. Среди них видное место занимало быстрое решение сложных математических задач. Например, учитель мог без предупреждения потребовать от ученика объяснить значение треугольника в круге или ответить на такой вопрос: почему додекаэдр, заключённый в сферу, есть символ вселенной? Когда ученик проходил эти испытания, от него требовалось провести двенадцать часов подряд в своей келье, в течение которых ему разрешалось есть хлеб и пить воду, но никакой другой пищи не позволялось. Для юношей сибаритского склада такая дисциплина могла показаться чрезмерно суровой, но для людей умеренных вкусов, искренне

настроенных на учение, это было лишь здоровым умственным упражнением. По истечении этих двенадцати часов юношу приводили к собранию послушников, которым позволялось насмехаться над ним, чтобы испытать его закалку; если он невозмутимо переносил все издёвки и насмешки, учителя видели в нём истинного философа в зародыше, но если он гневался и обижался, Пифагор сообщал ему, что такая нехватка самообладания свидетельствует о непригодности к дальнейшему продвижению.

Однако лишь в крайних случаях недостойного поведения этот предельно справедливый наставник исключал учеников из своей школы, и, делая это, он всегда обращался к ним спокойно и милостиво, объясняя, что им бесполезно пытаться продолжать учёбу, когда они совершенно не согласуются с требованиями и порядками колледжа. Эти испытания нрава неопровержимо показывали, какой степени самообладания уже достигли юноши, желавшие в будущем прославиться как философы. Отвергнутые кандидаты порой горько поносили колледж и его главу; среди них был фанатичный Килон, который так и не простил колледжу своего изгнания и в конце концов подстрекнул толпу

погубить его. Те, кто всё переносил стойко, принимались в число послушников и получали восторженные поздравления от новых товарищей.

Первая степень называлась Подготовкой. Она длилась от двух до пяти лет. Послушников называли Слушателями; во время уроков они были обязаны хранить полное молчание. Им не разрешалось возражать или вступать в споры, ибо они должны были усвоить учение, прежде чем смогут разумно его обсуждать. Вторая степень называлась Очищением. В ходе этого обучения послушника принимали в дом Пифагора и причисляли к его ученикам; теперь начиналось подлинное посвящение. Давалось разумное изложение оккультного учения, состоявшее особенно в изучении Науки о Числах, эзотерический смысл которой скрывали от народа в целом и сообщали только ученикам, доказавшим свою достойность. Проводилось большое различие между священной и мирской математикой; одна лишь последняя известна европейским *учёным*, но знание первой всегда тщательно сохранялось на Востоке.

Число Один по необходимости всеобъемлюще, как совершенный белый цвет содержит в себе все цвета; но поскольку мы не можем постичь

Абсолютное Непроявленное нашим конечным разумом, все выражения Божества должны быть двойственными, и потому Диада раскрывает Монаду. Здесь мы находим ещё одну связь между пифагорейским и иудейским представлением о Божестве, изложенным в первых главах Пятикнижия. Мужчина и Женщина занимают равное положение во всех древних философиях, но женское всегда считается внутренним, а мужское — внешним; поэтому нередко близорукие или не размышляющие ученики воображают, будто мужское более священно, чем женское, согласно учению древних и восточных философий. Во время обучения Посвящённого на второй степени ученику преподавали учение, весьма сходное с большей частью того, что мы знаем по посланиям св. Павла, который, несомненно, был знаком как с греческой философией, так и с еврейским и римским правом. В схеме Пифагора число 7 (сочетание квадрата и треугольника) означает союз Человека и Божества. Это знак всех великих Посвящённых, которые понимают, что в инволюции и эволюции существует 7 ступеней. Число 10 представляло завершённость; оно называется совершенным числом в высшем смысле, ибо представляет все принципы божественности, развившиеся и вновь

соединившиеся в новое единство. Все мы слышали о 9 Музах, олицетворяющих науки, сгруппированных по 3, председательствующих над тройной троицей, развившейся в 9 мирах, которые вместе с Гестией, Хранительницей Первозданного Огня, составляют священную Декаду.

Третья степень называлась Совершенством, как и у ессеев. На этой степени главными предметами были психология и космогония. Если уроки на прежних степенях давались при свете дня, нередко под яркими лучами солнца на открытом воздухе, то эти более глубокие наставления обычно преподавались в ночное время под открытым небом у моря или иногда в подземных залах храма, мягко освещённых нафтовыми лампами. Именно в такие часы проявлялась ясновидческая способность, и внутренние силы учеников начинали позволять им лично проверять собственным опытом то, чему учили наставники. Никто из тех, кто глубоко изучал свидетельства древнего эзотерического учения, не может усомниться, что древний астрономический символ, встречающийся повсюду, был главным образом покровом, наброшенным на тайное учение, которое гораздо больше относилось к эволюции человеческой души, чем к движениям планет в

прямом смысле. Древняя астрология сильно отличалась от того ложного её заменителя, с которым в наши дни нас так часто неприятно знакомят. В священной астрологии нет «зловредных» планет или «злых» аспектов, хотя совершенно ясно учится, что одна звезда действительно сильно отличается от другой; но как члены одной семьи могут быть людьми совершенно разного нрава, занятий и внешности и всё же быть добрыми и полезными, так и в семье миров вроде нашей солнечной системы разные планеты можно называть братьями и сёстрами, а Солнце — их общим родителем. Знаменитое изречение, которое приводят нынешние астрологи лучшего толка, «Мудрец управляет своими звёздами, глупец им подчиняется», мы можем понять только тогда, когда вдумаемся в значение личного местоимения в этой фразе: ведь ни один человек, сколь бы мудр он ни был, не способен управлять движением звёзд, но может научиться управлять их соответствиями в собственной природе. Пифагорейская астрология основана на признании повсеместно разлитого разума, что теперь всё шире признают как западные, так и восточные философы; да и весь научный мир наших дней вплотную приближается к принятию того древнего эзотерического учения,

которое одно разумно объясняет поведение всех форм существования, наблюдаемых под микроскопом. Небесная история Психеи составляла вершину наставлений, которые Пифагор давал своим ученикам. Что такое человеческая душа? — спрашивал он. «Часть могучей души мира, искра Божественного Духа, бессмертная Монада. И хотя её возможное будущее раскрывается в неизмеримое великолепие Божественного сознания, её таинственная заря восходит к происхождению организованной материи. Чтобы стать тем, что она есть в современном человечестве, она должна была пройти через все царства природы, через всю лестницу существ, постепенно развиваясь в ряду бесчисленных существований. Дух, который созидает миры и уплотняет космическую материю в огромные массы, проявляется с различной силой и всё большей сосредоточенностью в последовательных царствах природы. Слепая и смутная сила в минерале, обретающая индивидуальность в растении, поляризованная в ощущениях и инстинктах животных, в этой медленной работе она тянется к сознательной монаде; и зачаточная монада видна даже в самом низшем из животных.

Животное и духовное начало, таким образом, существует в каждом царстве, хотя в низших царствах лишь в бесконечно малых количествах. Души, пребывающие в низших царствах в состоянии зародышей, остаются там, не двигаясь, неизмеримо долгие времена, и лишь после великих космических переворотов, переходя на другие планеты, они поднимаются в высшее царство. Всё, что они могут сделать за время жизни планеты, — это подняться на несколько ступеней. Где начинается Монада? Можно с тем же успехом спросить, в какой час образовалась туманность или впервые засияло солнце. Во всяком случае, то, что составляет сущность любого человека, должно было развиваться миллионы лет через цепь низших планет и царств, сохраняя во всех этих существованиях индивидуальное начало, которое повсюду следует за ним. Эта неясная, но неразрушимая индивидуальность составляет Божественную печать Монады, в которой Бог желает проявить Себя через сознание.

Чем выше поднимаешься в ряду организмов, тем больше Монада развивает заложенные в ней начала. Поляризованная сила становится способной к ощущению, способность к ощущению становится

инстинктом, а инстинкт становится разумом. По мере того как разгорается мерцающее пламя сознания, эта душа становится более независимой от тела, более способной существовать свободно. Текучая, неполяризованная душа минералов и растений привязана к стихиям земли. Душа животных, сильно притягиваемая земным огнём, остаётся там некоторое время после жизни в теле, а затем возвращается на поверхность земного шара, чтобы воплотиться в своём виде, никогда не имея возможности покинуть нижние слои воздуха. Они населены элементалами, или животными душами, которые играют свою роль в жизни атмосферы и оказывают на человека большое оккультное влияние. Одна лишь человеческая душа приходит с неба и после смерти возвращается туда. В какой период своего долгого космического существования элементарная душа стала человеческой? Через какой раскалённый тигель, через какое эфирное пламя она прошла? Это превращение стало возможным в межпланетный период лишь благодаря встрече уже вполне сформировавшихся человеческих душ, которые развили в элементарной душе её духовное начало и оттиснули свой Божественный прообраз, словно огненную печать, в её пластичной субстанции».

(Цитата из перевода Дж. Ротвелла.) Согласно эзотерическим преданиям Индии и Египта, наше человеческое существование началось на других планетах, где материя гораздо менее плотна, чем здесь. Тогда человеческие тела были почти парообразными, и душе было очень легко совершить воплощение. Здесь мы замечаем близкое сходство между учением Пифагора и той глубокой восточной доктриной, которую мы изложили в разделе этой книги, посвящённом особенно индуистскому учению и преданию. За дальнейшим рассуждением на эту неисчерпаемую тему мы должны отослать читателей к превосходному труду Эдуара Шюре, из которого мы уже свободно цитировали, а сами перейдём к простому упоминанию об учении Четвёртой степени, называвшейся Эпифанией, что означает видение свыше. За посвящением ума должно следовать посвящение воли, самое трудное из всех. Ученик должен глубоко проникнуться истиной в самой глубине своего существа и применять высокие наставления в повседневной жизни. Чтобы достичь этого идеала, нужно соединить три рода совершенства, называемые соответственно осуществлением истины в уме, добродетелью в душе и чистотой в теле. Астральное тело участвует

во всех действиях физического; более того, оно придаёт им силу. Учение о возрождении, которое Пифагор излагал очень ясно, объясняет, как вторая природа должна заместить первую, и в конце концов ум должен достичь мудрости, превосходящей простое знание, пока не научится отличать добро от зла во всякой области существования и видеть откровение Бога в самом малом из созданий, так же как и в вселенских безмерностях.

Достигнув этой высоты, человек становится адептом и сознательно вступает во владение новыми способностями и силами; внутренние чувства души расширяются, а физические чувства подчиняются сияющей воле. Телесный магнетизм, пронизанный могуществом астральной души и наэлектризованный волей, обретает силу, кажущуюся чудесной. Среди признанных посвящённых многие исцеляли больных одним своим присутствием, хотя другие прибегали к возложению рук. Ясновидение, подобное тому, каким обладали Аполлоний Тианский в одну эпоху и Сведенборг в другую, проявлялось часто; более того, все чудеса, которые описаны о святых и провидцах во всей литературе веков, по-видимому,

были явлены в школе этого могучего учителя, чьё имя сегодня произносят со всё возрастающим благоговением. Христианское учение о Троице, столь превратно понимаемое, потому что так глубоко скрытое завесой тайны, было сделано Пифагором за шестьсот лет до начала христианской эры гораздо понятнее, чем это сделали те склонные к спорам Отцы Церкви, которые отвергли Божественное Женское начало и тем самым совершенно затемнили первоначальное учение об исхождении Логоса. Отца, Мать и Дитя мы можем понять; но «Отец, Сын и Святой Дух» — непонятное выражение, пока мы не узнаем, что Святой Дух первоначально означал Божественное Женское начало. Пифагорейская Троица описывается как Дух, Душа и Сердце Живой Вселенной. Жизнь Пифагора была необычайно прекрасна и в самом истинном смысле и духовна, и естественна. В шестьдесят лет он женился на одной из своих учениц, девушке редкой красоты и необыкновенного ума. Эта благородная женщина, Теано, так глубоко вошла в мысль и жизнь мужа, что после его ухода из земной жизни стала средоточием Пифагорейского ордена. От этого союза родились два сына и дочь, и вся семья являла высокий образец для подражания всем прочим семьям. Во

всех политических вопросах Пифагор был так же просвещён, как и в возвышенной области непосредственно духовной философии, ибо он был реформатором в самом широком и высоком смысле этого слова. Предлагаемая им система правления соединяла лучшие элементы демократии и аристократии, и было бы весьма хорошо, если бы те, кто бьётся над современными законодательными задачами, глубже изучили мудрые наставления тех истинных посвящённых древности, которые, преданно любя весь народ и желая всячески содействовать общему благу, мудро понимали, что лишь самые разумные и во всех отношениях просвещённые люди из народа способны представлять множество как правители или законодатели.

Килон, неисправимый гонитель пифагорейской школы, из которой его изгнали, был хорошим образчиком беспринципного современного демагога. Предание гласит, что однажды вечером, когда собрались сорок главных членов Ордена, этот возмутительный человек, бывший тогда трибуном, окружил дом разъярённой толпой и поджёг постройки. Тридцать восемь учеников вместе с самим Пифагором были либо сожжены заживо,

либо перебиты нападавшими, но Орден не погиб; он был лишь рассеян и ещё двести пятьдесят лет продолжал оказывать благотворное, возрождающее влияние повсюду, где существовал. Многие предсказания Пифагора исполнились буквально, и этот факт сам по себе побудил многих исследовать возвышенные учения Ордена, основателем которого был мудрец и провидец столь удивительных достоинств и ясности ума. Справедливо сказано, что Пифагор был адептом и посвящённым высочайшего рода; он обладал непосредственным духовным видением и нашёл ключ к оккультным наукам и к духовному миру. Он черпал знание из первоисточника истины и соединял удивительный ум с высокой нравственной природой, вызывавшей уважение и любовь всех, кто способен оценить подлинное благородство. Воздвигнутое им философское здание так и не было разрушено. Платон заимствовал у Пифагора всю свою систему метафизики. Заключительные слова великолепного французского труда Эдуара Шюре можно перевести так: «Александрийская школа занимала верхние этажи здания, тогда как современная наука овладела нижним этажом и укрепила его фундамент. Многие философские школы и мистические или религиозные секты обитали в его

многочисленных покоях. Однако ни одна философия до сих пор не охватила его в гармоничной цельности».

ГЛАВА VIII.

АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ.

Одним из даровитейших последователей Пифагора был Аполлоний Тианский, столь великий чудотворец, что император Антоний Каракалла поклонялся ему как божеству, а Александр Север и другие императоры осыпали его великими почестями и относились к нему с глубоким уважением. Во время страшной чумы в Эпафусах, как сообщается, она прекратилась тотчас же по его прибытии: его призвали туда люди высокого положения, твёрдо верившие в его чудесную целительную силу. О его многочисленных исцелениях рассказывают, что иногда он находился рядом с больными и даже возлагал на них руки, но во многих случаях совершал изумительные исцеления на расстоянии; говорят, что он действительно сотворил столько могущественных дел, сколько любой из великих пророков или

апостолов, о которых упоминает Священное Писание. Как и все истинно учёные и святые люди, Аполлоний чётко различал праведную магию и нечестивое колдовство. Под истинной магией он разумел ту таинственную силу, которая действует посредством священных обрядов, совершаемых с добрым намерением достойными людьми, а под колдовством подразумевал все деяния, которые, как бы они ни совершались, исходили из злобных побуждений и производились с целью причинить вред. Перед нами ещё одно блистательное свидетельство в пользу благородной универсальной идеи, которая, хотя и была надолго затмена, ныне вновь сияет во всём своём природном блеске, вдохновляя в наши дни мужчин и женщин во многих странах на множество благодетельных дел, подобных тем, что приносили столько пользы в минувшие времена в древних странах. Основные учения Аполлония так схожи с учениями многих других великих наставников, что его личность не всегда выступает достаточно отчётливо; его много раз смешивали с другими прославленными духовными учителями и могущественными чудотворцами, но, по-видимому, существуют веские исторические свидетельства того, что он был вполне реальной и влиятельной личностью, к тому же

принёсшей великое благо в своё время и передавшей потомкам далеко идущее благотворное влияние. Сам о себе, по словам его биографов, он говорил, что его образ жизни совсем не походил на образ жизни большинства людей, среди которых он вращался; он ел очень мало, но извлекал много сил из крайне простой пищи; он, по-видимому, был совершенно чужд тщеславия и просто ходил, творя добро в меру всех своих возможностей. Как провидец он занимает исключительно высокое место, ибо, очевидно, обладал способностью предвидеть и предсказывать многие важные события, а также исцелять многие болезни и усмирять многие мятежи силой, совершенно сверхфизической. Аполлоний жил в то время, когда вера в богов и богинь классического мира сильно ослабла, а жрецы и жрицы некогда славных храмов в большой мере утратили своё прежнее высокое положение, и его горячим призванием было не только возродить древнее величие, но и возжечь в своём поколении новое пламя и рвение, превосходящее яркостью и чистотой пламя ушедших дней. Как и все прочие великие учителя, взявшиеся просвещать мир, он встречал сопротивление и гонения со стороны противников самых разных сословий, но всегда оказывался

способен так основательно защитить своё учение и свои обычаи, когда на них нападали, что среди противников приобретал множество друзей и окружал себя общинами верных учеников, преданных ему до самой смерти. Этот великий учитель не придавал значения жертвоприношениям и мало заботился о соблюдении обрядов; чистую жизнь и человеколюбивый нрав он ставил неизмеримо выше всех церемоний, ибо нравственные достоинства считал единственным по-настоящему необходимым условием духовного достижения. Магические силы он считал по праву принадлежащими тем, кто живёт на более высоком плане, чем большинство, и, как и все по-настоящему духовные учителя, ожидал, что высшие человеческие способности будут раскрываться естественным образом, если вести правильную жизнь, способствующую их развитию, без обращения к каким-либо искусственным средствам для их возбуждения. Филострат в подробном описании жизни Аполлония говорит, что тот посетил храм Асклепия в Эгах, оракулы Амфиарая, Дельф и Додоны, магов Ниневии и Вавилона, брахманов Индии; он побывал также в Египте, Эфиопии, на Крите, в Сицилии и Риме. В последние

годы он некоторое время жил в Смирне, Эфесе и Тиане; датой его смерти называют 96 год н. э., когда ему было около ста лет. Куда бы он ни приходил, он призывал людей к жизни строжайшей нравственности, сопровождаемой делами благочестия и молитвой. Говорят, что он исцелял любые недуги, включая самые опасные и смертельные болезни, и многие из его предсказаний точно сбылись. Из этих записанных случаев можно многое почерпнуть, что прольёт яркий свет на первые годы христианской эры, ибо в ту пору, по-видимому, невозможно сомневаться, что могучая духовная волна прокатывалась по этой планете и проявляла свою мощь через множество современных чудотворцев, многие из которых, несомненно, были мужчинами и женщинами благороднейшего характера, преданными высочайшим мыслимым идеалам. Тщетно и бесполезно было бы пытаться отделить в точности деяния этого одного человека от деяний всех остальных, и, конечно, достаточно рассмотреть сами дела, если наша цель — доказать действительность вдохновения и непрерывность его потока сквозь все века. Аполлоний был одним ярким светочем, сиявшим гораздо ярче обычного, но он не был одинокой фигурой и не называл себя единственным

учителем. В наши дни нам крайне необходим куда более разумный и всеобъемлющий взгляд на так называемую магию и всё, что к ней относится, нежели тот, на который способны желающие доказать слишком много об одном учителе и столь же слишком мало обо всех остальных. Мы легко могли бы привести примеры из огромного числа свидетельств о подобных делах, совершённых во всех частях света и под самыми различными покровительствами, но сказано достаточно, чтобы наши читатели задумались о притязаниях древней и современной мистерии и откровения и с новым интересом и рвением сами обратились к свидетельствам, всегда, мы надеемся, лишь с одним желанием — обрести истину и беспристрастно взвесить доказательства. Изучение истории полезно лишь постольку, поскольку оно побуждает нас стремиться повторить, если не превзойти, добрые дела тех, кто прокладывал путь человеческого прогресса до нас. Век за веком, тысячелетие за тысячелетием перед человечеством встают одни и те же великие задачи, требующие решения, ибо постоянно возникает сходная нужда в проявлении той чудесной силы учить и исцелять, которая есть единственная бесспорная грамота истинного пророка и чистого белого мага. Воистину хорошо

будет для всех нас, если, ввиду великого интереса, повсеместно проявляемого ныне к психическим чудесам, мы научимся ступать по освящённому пути, ведущему к тому истинному адептству, которое, в конечном счёте, есть высшее торжество духа над всем, что стремится сковать его лучезарную деятельность в жизни отдельного человека и общины. Глубокий смысл заключён в следующем необыкновенном свидетельстве о том, что Аполлоний считал образом жизни и ходом действий, ведущими к наиболее благотворным результатам. О себе он говорит: «Я ношу льняное одеяние, которое не только способствует чистоте, но и порождает более правдивые сновидения. Между Богом и человеком существует узы родства, и благодаря этому человек в некоторой мере причастен Божественной природе. Все убеждены, что силы ума и души происходят от Бога и что ближе всех к Богу те, кто наиболее щедро ими наделён. Индийская мудрость, с которой родственна египетская, говорит, что Бог сотворил всё и причиной Творения была благость Бога. Если Бог, следовательно, благ, то и доброго человека мы можем считать причастным духу Божию. К чему это

ведёт, узнает тот, кто знаком с философией эклектиков». (Цитируется по «Истории магии» Эннемозера.)

Эта философия представляет собой сочетание чисто платоновской и пифагорейской школ, которые по существу действительно едины. Поскольку диалоги Платона столь доступны и столь хорошо известны учёным, нам нет нужды распространяться об основных положениях этой славной греческой школы. Достаточно сказать, что ощущение гармонии со всем творением — единственная великая цель и предмет всякого истинного философского учения. Путь к этому достижению лежит через следование во всех случаях сокровеннейшим велениям собственного высшего сознания.

ГЛАВА IX.

ПЯТЬ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЙОГИ — СОЮЗ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ.

Существует пять видов йоги, которые на санскрите называются так: карма-йога — божественное единение через бескорыстное исполнение долга;

хатха-йога — достижение умственного и физического совершенства посредством внешних дисциплинарных упражнений; раджа-йога — внутреннее постижение истины; бхакти-йога, призванная взращивать осознанное единение с Божеством через дела преданности; джняна-йога, цель которой — обрести совершенное знание Божественной природы.

Простейший английский эквивалент слова «йога» — «союз», «единение». Прежде чем кто-либо из нас станет йогом, должны осуществиться три особых вида единения. Во-первых, мы должны стремиться постичь хоть что-то из великой истины, заключённой в несравненной формуле «Божественное Единство». Великая мысль о Божестве, всепроникающем и в то же время всё превосходящем, намного возвышается над любыми ограниченными представлениями о Нём. Согласно учению подлинных йогов, ни одно представление о Боге не может быть совершенно ложным, и ни одно конечное понятие не может быть вполне истинным, ибо никакой конечный разум не способен охватить Бесконечность. Каждый из нас хранит именно те идеи о Верховном Существе, которые точно отражают ступень нашего развития, и когда это ясно

понято, исчезают все трудности, связанные с многочисленными противоречиями Священных Писаний. Йоги — это те, кто настолько перерос зависимость от внешних опор благочестия, что способен осознавать Бога повсюду и во всём; поэтому для них священны все проявления жизни. Эта великая истина, при всём её величии, как и все другие универсальные истины, легко подвергается неверному пониманию; потому нам не следует ничуть удивляться, встречая невежественный фанатизм в распространённых ныне в Индии представлениях о йоге. Западные поклонники индуистской философии очень часто ошибочно принимают за верное изложение её любые учения, которые провозглашает какой-нибудь местный наставник из Индии, посетивший наши берега. Такое безразборчивое приятие весьма расходящихся учений породило немало путаницы в умах, и нам, несомненно, подобает вдумчиво сопоставлять одно восточное учение с другим, точно так же как нам нужно судить о различных теориях, выдвигаемых на Западе. Между йогами и факирами лежит огромная разница, хотя их нередко по злому умыслу смешивают. Факиры — это аскеты, творящие чудеса, которые сильно изумляют толпы дивящихся зрителей, но они ни в коем случае не

йоги, ибо те, кто истинно практикует йогу, вовсе не сенсационные чудотворцы, а глубокие практические исследователи Закона Вселенной. Хатху-йогу, которую в последнее время так активно эксплуатировали в Америке, необходимо понять хотя бы в общих чертах, прежде чем мы перейдём к другим, более духовным её разновидностям: она весьма практично занимается совместным воспитанием тела и ума, чтобы создать здоровое вместилище, через которое дух мог бы действовать во время воплощения.

Тема ритмичного дыхания всегда вызывает чрезвычайный интерес, поскольку лежит в самой основе всех упражнений для здоровья; но часто утверждают, что методы, принятые в Индии, могут быть вредны американцам и европейцам из-за большой разницы в темпераменте и общем образе жизни. Вероятно, это верно в известной ограниченной мере, но отнюдь не настолько, как многие воображают: хотя наследственность и ранее воспитание везде имеют большое значение, культивировать превосходную привычку глубокого, ровного дыхания никогда не вредно, а, напротив, весьма полезно. Верно, что если мы с детства живём естественно, нам не понадобятся формальные

дыхательные упражнения, так же как нам не понадобится заниматься в гимнастическом зале, если мы привыкнем к достаточным регулярным упражнениям на открытом воздухе, которые поддерживают нормальную активность всех наших конечностей и мышц. Но на этом основании мы не можем объявлять гимнастические упражнения опасными или вредными и не должны позволять себе осуждать их лишь потому, что при неразумном выполнении они часто сильно вредят мышцам, которые от этого перенапрягаются. Хатха-йога в западном мире — самая популярная и вместе с тем самая близкая к опасности из всех разновидностей йоги. В Индии, исконной родине практик йоги, местное население благодаря длинному ряду подходящих предков, а также соответствующей пище и одежде может безнаказанно, и даже с явной пользой, выполнять многие упражнения, которые вскоре оказались бы губительными для тех европейцев и американцев, кто упорно придерживается мясной диеты и носит одежду, стесняющую нормальную деятельность жизненно важных частей тела. Не требуя немедленно перейти на строго вегетарианскую пищу, всё же необходимо, чтобы все, кто делает мясо основным продуктом питания, сразу же значительно сократили его

количество и воспитали в себе здоровый вкус к питательным злакам, сочным фруктам и мясистым овощам, которые при разумном выборе и правильном приготовлении дают всё питание, какое можно получить от мяса, не имея его чрезмерно разогревающих и прочих вредных свойств. Одежду также нужно значительно упростить, и это легко сделать, следуя прекрасным подсказкам греческого и индийского костюма. Любовь к красоте естественна и нуждается в поощрении; так же как и ценение тонких и изысканных вкусов; но нет красоты в нездоровой одежде и нет изысканного вкуса в неподобающей пище. Во время дыхательных упражнений всегда следует носить простые белые одеяния; их можно украсить по вкусу владельца или носить совсем без украшений. В любом случае они вполне гигиеничны. Фрукты, овощи и крупы можно есть варёными или сырыми; но как вся одежда должна быть чистой, так и вся пища должна быть свежей. Помещения, где ученик или группа учеников ритмично дышат, должны хорошо проветриваться, а воздух в них должен быть, насколько возможно, пронизан солнечным светом. Это очень важное обстоятельство, но его сильно упускают из виду. Очень многие неприятные последствия сидения на

спиритических сеансах обусловлены гораздо более плохой физической вентиляцией, чем каким-либо предполагаемым злым влиянием в духовной вселенной, хотя можно разумно утверждать, что нежелательные гости из невидимых состояний могут находить в дурном воздухе подходящую для себя среду обитания. Закон соответствий действует столь всеобщим и столь полным образом, что его непрестанное действие проявляется, куда бы мы ни обратились: поэтому мы не можем логично отрицать, что дурные мысли и дурной воздух находятся в тесном сродстве, а чистые мысли и свежий воздух — столь же близкие соседи. Но когда общие привычки и обычаи жизни разумны и даже прекрасны, чрезмерно усердным всё же может понадобиться предостережение: в своём сильном желании быстро продвинуться они нередко отбрасывают осмотрительность. Мы не можем мгновенно перестроить свои подсознательные привычки, хотя внешние обычаи можем изменить очень быстро, а именно подсознательный план нашей деятельности служит главной обителью тех недомоганий, которые призвано исправить регулярное, систематическое дыхание.

Обычно неразумно отводить хатха-йоге первое или высшее место; большинству людей лучше сначала рассматривать и практиковать другие формы йоги, чтобы противодействовать пагубной склонности ставить благополучие плоти выше в нашем уважении, чем заботы духа. Тем не менее следует признать, что многие люди с духовным складом далеко не здоровы физически, и это главным образом объясняется ошибочным представлением, будто забота о внешнем теле — дело, которое можно целиком предоставить тем, в ком духовное сознание ещё не пробудилось.

Правильно и полно понятая, духовность есть полнота дыхания; одной этимологии слова достаточно, чтобы это стало совершенно ясно, ибо английское слово spirit — всего лишь сокращённое латинское spiritus (дыхание). Дух и дыхание первоначально означают в точности одно и то же. Учитель дышит на своих учеников, и они принимают святое дыхание, или дух. Физическое дыхание справедливо рассматривать как носитель, посредством которого передаётся внутреннее дыхание, или прана; поэтому связь между нашей внутренней и внешней жизнью гораздо теснее, чем мы обычно полагаем. Пока мы облечены в

физическое тело, нам никогда не следует пытаться отделять интересы Эго от интересов его самых внешних личностных оболочек: это опустошило бы нашу философию и подорвало бы цельность всего нашего образа жизни. Один план выражения, конечно, выше и долговечнее другого, но все они должны надлежащим образом согласовываться. Величайшая польза, какую мы можем извлечь из любых полезных умственных и физических практик, состоит в том, чтобы привести наш ум и тело в такое полное согласие, чтобы одно никогда не действовало вразрез с другим. Добрая старая поговорка «Чистый ум в чистом теле — это здоровье» совершенно верна, и под «чистым» здесь следует понимать свободное как от смешения, так и от загрязнения. Когда мы протестуем против фальсификации пищи или одежды, мы нередко восстаём против примеси нездоровой и недозволенной, хотя ни одна из добавленных составных частей сама по себе не вызывает возражений. Примером могут служить хорошо известные случаи: песок в сахаре и хлопок, смешанный с шерстью; когда бакалейщик уверяет, что продаёт чистый сахар, а портной объявляет кусок ткани чистой шерстью, он употребляет это слово в значении «простой», то есть свободный от

всякого постороннего элемента. Чистое дыхание — это просто свежий воздух, оживотворённый праной, которая беспрепятственно циркулирует по всему телу; поэтому в трактатах по йоге мы читаем, что можно дышать и через кости, и через кожу, — утверждение, полностью согласующееся со всем, что нам известно о строении материи, состоящей из бесчисленных бесконечно малых частиц, никакие две из которых в действительности никогда не соприкасаются. Теперь мы начинаем видеть мудрость и разумное применение многих странных старых изречений и практик, которые современные критики нередко отбрасывают как отжившие суеверия. Возьмём, к примеру, библейское предписание: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая». Освящённые храмы были не только посвящены священным целям, они были также наполнены особой атмосферой, особенно благотворной для всех, кто намеренно открывался, чтобы принять её. В храмах Греции многие больные исцелялись просто тем, что отдыхали в этих прекрасных святилищах, хотя в другое время служившие там терапевты назначали и определённое лечение. В христианских церквях много пользы нередко получают те, кто откликается на частое

приглашение тихо отдохнуть и помедитировать, а также помолиться. Мы все знаем, как сильно чувствительные люди подвержены влиянию невидимой атмосферы, не зная, что именно на них действует. Научное изучение оккультизма разгадывает эту загадку, обращая наше внимание на тонкие эфиры и атмосферы, с которыми обычный необученный ум формально не знаком; но это неведение не мешает нам ощущать действие некоего таинственного элемента, который воздействует на нас без нашего ведома. Нет ничего обычнее восклицаний: «Не могу сказать, как я простудился» или «Не знаю, отчего я так нервничаю». С другой стороны, на нас нередко очень приятно действует какой-нибудь таинственный агент, с которым мы не знакомы, но с которым легко могли бы познакомиться, если бы проводили в тихой медитации больше времени, чем обычно, и до некоторой степени занялись изучением невидимых сил. Очень чувствительные люди обычно гораздо лучше себя чувствуют за городом или на морском берегу, чем в многолюдных городах, потому что там, где природа сравнительно не потревожена, праны несравненно больше, чем в сбивающих с толку ульях лихорадочного человеческого труда. У природы есть

свои святые места, где мы нередко можем получить ещё большую пользу, чем в прекраснейших храмах, когда-либо построенных человеческими руками; поэтому ходить босиком за городом, по любому травянистому склону или ухоженной лужайке, или на морском берегу, когда песок манит, — весьма полезное упражнение, которое нередко помогает удалить из тела многие нечистоты, служащие причиной тех мучительных застоев, которые способно окончательно предотвратить лишь правильное дыхание. В последние годы часто говорили, что дыхательные упражнения, составленные по восточным образцам, вызывали истерию и многие другие мучительные недуги, особенно у хрупких американских женщин, занимавшихся без руководства сведущего наставника. Возможно, так и было, но если это так, то это лишь показывает крайнее неразумие пренебрежения необходимыми предварительными предосторожностями: эти введённые в заблуждение женщины, как правило, носили тесную обувь и перчатки и другую нездоровую одежду, пытаясь выполнять упражнения, а кроме того, чрезмерно напрягались, стараясь с самого начала практики делать слишком сложные упражнения. Нет ни малейшей причины, почему женщинам не дышать

так же глубоко и ровно, как мужчинам, и они так и дышат, когда носят подходящую одежду и придают телу естественное положение. Всякий, кто приступает к дыханию йогов, должен полностью сосредоточиться на какой-нибудь великой идее, которую легко выразить одним ёмким словом, например «мужество», «покой», «истина» или любым другим, воплощающим ту добродетель, которую человек особенно желает сейчас взращивать. Следует мысленно представить себе солнечное сплетение, вообразив его миниатюрным солнцем в центре организма, ибо это великий центральный ганглий позади живота. Этот центр электромагнитно связан с шишковидной железой, которую Декарт и другие философы справедливо объявили жизненным центром мозга, откуда душа действует путём притока во все части тела. Когда между центром мозга и центром живота достигается совершенная гармония, в организме не может быть болезни, потому что все функции выполняются надлежащим образом, а всё тело полностью оживотворяется и проветривается. Йогов Индии никогда не следует смешивать с факирами, ибо последние причиняют себе физический вред, пытаясь развить необычайные способности, и хотя им часто удаётся совершать удивительные подвиги

магии, они не занимаются исцелением и в действительности ничего не добавляют к полезным знаниям тех, кто наблюдает их причудливые представления. Йоги же, напротив, одновременно и учителя, и целители, и подают своим ученикам высокие примеры благородной жизни, ибо полностью овладели всеми своими влечениями и во всех отношениях поистине образцово ведут себя. Когда мы станем рассматривать одну за другой уже перечисленные разновидности практики йоги, мы вскоре обнаружим, что их можно сравнить с пятью пальцами одной руки или пятью ветвями дерева, вырастающими из одной ладони или расходящимися от единого ствола. Карма-йога — санскритское название бескорыстного исполнения своего постоянного долга, независимо от меняющихся форм, какие этот долг может время от времени принимать. Это дело домохозяина и делового человека, и оно не имеет ничего общего с теми особыми практиками, которые относятся к труду и обучению тех, кто фактически удаляется от мира, чтобы посвятить себя уединённой созерцательной жизни, в которой большинство из нас не может участвовать. Слово «долг», хотя и очень обычное, не всегда легко определить, поскольку его неправильно применять ко всем тем

многочисленным действиям, которые люди совершают по велению глупых обычаев или чтобы потворствовать капризам членов своей семьи. Многие мужчины и женщины беспощадно приносятся в жертву ложным представлениям о долге, и вместо благословения благодарности от других или внутреннего одобрения собственной совести их ошибочные усилия вознаграждаются лишь неблагодарностью извне и недовольством изнутри. Долг всегда разумен, и его исполнение должно так или иначе способствовать расширению и облагораживанию жизни; он должен стремиться поднять нравственное, умственное и физическое состояние всех, на кого он влияет; поэтому его нельзя разумно связывать с беспрестанным круговоротом занятий, не приносящих пользы ни тем, кто за них берётся, ни тем, на кого они непосредственно влияют. Как ни странно это звучит, нам нередко приходится пренебрегать одним долгом, чтобы исполнить другой; но это, разумеется, никогда не бывает так иначе как лишь по видимости, ибо настоящие обязанности не конфликтуют и не могут конфликтовать. Никогда не может быть чьим-либо долгом находиться в двух местах одновременно, пока это остаётся невозможным, но часто кажется, будто человек

должен быть там. Так вот, особая польза правильной медитации состоит в том, чтобы поставить нас на путь, который позволит ясно увидеть, что есть то единственное, что мы действительно должны сделать именно сейчас, и где то самое место, в котором мы должны это сделать. Внутреннее озарение может показать нам это, и тогда мы сможем сразу приняться за исполнение определённого долга, относящегося к данному мгновению.

Когда мы внутренне вполне убеждены, что нечто — наш долг, мы должны встретить и преодолеть любое препятствие, соблазн или искушение, которые увлекли бы нас в другую сторону; и хотя поначалу нам, возможно, трудно заставить умолкнуть все противоречивые голоса и научиться не обращать внимания на любые отвлекающие побуждения, немного регулярной практики, верно продолженной, вскоре разовьёт в нас такую умственную привычку, что мы почти самопроизвольно станем делать то, что прежде казалось геркулесовым трудом, едва ли посильным для нас. Подсознательное «я», или подсознательный ум, скоро усваивает хорошую привычку, если мы упорно его воспитываем, а выработав однажды

хорошую привычку, нам уже не нужно ослаблять свою хватку, потому что следование ей может послужить лишь нашей собственной пользе и благу всех, с кем мы связаны. Величайшие трудности мы встречаем всегда в самом начале практики; потому-то мы так часто бросаем бег, хотя, если бы мы продолжали бежать, то были бы с лихвой вознаграждены за все наши тяжёлые усилия. В практике йоги нам нужно лишь взращивать те склонности и методы, которые необходимы для успеха в любом мыслимом поприще человеческой деятельности. Усердие в добрых делах — единственный путь к победе. Другая ветвь йоги, Бхакти-йога, касается совершения определённых дел преданности, цель которых — приводить ученика ко всё более полному осознанию единства всех жизней. Эти дела порой имеют строго определённый и даже шаблонный характер, весьма напоминая формальные обрядовые упражнения многих христиан, которым полезно совершать особые акты благочестия в установленные сроки и неизменным образом, как, например, чтение чёток у римских католиков. Другие же, напротив, считают такие механические религиозные действия скорее помехой, чем помощью истинной преданности; но эти люди отнюдь не лишены благочестия, они

просто такого склада, что им помогает лишь то, что идёт от сердца. Великая мудрость проявлена в Посланиях святого Павла, где предмет обрядового благочестия обсуждается довольно подробно, ибо апостол подытоживает все свои советы памятным наставлением: «Всякий оставайся в своём разумении твёрдым». Мы глубоко ошибаемся, воображая, будто все индусы или иные азиаты наделены одним и тем же складом ума или будто все находят полезным искать духовного просветления одним-единственным путём, ибо среди коренных народов Азии можно найти не меньше разнообразия, чем среди европейцев или американцев, из которых одни от природы склоняются к строгой простоте квакера, а других влечёт к самой пышной помпе и церемонии. В этом нет ничего удивительного, если взглянуть на внешнюю природу, являющую нам бесконечное разнообразие типов и явлений: подобно тому как у каждого вида животных есть свои особые нужды, которые необходимо должным образом удовлетворять, чтобы это существо истинно процветало, так и в человеческой жизни разновидности склонностей и потребностей ещё многочисленнее и разнообразнее, так что то, что весьма полезно одним, для других положительно

вредно. Дела преданности не всегда можно чётко отделить от исполнения обычных обязанностей, ибо одно незаметно переходит в другое. Апостольские наставления «Непрестанно молитесь» и «За всё благодарите» не имели бы смысла, если бы нельзя было внести дух преданности в каждое обыденное занятие, и уж конечно, будь это иначе, слова «Едите ли, пьёте ли или что-нибудь другое делаете, всё делайте в славу Божию» были бы совершенно непостижимы. Мы снова прослеживаем яркую параллель между восточной философией и первоначальным христианством, и при правильном изучении она заставляет нас относиться с полнейшим презрением к тем нелепым обличениям восточных религий, которые всё ещё уродуют христианские сборники гимнов и побуждают многих сторонников зарубежных миссий делать столь невежественные и вводящие в заблуждение заявления, что доброе дело, которое они стремятся совершить, неизбежно должно сильно страдать от полной неспособности этих самозваных миссионеров понять людей, среди которых они пытаются вести свою прозелитическую работу. «Язычник в слепоте своей поклоняется дереву и камню» — глупая ложь, помещённая в самом сердце чрезвычайно популярного гимна.

Трудно понять, чего хорошие прихожане рассчитывают достичь пением такой чепухи, ведь она не может поднять умы поющих до высокой оценки божественной мудрости, если в предыдущей строке они заявляют: «Напрасно с щедрой добротой рассыпаны дары Божии». Благоговейный индус слишком глубоко ощущает мудрость Божества, чтобы верить, будто Бог что-либо делает напрасно, и всякий просвещённый восточный человек слишком умён и к тому же слишком добр, чтобы изрекать такой вводящий в заблуждение вздор о доброжелательных людях, которые не говорят на его языке и не исповедуют его веры, но совершают дела преданности, очень схожие с его собственными. Чем больше мы изучаем восточную философию, тем сильнее склоняемся к мысли учредить «Общество „Занимайся своим делом“», чтобы противостоять пагубному влиянию тех ошибочных миссионерских начинаний, которые, без сомнения, основаны на добрых побуждениях, но выдают полное незнание того, какая работа действительно нужна в так называемых языческих странах, где, безусловно, желательно побудить значительную часть местных жителей к более возвышенным практикам, нежели те, которым они предаются ныне, и склонить их

отказаться от многих унизительных суеверий. Но поскольку и мы сами в известной мере суеверны во многих отношениях, мы все можем учиться друг у друга, что следует взращивать, а чего избегать, ибо все мы, собственно говоря, в школе жизни не только ученики и не только учителя, а ученики-учителя. Многие протестанты видят в значительной части католического благочестия неприкрытое идолопоклонство, и многие католики точно так же смотрят на средства благочестия, применяемые в восточных странах, хотя внешние формы так близки, что беспристрастный наблюдатель взглянул бы на одно точно так же, как на другое. Эти монотонные повторения слов и движений могут многое значить для одних людей и совсем ничего не значить для других; поэтому справедливо позволить наслаждаться ими тем, кто получает от них пользу, и не перенимать их самим, если только мы искренне не чувствуем, что они могли бы нам помочь, — а в этом случае мы вполне вправе ими пользоваться. Обычно мы склонны насмехаться над обрядами других, когда они кажутся нам смешными, но очень легко обижаемся и негодуем, когда другие смеются над нашими причудами. Это верный признак глупого самомнения, соединённого с недостаточным уважением к

правам других. Однако дела преданности отнюдь не ограничиваются обрядовыми действиями даже в Индии или на Цейлоне, хотя в этой части света соблюдение религиозного церемониала входит в повседневную жизнь народа не менее широко, чем в жизнь крайне ортодоксального восточного еврея, считающего великой радостью пунктуально исполнять 613 заповедей Торы, многие из которых кажутся бесполезными и устарелыми современным израильтянам Европы и Америки. Делом преданности, собственно говоря, является любое дело, предпринятое в благоговейном духе и совершаемое в почтительном расположении ума, но поскольку предметы преданности весьма разнообразны, мы не можем подвести все благочестивые поступки под одну рубрику. Мы вполне правильно говорим о преданности своей стране, почитаемому делу, благополучию своей семьи, а также искусству, науке и делу. Род занятий, которому мы себя посвящаем, получает свою духовную природу от побуждения, которое его порождает, и от настроя, который его пронизывает; поэтому мы легко можем впасть в серьёзную ошибку, если попытаемся называть определённые внешние поступки делами преданности в каком-либо исключительном смысле. Написание письма

может быть вполне благочестивым поступком, способным принести неисчислимую пользу и великое благословение пишущему; или написанное письмо может быть просто пустячным и настолько малозначительным, что от него не проследить никакого определённого результата; или же оно может быть написано со злым умыслом и причинить великий вред. Во всех трёх случаях могли быть использованы совершенно одни и те же письменные принадлежности, каждое письмо могло содержать одинаковое число слов на одном и том же языке, и все три могли быть отправлены одновременно в один и тот же город по одному тарифу. Так разве может быть что-нибудь нелепее, чем рассуждать о нравственности или безнравственности написания послания определённой длины определённым видом чернил на определённом сорте бумаги и отправки его после этого в определённое место? Но такое рассуждение было бы не более неразумным, чем то, которое берётся измерять или определять достоинство или порочность какого-либо внешнего действия, не принимая в расчёт цели его совершения и душевного состояния совершающего. Итак, йогу нельзя свести к уровню механизма, хотя мы можем пользоваться механическими

средствами в её исполнении, подобно тому как все мы одинаково пользуемся письменными принадлежностями, ведя переписку как высочайшего достоинства, так и совсем противоположную. Мы вступили теперь в область мысли, где можно собрать много полезных урожаев, если неизменно хранить в себе одно, самое важное чувство: мы можем обрести благословение, что бы мы ни делали и в каких бы обстоятельствах ни находились, при условии, что мы неизменно решимся вкладывать во все наши слова и поступки благодетельный дух непреклонной решимости благословлять человечество во всех наших начинаниях.

ГЛАВА X.

КОЛЕСО ИЕЗЕКИИЛЯ — ЧТО ОНО ОЗНАЧАЕТ. — АСТРОЛОГИЯ В ПРОРОЧЕСТВЕ.

Среди множества замечательных глав в поразительно символической книге пророка Иезекииля десятая в некоторых отношениях наиболее богата эмблемами, и если ясно не понимать, что она описывает яркое видение и ни в коем случае не предназначена для буквального

понимания, она непременно покажется совершенно непостижимой. Но попытаемся истолковать, хотя бы отчасти, её чудесные образы, и, заглядывая глубже изумляющей буквы, мы вскоре начнём улавливать проблески её многих более глубоких сторон. Если бы мы попытались исчерпать смысл видения единственной попыткой истолкования, мы бы сами погубили цель, которую имеем в виду, а она лишь в том, чтобы предложить несколько мыслей, которые могут быть полезны ученикам, ищущим ключ к внутреннему святилищу символической литературы, которую ныне начинают широко рассматривать в совершенно надысторическом ключе. Пророческие образы могут иметь как местное, так и надместное значение, под чем мы разумеем, что некоторые символически описанные или предсказанные события могут иметь непосредственное отношение к определённой эпохе и народу и в то же время допускать гораздо более широкое применение. Составители заголовков страниц в версии Библии короля Якова на английском языке позволяли себе поразительные и часто совершенно неоправданные вольности со своим нередко очень плохим переводом еврейского текста, и именно эти заголовки глав породили огромное количество

недоразумений, широко распространённых относительно подлинного смысла оригинала. В случае рассматриваемой нами главы такой досады нет, ибо заголовок просто описателен, а именно: «Видение горящих углей и херувимов». Человека, одетого в льняные одежды, весьма заметного персонажа многих видений Иезекииля, можно по справедливости считать одним из тех многочисленных ангельских посланников, о которых мы постоянно читаем и которые все описываются облачёнными в чистую белую одежду, по меньшей мере по двум причинам: во-первых, потому что все посланники эзотерических братств неизменно облачены в белые одеяния, а во-вторых, потому что ясновидческое зрение во все века позволяло провидцам лицезреть светящуюся белую ауру, излучаемую всеми небесными посланниками, будь они воплощённые или невоплощённые. Херувимы, также играющие важную роль среди персонажей видения, представляли в древности души, ещё не воплощённые на земле, но ожидающие воплощения, ибо провидцы всех веков и стран единодушно свидетельствовали о духовном предсуществовании. Сходство, проводимое между сапфиром и небесным престолом, сразу наводит на мысль о издревле почитаемом значении этого

необычайно прекрасного камня, всегда служившего символом мудрости, искренности и постоянства. Добывание огня с неба и рассыпание его по земле — символ, встречающийся почти по всему кругу классической литературы, причём известный миф о Прометее — весьма характерный пример. Огонь занимал особое почётное место у всех народов, и как религиозная эмблема всегда стоял в центре сцены, и по заслугам, если вспомнить три его главных отличительных свойства: просвещать, очищать и согревать. Тепло, свет и очищение тотчас приходят на ум при мысли об огне, и потому им символизируется великое алхимическое дело превращения. Многое, относящееся к глубоким и внушающим трепет посвятительным обрядам, передаётся этим далеко идущим символом. Человек в белых одеждах, входящий в мистическое пламя и выходящий из него, представляет вполне развитого иерофанта, того, кто воистину прошёл мистическую смерть и достиг славной свободы новой жизни воскресших и возрождённых. Крылья херувимов означают способность проходить сквозь воздух или эфир так же легко, как птицы летают, а рыбы плавают, и несомненно с гораздо большей быстротой. Сравнение звука, производимого движением крыльев херувимов, с голосом

Всемогущего, когда Он говорит, — ясная отсылка к очень древней и широко распространённой мысли, что БОГ говорит с человечеством на земле через посредство ангелов. Все откровения по необходимости приспособлены к состоянию восприимчивости тех, к кому они обращены, ибо где нет постижения, там не может быть откровения: откровение требует как постигающего, так и открывающего. По мнению некоторых толкователей, колёса, среди которых стоит человек в белых одеждах, имеют астрологическое значение, и в той любопытной книге «Искусство магии», содержащей много сведений необычного рода, мы находим иллюстрацию Колеса Иезекииля, призванную выразить астрологическую идею восходящего Макрокосма и нисходящего Микрокосма. Шесть знаков Зодиака — Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева — находятся на линии восхождения. Весы, седьмой знак, — поворотная точка, или равновесие чаш. Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы — на нисходящей линии. Колёса внутри колёс согласно этому истолкованию явно относятся к различным Домам Солнца, как называют двенадцать знаков Зодиака. В каждом из этих Домов человечество совершает некую особую работу, и в течение каждого Великого цикла в 25 840

лет наше Солнце проходит через эти двенадцать Домов, подобно тому как наша маленькая Земля проходит через них за немногим более 365 дней.

Четыре особых знака, описанных как имеющие соответственно лик херувима, человека, льва и орла, — это четыре так называемых Неподвижных знака Зодиака. Таковы Водолей, Скорпион, Лев, Телец. Водолей знаком всем нам как человек с лейкой; Лев — это лев, Телец — крылатый херувим, как его часто изображали в древнем символическом искусстве; Скорпион — это орёл, и именно так он изображался по своему духовному значению с незапамятных времён. Христианское искусство использовало эти символы для обозначения четырёх евангелистов, потому-то мы так часто и видим в христианской церкви аналой в виде орла; хотя о его более древнем и универсальном значении редко упоминают, кроме как студенты астрологии, которые, естественно, желают доказать родство между собственным современным учением и мудростью древних пророков. Астрология всегда будет в известной мере под запретом, пока её приверженцы повсюду не отрекутся от всякой связи с фатализмом и пессимизмом, ибо эти два близнецовых заблуждения лишают астрологию

всего блага, которое она могла бы принести. Праздное любопытство может побуждать многих людей заглядывать в будущее, не веря, что полученное знание можно с пользой применить, но серьёзные люди, всегда ищущие полезного наставления, никогда не смогут заинтересоваться предсказаниями, которые не побуждают слушающих надеть свои духовные доспехи и одолеть все условия, что оказались бы неблагоприятными, если бы мы позволили им восторжествовать над нами, тогда как наше призвание и право — подняться над ними, встречая этих кажущихся противников не как врагов, подлежащих истреблению, а как необходимый материал для конечного превращения в формы, столь же непохожие на первоначальные, как орёл не похож на скорпиона. Эти четыре весьма необычайных Живых Существа, упомянутые у Иезекииля, вновь появляются в Апокалипсисе, что служит в высшей степени знаменательным примером широкого употребления одной и той же символики. Это эмблемы как масонские, так и астрологические, и они, несомненно, хорошо понятны тем сравнительно немногим по-настоящему выдающимся масонам, которые проникают в эзотерический смысл масонских

обрядов и далеко не довольствуются простым посвящением во внешнюю кайму масонского одеяния. Но как бы глубоко ни были сведущи в масонском знании древние пророки, они были прежде и превыше всего увещателями народа к праведности как гражданской, так и частной.

Исключительно важное значение превращения Скорпиона в Аквилу (Орла) всегда рассматривалось как свершение Великого Делания алхимиков, которые привыкли облекать свои глубокие эзотерические учения о возрождении человека в общую символику, относящуюся к буквальному превращению металлов, — подвиг, который, несомненно, в какой-то мере действительно совершался теми, кто был сведущ в мистической химии. Но поскольку благороднейшие и достойнейшие доверия розенкрейцеры и все прочие ученики подлинной алхимии неизменно заявляли, что никто не может стать истинным Белым Магом, пока не победит всякую алчность, то буквальное получение вещественного золота было делом решительно маловажным в глазах тех великих магов, которые сделали возрождение человечества, личное и общее, единственной высшей целью своих неутомимых усилий. Земля,

Воздух, Огонь, Вода, как и Север, Юг, Восток, Запад, употребляются в мистических сочинениях как знаки четырёх главных разделов человеческой жизни во всех её направлениях. Четыре символические реки, орошавшие Эдемский сад, с алхимической точки зрения — это четыре великие артерии, русла реки крови. Вполне можно думать, что четыре реки, перечисленные в Книге Бытие, имеют некую связь с четырьмя Живыми Существами, упоминаемыми в других местах Библии. Фисон означает безымянную артерию, снабжающую кровью правую сторону головы, правую руку и кисть. Гихон представляет вторую великую артерию у дуги аорты — левую общую сонную, — которая снабжает левую сторону головы и через «Виллизиев круг» может снабжать и правую сторону мозга. Хиддекель относится к той, что питает кровью верхнюю часть левой руки. Евфрат означает нисходящую аорту, снабжающую лёгкие и все органы ниже них, включая главные части груди и желудка. Постоянно помня о связи между Макрокосмом и Микрокосмом, мы почти не встретим трудности в прослеживании живого единства этих соответствий: хотя поначалу связь между знаками Зодиака и различными частями человеческого тела может показаться весьма слабой и главным образом вымышленной, едва мы

постигнем нечто из неизбежных следствий микрокосмической идеи, как тотчас увидим, что созвездия и всё, что они означают, не только вовне, но поистине и внутри каждого из нас. С самого начала любого практического обучения астрологии крайне важно, чтобы учитель стремился устранить господствующее заблуждение, будто, говоря о влиянии планет, мы имеем в виду лишь те влияния, которые оказывают на нас тела, удалённые от этой земли на много миллионов миль.

Всякое влияние, оказываемое на нас извне, должно иметь соответствие внутри, иначе мы не могли бы ему подвергаться. Лишь потому, что мы — вселенные в миниатюре, мы можем знать и чувствовать нечто от большей Вселенной вовне. Герметическая философия — единственный достаточный примиритель физики с метафизикой и идеалистической философии с реалистической, ибо в свете герметизма мы легко постигаем, как наши телесные чувства могут быть вполне достоверны в пределах своего свидетельства и вместе с тем соглашаться с идеалистом, настаивающим, что всё воспринимаемое нами находится в сознании воспринимающего: оно внутри нас и вне нас в один и тот же миг, подобно тому как воздух есть в наших

телах и в то же время вовне всегда должен быть гораздо больший объём атмосферы. Пророческие видения всегда вводят нас в тот универсальный язык знаков и символов, на котором мы обычно видим сны и который, как правило, сильно озадачивает нас, пока мы не найдём ключ к его истолкованию.

ГЛАВА XI.

ЭМАНУЭЛЬ СВЕДЕНБОРГ И ЕГО УЧЕНИЕ О СООТВЕТСТВИЯХ.

Какую бы оценку мы ни пытались дать некоторым учениям великого шведского философа и провидца Эмануэля Сведенборга, невозможно по справедливости обойти вниманием его огромный вклад в духовную, либеральную религиозную и философскую мысль: хотя многие из его последователей крайне консервативны — и, по-видимому, не терпят никаких притязаний на современное просветление после времён Сведенборга, — никакая узость позднейших поколений не может умалить блеска жизни этого высокоучёного и поистине удивительного человека,

которому все мы глубоко обязаны тем, что он вновь обратил внимание на весьма древние представления о Священном Писании, совершенно расходящиеся с общепринятой ортодоксией его времени. Как выдающийся человек науки и литературы, а также как удивительный ясновидец, Сведенборг ярко сияет на фоне общей скуки и безжизненности своего века. XVIII столетие отличалось господством холодного религиозного формализма и немалой распущенностью нравов, и для противодействия обеим этим удручающим тенденциям Сведенборг трудился с поистине изумительным искусством и энергией.

Литературное наследие этого поразительного писателя было бы удивительным, даже если судить лишь по внешнему признаку объёма, но когда мы принимаем в расчёт исключительное достоинство этой огромной массы литературного материала, нам остаётся лишь убедиться, что перед нами ум, воспитанный и развитый далеко за пределами обычного.

Поскольку религиозная denomination, известная как сведенборгианская, на протяжении многих лет усердно распространяет многие богословские сочинения Сведенборга, бесплатно либо за чисто

номинальную плату, читающая публика довольно хорошо знакома с книгами «О небесах и аде», «О Божественном Провидении», «О Божественной любви и мудрости» и несколькими другими, меньшими по объёму, но мы сомневаемся, что многие, кроме специальных исследователей, одолели «Небесные тайны», «Раскрытое Откровение» или даже «Истинную христианскую религию»; все они — весьма объёмистые тома, написанные тем точным, неторопливым, учёным слогом, который показывает в авторе человека на редкость тщательного, явно не спешащего, но удивительно плодовитого писателя. Чтобы должным образом оценить революционный характер сведенборговского подхода к принятой в его время и в его стране Библии, мы должны помнить: хотя он настойчиво утверждает, что внутри буквального смысла, который он называет природным смыслом тех частей Библии, что, по его словам, воистину суть Божественное Слово, есть два внутренних смысла — духовный и небесный, — он отнюдь не признаёт, что все 66 книг, составляющих Священную Библию протестантского христианского мира, следует считать абсолютно божественным откровением. Напротив, он помещает их примерно там, где Англиканская церковь помещает

апокрифы, которые она рекомендует для чтения, даже во время богослужений, но которым не приписывает такого авторитета, как Ветхому и Новому Завету.

Пятикнижие, или Тора, по Сведенборгу, действительно есть божественное откровение, но не внешне — в отношении буквальной истории, жертвоприношений и разнообразных обрядовых установлений, — а по своему внутреннему смыслу, который касается прежде всего не внешнего образования человека, а семи ступеней человеческого возрождения, духовно изложенных в первой главе Книги Бытие. Легко понять, с какой самодовольной улыбкой сведенборгиане встретили тот революционный дарвинизм, который потряс как религиозный, так и научный мир в середине XIX века: ведь учению о соответствиях ничто не могло повредить, если бы было доказано, что человек живёт на земле миллионы лет, а не всего шесть тысяч. Чрезвычайно интересно искать внутренние значения в сведенборговском «Словаре соответствий», где нам говорится, что ослица Валаама represented его природную привязанность к добру, и она спасла его от гибели, когда ужасные последствия его неповиновения Божественному

указанию готовы были обрушиться на него. Многим умам такой способ толкования должен показаться крайне произвольным и натянутым, но это не обязательно так, если принять во внимание герметический способ преподавания, на котором неизменно настаивали едва ли не все мистики, как древних, так и новых времён, считая его единственным по-настоящему важным свойством всякой назидательной и духовно просвещающей литературы. Вдумчивые умы не могут всерьёз допустить, что запись лишь внешних событий человеческой истории особо ниспослана с небес, но можно представить, что внешние повествования использовались наглядно и иносказательно, чтобы заключить в них учения величайшей ценности для всех последующих поколений.

Поскольку не может быть более полного изложения основ учения Сведенборга, чем его рассуждение о внутреннем смысле семи «дней» Книги Бытие, мы прилагаем его толкования, переведённые с латинского оригинала (языка, на котором он всегда писал) и содержащиеся в крайне интересном труде Бенджамина Вустера «Жизнь и миссия Эмануэля Сведенборга». Шесть дней, или времён, представляющих собой столько же

последовательных состояний возрождения человека, в общем таковы: Первое состояние — то, что предшествует, как с младенчества, так и непосредственно перед возрождением, и оно называется пустотой, пустынностью и тьмою. А первое движение, которое есть милосердие Господа, — это Дух Божий, носящийся над поверхностью вод.

Второе состояние наступает, когда проводится различие между тем, что принадлежит Господу, и тем, что принадлежит самому человеку; то, что принадлежит Господу, называется в Слове «остатками», и здесь это особенно знания веры, которые человек приобрёл с младенчества, которые хранятся в запасе и не проявляются, пока он не войдёт в это состояние. В наши дни это состояние редко наступает без искушения, несчастья или скорби, которые заставляют всё телесное и мирское, или собственное, затихнуть и как бы умереть. Тогда внешнее в человеке отделяется от внутреннего; во внутреннем находятся остатки, сохранённые Господом для этого времени и этой цели.

Третье состояние — это покаяние, в котором человек из внутреннего человека говорит благочестиво и набожно и производит добрые вещи, как дела милосердия, которые, однако,

безжизненны, потому что он считает их исходящими от себя. Они называются нежной травой, затем растением, приносящим семя, а после — деревом, приносящим плод.

Четвёртое состояние — когда человек движим любовью и озарён верой; прежде он, правда, говорил благочестивое и производил доброе, но из состояния искушения и тесноты, а не из веры и милосердия. Поэтому теперь эти — любовь и вера — возжигаются во внутреннем человеке и называются двумя великими светилами.

Пятое состояние — когда он говорит из веры и тем утверждает себя в истине и добре; то, что он тогда производит, одушевлено и называется рыбами морскими и птицами небесными.

Шестое состояние — когда из веры и затем из любви он говорит истинное и делает доброе; то, что он тогда производит, называется душою живою и животным. И поскольку тогда он начинает действовать из любви, как и из веры, он становится духовным человеком, который называется образом Божиим. Его духовная жизнь услаждается и поддерживается тем, что относится к знаниям веры и к делам милосердия, что называется его пищей; а

его природная жизнь услаждается и поддерживается тем, что относится к телу и чувствам; отсюда борьба, пока не воцарится любовь и он не станет небесным человеком.

Не все возрождённые достигают этого состояния: одни, и в наши дни большая часть, — лишь первого; иные — только второго; иные — третьего, четвёртого и пятого; немногие — шестого, и едва ли кто — седьмого.

Седьмое состояние означает состояние полного возрождения».

Из этого краткого очерка наши читатели могут составить хотя бы слабое представление о том, как полно Сведенборг отметает всякие чисто внешние толкования Пятикнижия; а когда он переходит к Книге Откровения, ему не составляет труда объяснить те многочисленные сложные иероглифы, которыми изобилует таинственный Апокалипсис.

Именно к его «Раскрытому Апокалипсису» нужно обратиться, чтобы получить сколько-нибудь полное представление о его особом учении о Церкви Нового Иерусалима, которую он считает новым домостроительством истины; выгодами его мир ныне уже отчасти пользуется, хотя полная слава

нового века ещё не воссияла над нами. Это самое удивительное из всех его сочинений автор так и не завершил и не опубликовал, хотя заботливо подготовил его для печати до середины девятнадцатой главы. Общий план труда очень схож с планом «Arcana Cœlestia»: приводится полный текст каждой главы, затем следуют подробные толкования отдельных стихов, одни из которых разбираются пространно, другие кратко.

По Сведенборгу, новый век мира начался в 1757 году, и именно после этого года он взялся подробно объяснять Апокалипсис, который, как он утверждает (особенно в заключительных главах), символически описывает идеальное состояние человечества, которое ещё предстоит осуществить.

Иоанн Откровитель, как сказано, представляет тех, кто пребывает в добре жизни из веры в Господа и остаётся стойким среди запустения церкви; они первыми узнают о пришествии своего Господа, которое «в облаках» и посреди «семи золотых светильников» изображает проявление света среди мрака буквы Слова. Семь церквей — это члены христианской Церкви в семи различных состояниях. То, что было видно сквозь дверь на небе (гл. 4), — это приведение всего в порядок в подготовке к суду.

Сидящие на конях разных цветов означают тех, кто по-разному понимает значение Слова. Души под алтарём — это те, кто прожил добрую жизнь, почитая Господа, и, хотя их притесняли правители внешней церкви, были сохранены божественным попечением. Свёртывание неба, как свитка, представляет распад того вымышленного неба, которое мнимые христиане создают себе, как только их внутреннее состояние обнажается светом пришествия Господа. Мистические 144 000 — это те из истинной церкви, всякого рода, кто освящён внутренне. «Горе» следуют за исследованием состояний тех, кто полагается на веру без милосердия. Жена, облечённая в солнце (гл. 12), означает грядущую новую церковь; младенец мужского пола, которого она рождает, — это сильное учение этой церкви, против которого яростно восстаёт дракон, представляющий ложное учение об одной лишь вере. Управление народами жезлом железным, которое осуществляет младенец мужского пола, представляет силу нового учения, которое будет разъяснено как из буквы Слова, так и разумными доводами из фактов природы. Война на небе завершается ниспровержением тех вымышленных состояний, которые внешне кажутся небесами, пока не распознан их внутренний

недостаток истинной любви. Золотые чаши, полные гнева Божия, означают святое добро и истину неба, которые вливаются и делают явным зло, скрытое в церкви, чтобы оно было побеждено. Вавилон, описанный как «блудница», открывает состояние тех, кто злоупотребляет своим положением в церкви ради самовозвеличивания. «Зверь» — это буква Слова в руках тех, кто извращает её в низких целях. Грядущая церковь, утверждённая в подлинной истине, описана как невеста Агнца, облечённая в виссон; учение этой церкви описано как Святой Город, нисходящий от Бога с неба, в который не войдёт ничто ложное и оскверняющее. Всё сказанное — лишь немногие из бесчисленных объяснений ярких метафор, которыми изобилует эта удивительная книга, но и немногих достаточно, чтобы ясно представить общее направление толкований Сведенборга. Помимо всех этих замечательных толкований, Сведенборг оставил нам огромное число личных переживаний сверхфизического характера — не только в своём «Дневнике», но и рассыпанных почти по всем его сочинениям. Для любого непредубеждённого читателя многие из этих повествований могут служить двойной цели: знакомить нас не только с духовным опытом Сведенборга, но и с его

собственной умственной предвзятостью, особенно сильной в некоторых определённых направлениях. Получив лютеранское воспитание, он, по-видимому, унаследовал определённую привязанность к некоторым формам протестантского христианства и весьма решительную неприязнь к римскому католицизму; и это, как указал Эмерсон, наряду со многими подобными случаями подкрепляет весьма распространённое мнение, что, каким бы истинным провидцем он ни был, его откровения были более или менее окрашены умственной средой, через которую они протекали, а потому их не следует считать непогрешимыми в большей мере, чем откровения других провидцев. Но эта разумная позиция столь неприятна крайним сведенборгианцам, что они, по-видимому, обижаются, когда этого великого человека, которого они столь высоко превозносят, ставят примерно на один уровень с другими великими философами, также удостоенными духовных откровений. Слова апостола Павла: «Сокровище сие мы носим в глиняных сосудах» — применимы ко всякому человеческому опыту, и именно здесь простой теизм доказывает своё непобедимое превосходство над всеми сектантскими системами, приверженцы которых неизменно приписывают слишком многое

какому-нибудь одному вождю, которого они непомерно возвышают, и нередко слишком малое — другим благородным учителям, чьи взгляды им не близки. Нелепое утверждение, будто Бог совершает совершенное откровение через несовершенное посредство, — это причудливый пузырь, который лопается, едва его проколешь: ведь под вопросом не божественная, а лишь человеческая способность; и если в этом мире мы проходим постепенное обучение и божественная воля состоит в том, чтобы мы раскрывались через череду последовательных опытов, то можно с уверенностью заключить, что нет готового откровения, данного нам раз и навсегда. Несомненно, для нас гораздо лучше находиться именно в таком положении, как сейчас, без подобного откровения, но со всеми побуждениями и непрестанно растущими возможностями самим приходить ко всё большему знанию истины, верно и постоянно упражняя те самые способности, которыми мы явно наделены, чтобы упражнением их находить истину. Хотя эта позиция здравого смысла, как её вполне можно назвать, вполне согласуется со всем нашим действительным опытом человеческого воспитания и, более того, по всем своим тенденциям и следствиям строго

научна, она никогда не удовлетворит тех, кто требует полного раскрытия тайн вселенной, ибо они занимают по отношению к откровению такую позицию, при которой невозможно постепенное развёртывание свитка истины для человеческого разумения, поскольку, будь их позиция верна, вся истина уже была бы в нашем владении. Нечего и доказывать, что ни один по-настоящему просветлённый учитель нигде и никогда не занимал столь безумной позиции; к тому же ни один богослов, объявляющий себя ортодоксальным или католическим, не станет отстаивать её в споре с образованным противником.

Крайне досадно, что так мало почитателей какого-либо великого учителя готовы поставить его среди просветителей мира просто как одного из них, вместо того чтобы возвышать избранного героя до ранга, совершенно недосягаемого для всех остальных. Такое отношение приверженцев к Сведенборгу заставило многих вовсе отвернуться от его откровений, потому что те не могли принять их как непогрешимые, хотя в них, несомненно, содержится немало возвышающей философии, и их вполне можно изучать как полезные пособия всем, кто стремится познакомиться с историей

современного провидчества. Хотя мы сами полностью отвергаем вечное пребывание в адах, которое большинство сведенборгианцев считает необходимым следствием из раскрытий их вождя о духовном мире, мы можем всецело согласиться с учением Сведенборга о господствующей склонности, определяющей наше состояние в загробной жизни. Ясновидение может быть совершенным, вплоть до ясного раскрытия посмертных состояний такими, какие они есть сейчас, и при этом не пролить никакого света на то, насколько радикально эти состояния могут измениться, пока пройдёт ещё один век. У нас нет ни малейшего основания полагать, что какая-либо душа изберёт зло навеки, хотя мы можем понять мысль, что если бы кто-то действительно пожелал провести вечность в аду, ему было бы даровано право удовлетворять свою господствующую склонность. Но сколь жалко нелеп этот гнусный домысел в свете основного учения Сведенборга о происхождении человека: ведь он приписывает всякую жизнь единому Божественному Существу, чья жизнь одушевляет всё творение. Сведенборг объясняет зло, называя его извращением добра, но почему извращение должно длиться вечно, разумно объяснить невозможно. Нет никакого дьявольского

источника жизни, из которого излилась бы некая часть творения, и если все души одинаково божественно сотворены, почему одни должны избрать вечность в противоборстве со своим Творцом, которого Сведенборг прекрасно описывает как совершенную Любовь и Мудрость? В отвратительной и совершенно неразумной идее даже сильно смягчённого нескончаемого ада мы видим следы пагубного лютеранского учения, которое Сведенборг так и не оставил до конца, хотя удивительно улучшил его и во всех отношениях сильно изменил. Сквозь всю сведенборгианскую теологию проходит предположение, по меньшей мере, что некоторые человеческие души за краткий срок одного воплощения на земле так утвердились в любви ко злу — а это, разумеется, подразумевает ненависть к добру, — что по собственной воле навсегда останутся в состоянии отчуждения от всякой истины и благости. В этом выводе мы не видим ничего, кроме недальновидной неспособности различить подлинную внутреннюю суть человеческой природы. Где в реальной жизни можно найти тех вымышленных людей, в которых нет любви к добру, мы так и не смогли обнаружить, хотя достаточно самого обычного наблюдения, чтобы заметить сильно различающиеся степени

явной доброты не только у разных людей, но и у одних и тех же людей в разное время и при меняющихся обстоятельствах. Сведенборгианцы часто напоминают нам, что Господь никого не принуждает, но оставляет каждого свободным избрать свою судьбу; однако полное принятие этого положения ничуть не поддерживает позицию, с которой мы боремся: с ним могут целиком согласиться все, кто разумно смотрит на человеческую природу, и использовать его, чтобы показать несомненность того, что именно эта свобода выбора, на которой Сведенборг так настойчиво настаивает, окажется тем орудием, посредством которого в конечном счёте совершится преображение всех адов в небеса. Будь этот вопрос лишь богословской придиркой, не имеющей непосредственного отношения к нашему поведению по отношению к ближним здесь и сейчас, мы вполне могли бы отнести его к разряду тех тайн, которые могут проясниться в будущей жизни, но не в нынешней; но нет ничего более обманчивого, чем полагать, будто антропологическое учение может не влиять в настоящем на взаимное практическое поведение тех, кто его держится. Весь вопрос о тюремной реформе жизненно зависит от взглядов на

человеческую природу, которых мы в данный момент придерживаемся, и не будет чрезмерным осудить как возмутительно безнравственное учение о врождённой и вечной, а потому, по-видимому, неисправимой порочности. С падением в почти всех христианских общинах ужасающих старых взглядов на ад, которые Сведенборг так сильно помог смягчить, по земле ныне катится волна человечности, обещающая вскоре полностью преобразить все наши исправительные учреждения; и так сильно уже ощущается благотворное влияние «нового богословия», что едва ли можно взять в руки журнал или даже газету, не найдя в них сообщения о добром деле, совершённом благодаря благотворному влиянию распространения и применения гуманных взглядов на человеческую природу. Южные штаты Америки давно находились в тисках крайних религиозных и иных форм консерватизма, и обычно считалось, что Север гораздо более открыт для принятия необходимых реформ в мысли и практике, чем Юг; но теперь, к счастью, верно и то, что Юг вступает в новую эпоху процветания и пробуждается, чтобы воспринять тот же благородный филантропический дух, который ныне быстро набирает силу на Севере и на Западе. Совсем недавно, 29 марта 1910 года,

одна типичная южная газета, «Virginian Pilot» (Норфолк, Виргиния), поместила следующий прекрасный отчёт о выступлении, с которым в этом городе выступил судья Бенджамин Линдси из Денвера, штат Колорадо. Наша особая цель при помещении этого отчёта в настоящий том — показать, как именно человеческая природа в этом мире на деле откликается на правильное обращение; и именно с этой же человеческой природой нам предстоит иметь дело, когда мы размышляем о будущем состоянии нашего человечества. Читая эту благородную запись о милосердной, полезной работе поистине смелого и сильного, а равно глубоко доброго человека, будем постоянно помнить, что судья Линдси имеет дело с тем элементом общества, который во многих случаях называют «неисправимым» люди, не способные увидеть скрытой любви к добродетели под грудой обломков, за которой она нередко глубоко спрятана. Когда богословы в целом поверят, что закон, управляющий вселенной, по меньшей мере так же добр и мудр, как его проявления в лице многих живущих филантропов, хотя им ещё многому предстоит научиться, они перестанут гадать о судьбе «окончательно нераскаявшихся».

«БОЕЦ МАЛЬЧИКОВ» ВСТРЕЧЕН С ВОСТОРГОМ.

Судья Бен Б. Линдси из суда по делам несовершеннолетних в Денвере, штат Колорадо, один из самых известных деятелей в области работы ювенальных судов в Соединённых Штатах и автор нашумевшего политического рассказа «Зверь в джунглях», который последние полгода печатался в журнале «Everybody's Magazine», вчера вечером прочёл большой аудитории в Академии музыки лекцию о «Работе ювенального суда». Лекция была устроена под эгидой Кооперативных клубов Норфолка и Портсмута и непосредственно под эгидой Норфолкского отделения Совета еврейских женщин.

После лекции, принятой с большой теплотой, судью Линдси осадили представители полудюжины городских клубов и организаций, и он пообещал выступить перед четырьмя из них.

Неудивительно, что денверские «ребята» доверились судье Линдси и рассказали ему о своих бедах, когда ни один другой судья не мог добиться от них ни слова ни в качестве показаний, ни по доверию. Судья Линдси — человек, чья личность

притягивает юных и внушает доверие. У него честное, располагающее лицо, в котором нет ни одной суровой черты, а в глазах всегда прячется смех, даже когда остальное лицо кажется серьёзным.

Вчера вечером он увлёк слушателей за собой в множество маленьких путешествий в сердца и жизни мальчишек. Он говорил о вещах, случавшихся почти с каждым из тех, кто его слушал, но большинство давно их забыло и обрадовалось, когда память освежили. Он показал, что интерес — это всё в жизни ребёнка и что ребёнок меняет весь порядок вещей. Больше всего, сказал он, нужно немного любви в законе и меньше той бездумной жестокости, которая ставит озорного мальчишку в один ряд со взрослым преступником. Меньше тюрем и больше школ; больше образования, терпимости, терпения и сочувствия и меньше запугивания — таков рецепт судьи Линдси для спасения будущего мальчиков. Он убеждён, что в каждом мальчике есть что-то хорошее и что хорошее в нём преобладает над дурным.

«Мы имеем дело с человеческими сердцами, душами и качествами, — сказал судья Линдси. — С подростком надо обращаться как с ребёнком, а не

как с преступником. Дайте мальчикам то, в чём они нуждаются, — сочувствие, помощь, поддержку и сотрудничество, — и посмотрите, что вы получите взамен.

Отцы и матери в семье, если они мудры, добьются правды от ребёнка, уличённого в проступке, ведь если ребёнку сходит с рук ложь, во многих случаях он потерян. Берите их, пока они молоды, и формируйте их характер, пока он податлив, — и вы сделаете людей лучше, а гражданство достойнее».”

Судья Линдси разделил изучение работы ювенального суда на три области, каждая из которых, по его словам, тесно связана с другими. Он назвал физиологию, социологию и психологию природы мальчика: к каждой нужно подходить с совершенно иной точки зрения, но все они очень тесно связаны между собой. По полному невежеству в этих вопросах, а может быть, из-за полного пренебрежения ими, заявил судья Линдси, ежегодно 100 000 детей попадают в суды страны, а это за поколение составляет более 2 000 000 «ребят», как он их называл, оказавшихся перед тяжёлыми задачами, которых они не понимают. Эти условия объясняются беспечными родителями,

политической коррупцией и перемалыванием жизней жерновами богачей, которые, по его словам, губят сотни жизней, способных стать ценным достоянием нации.

Стоит только членам Церкви Нового Иерусалима последовать за своим одарённым вождём дальше, чем могут их увести слова его сочинений, ныне давно застывшие в неизменной форме, и они увидят, что величайшая честь, какую мы можем воздать духовному первопроходцу, состоит не в рабском следовании букве оставленного им наследия, а в неуклонном движении вперёд по линии, подсказанной очевидным направлением его философии. Если и существует какое-либо духовное откровение, оно должно быть прогрессивным, и вместо того чтобы глупо утверждать, как многие недальновидные люди, будто откровение надо принимать целиком или же полностью отвергать, мы утверждаем, что все откровения, какого бы рода они ни были, надлежит бесстрашно и беспристрастно исследовать в соответствии с мудрым наставлением: «Все испытывайте, хорошего держитесь». Научный дух должен господствовать в религиозных кругах так же, как и во всех остальных. Нет ничего слишком

священного для исследования; никакое откровение не может быть окончательным и никакое не может быть полным, потому что наша способность принимать и постигать непрерывно возрастает.

Во время Дарвиновских торжеств в Кембридже, в Англии, состоявшихся в июне 1909 года, многие учёные мужи, выражавшие искреннейшее восхищение и уважение герою события, не колеблясь указывали на его ограниченность, превознося благородство его характера и высоко оценивая огромную ценность его труда. Если бы почитатели Сведенборга заняли подобную позицию по отношению к нему, несомненно, было бы достигнуто много хорошего, и мы вскоре смогли бы отвести одарённому провидцу и мудрецу Скандинавии место, по праву принадлежащее ему в его тройном качестве учёного, философа и богослова. Все, кто хочет справедливо оценить Сведенборга и извлечь как можно больше пользы из его огромного литературного наследия, не должны ограничиваться его богословскими трудами, но обязаны изучить и более ранние научные и философские сочинения, ибо в них можно проследить постепенный рост его восприятий и с большим интересом и пользой наблюдать, как он

применяет универсальный закон соответствий ко всей области природы, которую он с величайшим усердием исследовал. Весь труд Сведенборга будет гораздо лучше понят, а его миссия гораздо яснее осознана, когда беспристрастные и непредвзятые исследователи предпримут обзор его в целом. Но таких обычно трудно найти, потому что предубеждение — за или против — в значительной степени существует даже в умах людей столь широких, как Ральф Уолдо Эмерсон, чей очерк о Сведенборге отчасти испорчен его явной неприязнью к любой попытке начертить карту хотя бы малой части незримой вселенной. Особая предвзятость Эмерсона заставила его восхвалять Платона почти до чрезмерности, тогда как его обзор Сведенборга пострадал по той же причине. Многие критические замечания Эмерсона о «небесах» Сведенборга весьма справедливы, но в пользу их естественности можно сказать больше, чем способен обнаружить человек с темпераментом Эмерсона. Совершенно верно, что, описывая семейную жизнь в духовном мире, Сведенборг изображает женатых ангелов чем-то похожими на «деревенских пасторов и их жён», хотя и в несколько возвеличенном виде; но вполне можно допустить, что Сведенборг действительно был введён именно в

такое состояние в духовной вселенной, а его ясновидение позволяло ему видеть в точности то, что он описывал и с чем был в полном согласии; и именно потому, что его идеалы и стремления относительно загробной жизни не вполне совпадали с идеалами Эмерсона, избранное им небо не было бы тем же, что избрал бы человек, чьи вкусы и чувства во многом отличались от его собственных. Следуя господствующей сведенборгианской теории воли и выбора как определяющих факторов нашего положения на небесах, мы можем устранить многие трудности, которые поначалу кажутся непреодолимыми, и именно с самим Сведенборгом в качестве проводника его собственная философия будет ещё гораздо полнее разъяснена. Здесь мы можем остановить наш довод, по крайней мере на ближайшее время. Все мы создаём собственные духовные условия здесь и в будущей жизни, и один и тот же закон действует равномерно во всех мирах и во все века. В соответствии со строжайшими выводами этого разумного и стройного положения мы можем последовательно приступить к построению здравой, трезвой и непрерывно расширяющейся философии.

ГЛАВА XII.

КНИГА ИСХОД — ЕЁ ПРАКТИЧЕСКОЕ И ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ.

Бегло просматривая некоторые части Книги Бытие, мы особенно задержались на тех удивительных образцовых людях — Аврааме, Исааке, Иакове (преображённом в Израиля) и затем Иосифе, характере такой редкой красоты и всеобъемлющего совершенства, что слов не хватает, чтобы вполне воздать должное великолепному идеалу, поставленному таким образом перед нами. Обратившись теперь к Книге Исход, мы видим одну величественную одинокую фигуру, возвышающуюся в сияющем нравственном величии далеко над всеми остальными, — Моисея, непревзойдённого пророка, который и поныне остаётся величайшим из известных нам исполнителей закона. В Бытии мы знакомимся с Египтом времён его древнего блеска, когда фараоны (местные правители) были справедливыми и достойными людьми и оказали Иосифу, представителю израильтян, не только радушный приём, но и дали ему высокое положение, на которое его необыкновенные способности давали ему полное право. То были

счастливые дни, когда египтяне и израильтяне жили бок о бок в согласии, мудро сотрудничая ради общего блага. Похоже, что в те далёкие времена Египет почти совершенно разрешил некоторые из тех запутанных промышленных проблем, которые сегодня так мучают мир. Евреи изначально были пастушеским и земледельческим народом, тогда как египтяне предавались искусствам и ремёслам; они были также мореходами и химиками высокой квалификации. Расовые различия существовали всегда, и совершенно правильно, что мы признаём их и сейчас, но различие, правильно понимаемое, никогда не означает раздора; напротив, оно составляет единственную основу тонкой гармонии. В песне мог бы быть унисон, но не гармония, если бы все голоса были одной высоты и все певцы брали одну и ту же ноту; так же и с великим человеческим хором, составленным из различных рас человечества: они по праву различны, но им никогда не следует звучать нестройно.

Книга Исход вводит нас в совсем иное положение дел, сообщая, что «восстал новый царь, который не знал Иосифа», — краткая, ёмкая фраза, заключающая в зародыше всю историю роковой деградации Египта, закончившейся тем жалким

упадком, который привёл к полному крушению фараоновой династии. Оно трагически описано в яркой картине гибели египетского войска в Чермном море, в то время как те, кого вырождающиеся правители Египта жестоко порабощали и притесняли, бежали из неволи и делали свои первые энергичные шаги на пути к полному освобождению. Именно посреди униженного Египта величественная фигура Моисея поднимается на место выдающегося вождя. Мы прекрасно знаем, что характер Моисея далёк от совершенства, но совершенных характеров среди нас не найти; все мы, даже величайшие, имеем вполне определённые нравственные и умственные пределы, и если бы мы отказывали в почёте великому вождю на том основании, что он обнаруживал некоторые недостатки и слабости, нам пришлось бы полностью отказаться от всякого того полезного — потому что умеренного и благоразумного — преклонения перед героями, которое, будучи удержано в разумных границах, несомненно, служит сильно возвышающим фактором человеческого развития. Прекрасное библейское повествование о Моисее полно живописных подробностей, начиная с ковчежца из тростника, в котором его младенцем находит

египетская царевна; она берёт маленького еврейского мальчика под своё доброе попечение и обеспечивает ему все преимущества, какие только могла дать высочайшая культура того времени. Еврейское имя Моше буквально означает «извлечённый из воды» и не относится исключительно к одному лишь случаю буквального спасения от физической гибели в воде в то время, когда проклятие антисемитизма охватило Египет настолько, что были приняты крутые меры, чтобы истребить в младенчестве множество еврейских мальчиков. Духовное значение имени Моше указывает на того, чьё сознание поднялось выше уровня простого интеллекта; ибо вода эзотерически означает интеллект. Жизнь Моисея, продолжавшаяся 120 лет, делится на три периода по сорок лет каждый. Первый период посвящён образованию; второй — гражданской службе; третий — провидчеству. В Книге Исход нам сообщается, что Моисею было целых восемьдесят лет, когда он свернул в сторону у Хорива, чтобы взглянуть на великое зрелище: куст, горящий огнём, но не сгорающий. Хотя Джон Гринлиф Уиттьер, Теодор Паркер и другие превосходные современные писатели сделали очень красивые поэтические упоминания об этом кусте, словно о растении, и их

ссылки вполне оправданны, мы знаем, что первоначальный смысл куста — сама человеческая природа. Моисей был поистине князем среди антропологов, и именно благодаря своему близкому и глубокому знакомству с человеческой природой в её существе о нём справедливо сказано, что он видел Божественное подобие. В тринадцати статьях иудейской веры, составленных в двенадцатом веке нашей эры Моисеем Маймонидом, мы находим такое изречение: «Не было ещё в Израиле пророка, подобного Моисею, того, кто видел подобие Его». Если рассматривать эти слова в связи с возвышенными предложениями, которые им предшествуют и за ними следуют, мы вполне вправе связать это утверждение с заявлением первой главы Бытия о том, что человечество сотворено по Божественному подобию; поэтому те поистине великие пророки, которые с особенной полнотой и ясностью открыли человечеству Божественный Закон, — это просто те, кто достиг более высокой степени духовного развития, чем большинство. Благоговение перед великими людьми можно довести до крайности, но, конечно, нет справедливой причины отрицать самоочевидный факт, что время от времени среди нас действительно появляется какой-нибудь

особенно просветлённый учитель — не как предмет поклонения, что было бы неправильно, а как верный и надёжный проводник к более полному постижению единого живого и истинного Бога, о Котором все пророки Израиля самым решительным образом заявляли, что Он — единственный надлежащий предмет человеческого поклонения. Пусть «высшая критика» спорит об исторических событиях сколько ей угодно: возвышенность нравственного закона, содержащегося в Книге Исход, ни в малейшей степени не может пострадать оттого, что кто-то якобы не знает времени и места его первоначального провозглашения. Внутренняя ценность Десяти заповедей ни в каком смысле не зависит от окружающих обстоятельств ни в древние, ни в новые дни, и, конечно, именно мосеевскому типу людей мир обязан столь ясными и чудесными откровениями о путях мысли и действия, необходимыми не только для сохранения человеческого общества, но и для его постоянного подъёма на всё более высокие уровни достижений. Даже если бы остальные девять заповедей рассматривались лишь как относящиеся к внешнему поведению, Десятая всегда оставалась бы настолько тесно связанной с нашей самой внутренней жизнью мысли и чувства, что её чистая

духовность навсегда делала бы её маяком для руководства человека — пока не наступит благословенное время, когда никакие заповеди уже не будут нужны, потому что совершенная любовь к добру и истине разовьётся в нас так полно, что мы более не будем нуждаться ни в каких внешних запретах и увещеваниях. Моисея вполне можно считать поистине великим Адептом и посвящённым в те универсальные Мистерии, которые теософы и многие другие ныне стараются приоткрыть и практически применить к существующим человеческим нуждам. Народ в рабстве, подобный Израилю в Египте, вполне можно рассматривать как представителя ступени человеческой эволюции, предшествующей пробуждению духовного сознания. Библия, по-видимому, говорит нам, что людям очень удобно в неволе, пока в них не пробудится новая любовь к свободе; тогда они становятся беспокойными и непокорными, и в стремлении сбросить свои узы всегда встречают испытания изнутри и преследования извне. Такова всегда была история как отдельных людей, так и народов; поэтому повествование Исхода относится не только к освобождению от физического рабства, но, в гораздо более высоком смысле, к духовному освобождению.

Всякий раз, когда в движении народа наступает великий кризис, поднимается какой-нибудь великий освободитель, чудесно оснащённый для того, чтобы вести множество, которое не могло вести само себя; точно так же всякий раз, когда отдельный человек достигает подобного кризиса во внутреннем развитии, какая-то прежде неведомая интуиция вызывает одновременно недовольство привычными способами жизни и более или менее отчётливое видение некоего достижимого высшего состояния. Мы замечаем, что Моисей — младший брат, а Аарон — старший, но Божественный голос обращается к Моисею, и через Моисея — к Аарону, затем через Аарона — к народу. Это утверждение в точности согласуется с превосходством младшего Иакова над старшим Исавом и придаёт смысл известному современному изречению: «Рождённый позже рождён выше». Здесь мы легко можем проследить полное основание универсальной истины об инволюции и эволюции, ибо в какую бы сторону мы ни обратились за примером и иллюстрацией, мы неизменно находим утверждение, в самых различных по направлению трактатах, что низшие формы существования появляются раньше всего, а высший класс приходит последним. Мы очень странно говорим о «старых

временах», когда имеем в виду более ранние дни; но так же как мы становимся старше из года в год, так должно стареть и время; поэтому нынешний год — самый старый год, какой знала земля; и поскольку о людях справедливо полагают, что они накапливали опыт на протяжении всех прошедших лет и потому гораздо зрелее в суждениях в семьдесят лет, чем в семнадцать, так и по мере продвижения земли вперёд мы вправе ожидать, что знание будет постоянно возрастать; а значит, новейшее поколение и самые молодые люди могут быть поистине самыми старыми. Моисей представляет интуитивного человека, который всё видит через духовное восприятие; поэтому он чистый пророк, тогда как его старший брат Аарон обладает лишь тем интеллектуальным пониманием, которое позволяет ему заниматься внешними делами, всегда относящимися к священническому служению. Следуя по Книге Исход от ступени к ступени, мы видим, как естественно автор сообщает нам, что наступает время, когда Аарона, пока Моисей отсутствует, можно принудить уступить идолопоклонническим желаниям народа, но Моисей остаётся неумолимым в своём отказе уступить любому народному требованию, которого не может одобрить его

убеждение. Таково всегда было великое историческое различие между пророком и священником, и оно, безусловно, явственно существует и в наши дни. Именно великолепное мужество, бесстрашная нравственная храбрость Моисея выделяет его как образец очень многого из того, что в нашей общей человеческой природе вечно остаётся самым благородным, и не будет преувеличением утверждать, что каждый истинный вождь множества должен обладать и проявлять в необычайно большой степени те пророческие качества, которые заставляют их обладателя бросать вызов всякой возможной опасности и трудности ради достижения истины и освобождения, насколько возможно, порабощённого человечества. Тот очень благородный и глубоко добросовестный экономист Генри Джордж, чьи сочинения заслуживают самого глубокого изучения, прочёл немало поистине вдохновляющих лекций о Моисее, взяв этого героического древнего пророка как образец того, каким должен быть доблестный вождь в любую эпоху и в любом месте. Не должно быть никакого оттягивания, никакого потворства несправедливости, никаких попыток снискать расположение неправедных монополий ради своекорыстных целей или из робости, но лишь

твёрдая, бескомпромиссная приверженность своим глубочайшим убеждениям о правде, чего бы это ни стоило самому себе и признают ли те самые люди, в чьих интересах человек особо трудится, добрые намерения того, кто стремится освободить их, или нет. Без этих качеств и достоинств не может быть такого пророка, как Моисей, в новое время, так же как его не могло бы быть и в древнем мире.

Настоящий пророк — гораздо больше, чем тот, кто просто предсказывает грядущие события: хотя в служении пророка и может быть некоторый элемент предвидения, прежде всего он — поборник свободы и призыватель к праведности.

Любопытное повествование о казнях египетских даёт пищу для размышлений в нескольких особых направлениях, и одно из них — природа магии и роль, которую она играла в древнем Египте и в Израиле. Нигде мы не найдём более ясной разделительной черты между белой магией и чёрной, чем в состязании в силе между Моисеем и Аароном с одной стороны и придворными магами фараона — с другой. До известного предела всё, что могли делать и делали Моисей и Аарон, колдуны легко воспроизводили, а потому ни одна из сторон не могла одержать победу, пока не было проведено

решающее испытание — в то время, когда и люди, и животные одинаково страдали от мучительных и смертельных болезней. Власть исцелять магическими средствами приписывалась истинным пророкам и их ученикам во всех странах и во все времена, и вполне разумно утверждалось, что никакой целительной силы не может заключаться в искусстве чёрного мага, потому что он никогда не действует с желанием принести пользу человечеству, но, напротив, стремится чрезмерно возвысить себя и поработить других. Мы вполне готовы поверить утверждению Исхода, что в то время как Моисей и Аарон могли исцелять и исцеляли, творя благие дела, когда чародеи пытались делать то же самое, им удавалось лишь расширить область бедствия, которое они тщетно пытались уменьшить. Разум, безусловно, понуждает нас заключить, что для совершения любого поистине благого дела в мире, какими бы средствами оно ни совершалось, мы должны носить в сердце любовь к человечеству; поэтому всегда справедливо утверждалось, что власть исцелять пребывает только у святых пророков, но никогда у тех, кто, будучи подлинными чудотворцами и производя удивительные явления посредством

магических обрядов, никоим образом не движим искренним желанием оказывать благодеяния ближним.

Казни египетские были поразительными по своему характеру, но сами по себе они не были назидательными и не могли пролить никакого света на божественное поручение Моисея. Они, несомненно, в значительной мере были вызваны действием той странной гипнотической силы, о которой мы так много слышим в наши дни и которая всегда сильно озадачивает тех, кто пытается разумно объяснить чудеса, нередко совершаемые в Индии на глазах у европейских путешественников индусскими магами. Превращение посоха в змею, а змеи обратно в посох может быть совершенно иллюзорным явлением: зрители лишь временно подпадают под воздействие умственной силы мага; возможно также, как определённо утверждают многие теософы, что эти чудотворцы посредством строгого самовоспитания приобрели власть над духами природы, которых можно заставить исполнять свою волю. Превращение вод Нила в подобие крови, а также таинственное порождение множества саранчи и других вредителей было бы вполне в пределах возможностей любого рода мага

согласно всеобщему свидетельству о магии, но во всём этом не было бы ничего, что указывало бы на божественное действие. Когда же мы доходим до поражения скота, многие еврейские комментаторы высказывали предположение, что поскольку определённые животные считались в Египте священными и чрезмерно почитались, власть, которую Моисей и Аарон применили, чтобы подвергнуть этих тварей бедствию, предназначалась как убедительное порицание господствовавшего идолопоклонства: она показывала, что бык и другие обожествляемые животные не способны защитить себя от нападений, которые могут совершать на них люди, и тем самым доказывала, что они не были ни божествами, ни находящимися под особой защитой божеств. Что бы мы ни думали об этом толковании — а в его пользу можно сказать немало, — ясный нравственный вопрос встаёт лишь тогда, когда мы доходим до места, где великие пророки Израиля облегчают страдания и людей, и животных, тогда как их противники способны лишь усилить бедствие. Это очень старый и в то же время очень новый урок, столь же необходимый в нынешний момент, как и в любое древнее время, ибо сегодня мы являемся свидетелями почти всепоглощающего

возрождения интереса ко всему открыто магическому, и особенно ко всему египетскому, до такой степени, что совсем недавно распространялись самые жуткие и фантастические рассказы о страшных несчастьях, постигших дерзких людей, которые обошлись грубо с раскрашенным саркофагом мумии, изображающим египетскую царевну, в Британском музее.

Мы никогда не вправе категорически отрицать то, чего не можем окончательно опровергнуть, — ни по этическим, ни по интеллектуальным соображениям; но мы вправе воздерживаться от слепого одобрения почти невероятных рассказов, и особенно мы оправданны, не одобряя тревожные верования о силах колдовства, которые, где бы ими ни дорожили, не могут иметь иного действия, кроме ослабления нервной системы и затмения ума смутными предчувствиями беды. Казни египетские должны были оказать весьма благотворное действие в двух направлениях: во-первых, они послужили тому, чтобы показать, где именно можно и должно провести черту между благотворным и зловредным чудотворством; во-вторых, они

способствовали низвержению тирании и постепенному освобождению порабощённого множества.

Если от внешнего взгляда на эти странные повествования перейти к внутреннему, то мистическое толкование их приведёт нас к тому, чтобы увидеть в египтянах Книги Исход всех тех, кто и в наши дни, сам обитая во тьме невежества и порабощающих суеверий, стремится сделать всё возможное, чтобы удерживать других в плену.

В основной массе евреев мы можем представить тех, кто, хотя ещё далеко не вполне просвещён, всё же пробуждается к осознанию своего плена и, исполняясь того, что мы теперь часто называем божественным недовольством, борется, чтобы разорвать свои оковы. В Моисее и Аароне (особенно в Моисее) мы видим образ тех немногих, кто так всецело посвятил себя высоким идеалам и так непоколебимо стремится, чего бы это ни стоило им самим, продолжать славное дело освобождения порабощённых, что они делают и дерзают всё, что в их силах, ради осуществления благородной цели, к которой, как они чувствуют, их призвал божественный голос внутри них. Две великие и серьёзные проблемы — нравственного и

промышленного рабства — требуют решения в современной Европе и Америке так же, как требовали его в древнем Египте, и мы вправе надеяться, что найдутся и современный, и древний Хорив и Моисей. Трагическое низвержение фараона и его войска в Красном море в ярких образах представляет неизбежную гибель, которая в конце концов должна постигнуть все правительства и монополии, борющиеся за своё существование ценой всяческого человеколюбия. Нам не подобает злорадствовать над страданиями отдельных людей, которые физически гибнут в дни великой революции, ведущей к восхождению человечества, но мы вправе торжествовать при мысли, что жестокость и несправедливость неизменно оказываются в проигрыше, ибо, как прекрасно выразил это Роберт Браунинг: «Бог на небесах Своих; в мире всё хорошо». Эта великолепная истина, столь возвышенно высказанная и столь постоянно повторяемая величайшими пророками и поэтами мира, должна служить нам якорем спасения в любое время испытаний, как бы тяжелы они ни были, укрепляя нас тем истинным оптимизмом, который один только может поддержать нас в дни скорби, позволяя нам с непоколебимой верой держаться учения о

мироздании, которое ставит Божество в его центр и уничтожает всякую веру в конечное торжество беззакония в какой бы то ни было его части. В Книге Исход есть два текста, одинаково возвышенных, но приспособленных к диаметрально противоположным человеческим состояниям, и нам хорошо бы принять их к сердцу так, чтобы черпать вдохновение из обоих — и в часы необходимого покоя, и в периоды, требующие немедленного и энергичного действия. Первый из них: «Стойте и смотрите спасение Божие»; второй: «Скажи сынам Израилевым, чтобы они шли вперёд». Чтобы понять смысл этих двух могучих изречений, мы должны хорошо учесть обстоятельства, при которых они были произнесены. Первое прозвучало тогда, когда, если бы народ шагнул вперёд, он тотчас утонул бы, а если бы пошёл назад, то налетел бы на мечи преследующих врагов. Второе относилось к решительному действию в тот миг, который мы часто называем «психологическим моментом». Один из уроков, который нам следует усвоить, состоит в том, что порой нам нечего делать, и тогда нужно собрать всю свою энергию, чтобы ничего не делать. Нет пути труднее и нет поступка героичнее, чем сохранять полное спокойствие во время паники, когда все вокруг нас охвачены

лихорадочным волнением; и, с другой стороны, ничто так полно не свидетельствует о развитой интуиции, как совершить необходимый шаг в точности в нужный момент и именно тем способом, который окажется наиболее прочно действенным.

Когда народ вышел из Египта, он унёс с собой всё, что стоило унести, из религиозных идей и обрядов, а также из общественных обычаев египтян. Это символически выражено в утверждении, что они заняли золотые и серебряные украшения и «обобрали» египтян. В этой единственной фразе мы имеем ясный ключ к влиянию египетской культуры на еврейскую, а также очевидный намёк на то, что, когда древняя египетская цивилизация пришла к концу, всё действительно ценное в ней было перенесено в другие земли и в конечном счёте вошло в состав учреждений других стран. Говоря образно, снова применяя повествование Исхода к всеобщему развитию человечества, мы вправе заключить, что ничто достойное сохранения не может быть по-настоящему утрачено, хотя и может часто менять внешний облик, а порой в значительной мере оставаться погребённым (но никогда не мёртвым), чтобы вновь ожить, когда в человеческой истории начнёт заниматься заря

новой эпохи и новая раса станет развиваться, воплощая достоинства прошлого вместе с новыми достижениями, неведомыми в древние времена.

ГЛАВА XIII

ИСТОРИЯ ПАСХИ (ПЕСАХА) И ОГНЕННОГО СТОЛПА В ПУСТЫНЕ.

Было предложено немало различных толкований тех особых уроков, которые должны преподать казни египетские. Мы уже упоминали об их магическом характере и старались показать, что они ясно различают белую и чёрную магию, то есть оккультную силу, применяемую в одном случае с благим намерением, а в другом — с целью причинить вред. Есть и другая причина казней, помимо стремления показать различие между чудесами, совершаемыми ради освобождения порабощённых, и подобными чудесами, творимыми ради того, чтобы удерживать крепостных в неволе: это демонстрация божественной власти над египетскими идолами, на которые десять казней были направлены особо. Египтяне верили, что чудесной, или магической,

силой обладают их идолы, которые они всегда считали гораздо большим, чем эмблемы или символы; они полагали, что их божества некоим таинственным образом общаются с ними через посредство этих изображений, а также особенно через различных живых существ, которых они почитали священными. Некоторые авторы без колебаний утверждают, что казни были посланы почти исключительно для того, чтобы разрушить веру в различных египетских божеств, и с этим положением мы вполне можем согласиться, если убеждены, что тридцать пять столетий назад поклонение этим идолам было тесно связано с сохранением жестокого рабства и многих грубо безнравственных обычаев. В Книге Исход нет никакого намёка на то, что египетские маги были лишены силы или что их действия были всего лишь фокусами; ведь само слово «фокусник» (conjuror) первоначально означало того, кто мог заклинать, или вызывать, некие невидимые силы и принуждать их исполнять его волю.

Против любой формы поклонения природе, вообще говоря, нечего было бы возразить, если бы ею не злоупотребляли во вред людям; но стоило ей извратиться, как появилась веская причина

решительно протестовать против неё и творить чудеса с целью её сокрушить. Мы всегда должны твёрдо помнить одну мысль: всё, что делали Моисей и Аарон, имело единственную цель — освобождение угнетённого народа от рабства. Первое чудо подорвало доверие к силе змей, которых очень почитали в Египте и во многих других древних странах, ибо нам сказано, что Моисей и Аарон могли полностью повелевать ими и по желанию заставлять их появляться и исчезать. Когда человек может неопровержимо показать, что эти пресмыкающиеся целиком подвластны ему, их уже нельзя считать достойными человеческого поклонения, ибо очевидно нелепо кланяться низшим созданиям, которые подчиняются нашей воле и не могут защитить себя от любого нашего посягательства на их мнимое превосходство. Осквернить воды Нила, священной реки египтян, значило доказать, что их речные божества неспособны защитить поток от нападений величайших чудотворцев, Моисея и Аарона, говоривших от имени гораздо более могущественного Божества. Мы не можем предположить, что какой-либо народ можно было сразу привести к признанию Единого Верховного Существа, но посредством очевидных чудес его

вполне можно было склонить к признанию того, что Божество, которому поклонялись евреи, неизмеримо выше их собственных местных божеств; и для целей Исхода было явно необходимо внушить фараону и его военачальникам, что божество, которому поклонялись израильтяне, обладает большей силой, чем те многочисленные боги и богини, которым египтяне по обыкновению воздавали почести. Казнь лягушками была направлена против египетского бога, который, как полагали, считал этих нечистых тварей особенно священными, и едва лишь лягушки стали для египтян настоящим бедствием, как они перестали их почитать и тем самым были избавлены от этой частной формы идолопоклонства. Трудно совершить большую ошибку, исторически или иначе, чем предположить, будто во время Пасхи (Песаха) были освобождены одни только евреи, ибо повествование в Исходе ясно сообщает нам, что из Египта вышло разноплемённое множество. Египтяне как народ не утонули в Красном море; погибло лишь преследовавшее войско фараона, выступившее с единственным намерением вернуть в рабство тех, кто только что спасался через проход в Красном море. Таким образом, различные казни были призваны просветить египтян, а не проклясть

их, хотя сказано, что те, кто отказывался внимать спасительным предостережениям, были повержены во время всеобщего бедствия. Присутствие различных отвратительных насекомых в священных храмах и в мирских домах служило осквернению всех этих мест, а издавна принято было верить, что ни одно насекомое, считавшееся нечистым, не может проникнуть в египетское святилище. Это старое предание вполне могло возникнуть в глубочайшей древности, когда жречество было чистым и благородным и действительно обладало некой подлинной способностью освящать здания и священные сосуды, а также делать святыми собственные богослужебные облачения; но то время давно миновало, и жречество дней Исхода по большей части настолько развратилось, что никакая подлинная святость не могла быть присуща ни ему самому, ни его служению. Вопрос о силе освящения очень хорошо рассмотрен Анни Безант в книге «Меняющийся мир», особенно в разделе под названием «Таинственная жизнь», где она приводит множество сведений о «Словах Силы», которым приписывает в наши дни те самые результаты, что с незапамятных времён утверждались за ними. Согласно этой точке зрения,

столь многое зависит от того, кто освящает, что никакой предмет нельзя освятить простым совершением обряда или употреблением формулы; святое действие требует святого мужчины или святой женщины; один лишь факт номинального священства не даёт ни подлинной благодати, ни силы. Подобно тому как в Индии мантру может успешно применять только святой человек, произносящий нужные слоги в точности так, как должно, так и наблюдая современную практику психической терапии, мы легко обнаруживаем, что нет ничего проще, чем выучить набор формул и бездумно твердить их, однако действенность этого способа лечения зависит гораздо больше от того, кто им пользуется, чем от самой формулы, хотя можно также справедливо утверждать, что у некоторых формулированных фраз есть внушающая ценность независимо от особого состояния того, кто их произносит. Снова и снова в Исходе нам говорится, что Моисей и Аарон предъявляли свидетельства своего божественного поручения, исцеляя страждущих, — дело, которое маги фараона всякий раз совершенно не могли выполнить, как только брались за него; поэтому не наведение казней, а их устранение доказывало, что Моисей и Аарон стоят на стороне праведности, тогда как их противники

служат неправде. Едва ли может быть что-либо отвратительнее веры в то, будто кто-то когда-либо являл делегированную божественную власть, насылая казни или вызывая мор; но когда мы узнаём, что хотя это дело вполне успешно могут выполнять чёрные маги, сила устранять казни свидетельствует о некоторой степени божественной власти, то положение дел оказывается совершенно иным и отнюдь не нелепым и не невероятным. Нам сказано, что маги, увидев, как Моисей и Аарон совершают чудеса, далеко превосходящие всё, что они сами могли повторить, воскликнули: «Это поистине перст Божий» — выражение, ясно показывающее, что они поддавались разумному убеждению и без колебаний признавали своё несовершенство, когда оно было очевидно доказано. В Египте в то время существовала особая вера в божество, покровительствующее мухам, и в самом деле каждое существо, упомянутое в истории казней, было так или иначе связано с господствовавшим идолопоклонством. Однако лишь после убийства первенцев фараон, как сказано, пришёл в такой ужас, что не только отпустил народ, но и торопил пленников уходить с величайшей поспешностью, чтобы ещё более страшные бедствия не обрушились на него и его подданных. Это

страшное испытание, через которое пришлось пройти египтянам, наводит на мысль о действии закона кармы, который в конечном счёте воздаёт точную справедливость каждому человеку и каждому народу. Это убийство первенцев египтян можно рассматривать как плод прежнего убийства еврейских младенцев мужского пола по приказу более раннего фараона. То, что мы делаем другим, мы часто, сами того не ведая и не желая, делаем самим себе; ибо все злые мысли, слова и дела, направленные против других, подобны бумерангам: они поражают того, кто их бросил. В этом заключена открытая тайна столь оклеветанного, но неизменно истинного закона возмездия, выраженного в знаменитом изречении: «Око за око и зуб за зуб». Это закон вселенной, и никто никогда не может уклониться от его действия; но это закон благотворный, и при правильном толковании он глубоко внушает нам чувство божественной справедливости, не неся при этом никакой мысли о мести, ибо нам самим нужна дисциплина страдания, если мы причинили страдание другим. Есть нечто поистине возвышенное в той великой фразе Эмерсона: «Никто не может причинить мне вреда, кроме меня самого», которая ясно означает, что нам никогда не

причиняет настоящего вреда никакое противодействие извне, а только упадок внутри нас. Зная, что очень многие христиане совершенно неверно понимают закон возмездия и полагают, будто Новый Завет осуждает его, мы надеемся, что вскоре они правильно поймут его, и они поймут, когда увидят, что он ни в чём не противоречит золотому правилу, прекрасно советующему нам поступать с другими только и именно так, как мы хотим, чтобы другие поступали с нами. Ни один великий учитель никогда не велел своим ученикам выбивать соседям зубы и вырывать им глаза, но все великие учителя настаивали перед своими учениками на необходимости справедливого и доброго поведения во всех отношениях жизни; следовательно, если христиане будут повиноваться золотому правилу, они не обнаружат, что иудейский закон действует против них в чём-либо, даже если его исполнять в мельчайших подробностях. Мы не хотим сказать, что всё иудейское законодательство, как и всё христианское, было справедливым или милосердным, но сейчас мы стараемся иметь дело не с отдельными поступками тех или иных лиц, а лишь с общими очертаниями нравственного кодекса, изложенного в Пятикнижии. При буквальном применении справедливого закона мы

всегда должны будем предоставить всё возможное возмещение или восстановление за любой вред, причинённый нами другим; но это, разумеется, не означает, что другие должны совершить над нами те же жестокие действия, какие мы совершили над ближними, ибо от такого дикого возмездия, вероятно, не было бы никакой пользы. Нет и не может быть подлинного оправдания тому, чтобы налагать на кого-либо наказание иначе как с некой благожелательной целью; но поскольку на разных людей воздействуют различными способами, соответствующими разным ступеням их нравственного и умственного развития, кажущиеся суровыми меры часто оказываются на деле добрыми, тогда как очень мягкие нередко бывают бесполезными. Однако нам следует быть весьма осторожными, если когда-либо мы почувствуем склонность взять закон в собственные руки, ибо в Библии нам мудро сказано, что воздаяние принадлежит Богу и все дела будут справедливо улажены действием неизменного всеобщего закона, с которым нам остаётся лишь стремиться привести себя в согласие. Мы должны делать всё, что в наших силах, чтобы отвращать от любого злорадства по поводу поражения наших личных противников, и если мы отмечаем Пасху (Песах) каким-либо

полезным образом, то должны радоваться лишь памяти об освобождении людей от рабства, а средства, использованные для достижения этой благородной цели, считать просто наиболее подходящими для минувшего века в далёкой стране. Урок самой Пасхи (Песаха) универсален и непреходящ, даже в таких любопытных обрядовых подробностях, как вкушение горьких трав и опресноков, которые, если рассматривать их эзотерически, имеют куда более глубокий смысл, чем простое воспоминание о поспешном бегстве из Египта в одну знаменательную ночь три-четыре тысячи лет назад.

Даже любопытные традиционные песни, которые поют в еврейских домах в канун Песаха, полны глубокого внутреннего смысла, хотя такие своеобразные образцы, как «Один-единственный козлёнок», вполне можно отнести к басням и народным песням вообще. Дети всегда любят песни, басни, притчи и всякого рода наглядные уроки и усваивают то, чему те призваны учить, гораздо охотнее, чем при менее привлекательных методах учителей, исключающих символы из своей программы. «Один-единственный козлёнок» — хороший образец древнего соединения аллегории и

рассказа. Главная цель песни — показать непрочность всех смертных вещей и единственную неизменность Божества и непреложного закона Божьего. Во время празднования Пасхи (Песаха) ребёнок поёт о том, как отец купил козлёнка, которого съела кошка (первоначально имелся в виду какой-то крупный представитель семейства кошачьих). Кошка была очень священным животным в древнем Египте; настолько священным, что кошки, мумифицированные тысячи лет назад, до сих пор хорошо сохранились в Британском музее. Но после того как кошка умертвила козлёнка, пришла собака и укусила кошку. Собака же считалась священной в Вавилонии и Ассирии, державе, которой Египет стал данником после исхода израильтян. Таким образом, в причудливой старой мелодии преподаётся не только религия, но и история. Собаку, в свою очередь, бьёт палка, что служит эмблемой Персии, где она была образом строжайшего отправления правосудия, как мы узнаём из Зенд-Авесты. Затем огонь сжигает палку, и это, как говорят, изображает завоевание Персии Александром Македонским, который устремился вперёд, как пожирающее пламя, и менее чем за семь лет полностью сокрушил персидское владычество. Огонь гасит

вода, знаменующая римскую державу, которая, подобно потопу, прокатилась по большей части тогдашнего известного мира. Наконец появляется бык и выпивает воду, погасившую огонь, и в этом видят эмблему мусульманского владычества. Но бык находит свою участь от руки мясника, который, как говорят, означает крестоносцев, столь же беспощадно нападавших на магометан, как те нападали на покорённых ими прежде. Однако наступает время, когда мясник должен пасть от меча Ангела Смерти, который в конце концов изгонит с земли всякую вражду и откроет славную эпоху всеобщего мира, предсказанную величайшими из пророков всех стран и веков. Святой (благословен Он) убивает Ангела Смерти, который прикончил мясника, убившего быка, который выпил воду, погасившую огонь, который сжёг палку, которая била собаку, которая укусила кошку, которая съела козлёнка. Наконец, пророки заверяют нас, что все войны прекратятся, а эта планета достигнет вершины совершенства и станет обителью только святых и счастливых множеств. Таков предсказанный конец мира, ибо под концом разумеется цель. «К какой цели вы стремитесь?» — привычный вопрос. Мудро поступает Джон Ури Ллойд в своём чудесном романе «Этидорфа»

(«Афродита», написанное наоборот», изображая сияющую деву, являющуюся убелённому сединами мужу, пережившему самые странные из мыслимых испытаний, и говорящую ему: «Я — конец мира»; это весьма значимая фраза, означающая, что цель всего земного опыта — произвести на свет совершенное человечество, а это должно быть единственным здравым и удовлетворительным разрешением трагической истории нашей планеты.

Огненный столп, шедший перед сынами Израиля во время их сорокалетнего странствия по пустыне между Египтом и Палестиной, некоторые современные исследователи объясняют буквально, опираясь на открытия вблизи горы Синай в Аравии, указывающие на вулканический характер этой местности. Чисто материалистическая версия огня ночью и облака днём состоит в том, что кратер вулкана давал именно такие явления. Пусть так, а это предположение вполне правдоподобно, эзотерический смысл повествования нисколько не умаляется физическими открытиями. Все природные факты имеют духовное происхождение, и во всей священной литературе всего мира их всегда используют для иллюстрации. Внутренний смысл всех духовных аллегорий должен относиться

к непрерывному человеческому опыту; поэтому будем готовы принять всё, что материальная наука открывает о внешних явлениях, и в то же время усердно искать те более глубокие истины человеческого опыта, которые связывают нас с обычно невидимой, но отнюдь не навсегда непознаваемой духовной вселенной.

Нам пришлось бы писать тома, а не главы, если бы мы попытались хотя бы в общих чертах обозреть и прокомментировать многочисленные захватывающие события, которых мы не коснулись в этом кратком упоминании Книги Исход. Среди самых глубоко знаменательных — истории о перепелах и манне, а также об отливке и уничтожении золотого тельца. История о пище — чрезвычайно полезная тема для размышления, ибо ниспосланная с небес манна наводит на столь ясное и всеобъемлющее объяснение природы зла, что его может ясно прочесть даже на бегу. Обеспечение человеческих нужд приходит с неба на землю сладким и здоровым, знаменуя все человеческие способности и все естественные и надлежащие средства поддержания нашего внешнего существования; но если мы неправильно пользуемся способностями и возможностями, и

притом не в надлежащее время и не надлежащим образом, они искажаются, становятся вредными и отвратительными. Если мы обжорливы и переедаем дарованной нам хорошей пищи, мы тяжело заболеваем от «перепелов», тогда как могли бы здорово питаться «манной». Всё хорошо на своём месте и в своё время; извращение, излишество и неправильное присвоение — единственные причины многих бед, на которые мы сетуем. В отсутствие Моисея (означающего интуицию и духовное руководство вообще), когда нас ведёт один лишь Аарон (означающий непросвещённый разум), мы очень склонны скорее возвращаться вспять, чем идти вперёд, и нуждаться в материальном идоле, наподобие изображения египетского Аписа, которому можно поклоняться, вместо доверия истинному духовному Божеству. Народы, которых надо истребить, прежде чем мы войдём в нашу Землю обетованную, образно означают все наклонности и привычки, которые в Новом Завете названы «плотскими похотями, восстающими на душу». Каждый из нас должен совершить свой собственный, как и общий, исход, который в конечном счёте есть не что иное, как полная свобода, обретённая от всякого рода рабства через строгую верность голосу Божественного внутри нас;

лишь повиновение ему может обеспечить полное освобождение от всякой формы кабалы, всё ещё тяготеющей над человеческим родом.

ГЛАВА XIV.

ПОСЛАНИЕ БУДДИЗМА — ЧИСТОТА И ФИЛАНТРОПИЯ.

Имя Гаутамы, Будды, и сегодня обладает великой притягательностью почти во всём мире: отчасти благодаря широкой известности необычайно прекрасной поэмы сэра Эдвина Арнольда «Свет Азии», отчасти из-за столь же широкого интереса к общему изучению сравнительного религиоведения. Одним умам буддизм представляется системой филантропической философии, не вполне религиозной, поскольку в учении, как оно первоначально преподавалось и провозглашалось, нет определённо богословских элементов; но так как определений религии много и они различны, а несколько сотен миллионов наших ближних принимают буддизм как свою религию и заявляют, что находят прибежище в Будде столь же уверенно, как набожнейшие христиане находят его во Христе,

буддизм по справедливости может считаться не просто религией, но одной из великих религий мира. Джеймс Фримен Кларк в своём превосходном трактате «Десять великих религий» назвал буддизм протестантизмом Востока, хотя по нынешним обрядовым чертам он гораздо ближе к католицизму. Он радикально отличается от брахманизма отказом от каст и настойчивым требованием филантропической жизни независимо от соблюдения ритуалов. Хотя совсем недавно буддизм вновь допущен в Индию, много веков буддистам приходилось жить вне земли, давшей рождение их религии, и именно на Цейлоне и в Тибете два великих направления буддийской веры обрели свои представительные средоточия. Северный буддизм явно теистичен, а потому не может быть пессимистичным, ибо теизм и пессимизм диаметрально противоположны; южный же буддизм считали атеистическим, а также пессимистическим. Мы склонны смотреть на буддийское учение в его целом иначе, нежели те, кто выдвигает такие утверждения даже о какой-то его части. Образ традиционного Будды, принца Гаутамы, необычайно прекрасен, хотя и отнюдь не совершенен во всех отношениях. Около 600 года до н. э. этот принц родился в Индии, в то время, когда

могучим учителям предстояло всколыхнуть мир во многих краях. Старые предания сообщают, что рождение ребёнка, которому предстояло стать Буддой, возвещалось многими чудесными знамениями, какие по традиции сопутствуют явлению всех великих духовных вождей. По одному свидетельству, некие выдающиеся астрологи объявили, что младенец-принц либо станет необыкновенно могущественным земным монархом, либо отречётся от мира и станет тем Буддой, которым он стал, и выбор будет зависеть от его собственной воли. Отец горячо желал, чтобы он избрал царский земной путь, и делал всё возможное для этой честолюбивой цели, но с самых ранних лет мальчик проявлял равнодушие к мирским почестям и начал выказывать глубочайшую заботу об угнетённых и страждущих, где бы он их ни видел. Напрасно царь старался не допускать, чтобы человеческие бедствия попадали на глаза его юному сыну; мальчика нельзя было надёжно оградить от зрелища царящего страдания, и во многих индийских сказаниях рассказывается, что если приказы отца исполнялись строго и никакое жалкое зрелище несчастья не могло достичь внешнего взора юноши, то Девы являли ему картины горя, созерцание которых, хотя поначалу

лишь печалило его, вскоре пробудило в нём непреодолимую решимость вырваться из царских оков и погрузиться в водоворот страдающего человечества, чтобы открыть причину столь мучительных явлений. В ранние шестнадцать лет юный принц был женат на очаровательной принцессе, к которой был преданно привязан, и вся его жизнь проходила среди всех доступных умственных и телесных наслаждений.

Но ничто не могло заглушить тоски, нараставшей в нём всякий раз, когда он мысленно сопоставлял собственную роскошную участь с жалким уделом множества других людей, которые, по-видимому, заслуживали от вселенной не меньше, чем он. Беспокойство в нём возросло до такой степени, что он ни в чём не мог находить радости, пока чувствовал, что страдают другие, которым он, возможно, мог бы помочь. С этого чувства начало заниматься в нём зарождающееся состояние Будды, и то же самое волнение побудило его отказаться от всех радостей жизни и отправиться на серьёзные поиски знания об источнике человеческого несчастья, которого не могли заставить его забыть ни великолепие, ни личная привязанность.

Именно на самых ранних этапах своего пути этот пылкий любитель страждущего человечества склонялся к пессимизму, и нет ничего удивительного в том, что юные и чувствительные сердцем поддаются чувствам, близким к отчаянию, при первом знакомстве со скорбью и смертью, ибо это всегда душераздирающие зрелища, пока мы не научимся смотреть на них с философским спокойствием и видеть, что в конечном счёте они не противоречат Божественной благости. Горе и смерть как самоцель никогда не могут быть так примирены, но как факторы эволюции они предстают превратимыми в весьма решительные благословения; и по мере того как Гаутама продвигался по своему восходящему духовному пути, он не только постиг эту славную истину, но и с радостным воодушевлением учил ей всех учеников, готовых её принять.

В ранние отшельнические дни он держался строго аскетического пути, который давал ему дисциплину, но не мог принести радости. Никакого удовлетворения он не находил в учениях аскетов, с которыми сошёлся; он мог извлечь лишь урок, указанный автором Екклесиаста: с точки зрения сначала чувственного человека, а затем человека

интеллектуального, чьи глаза ещё не открылись для различения духовных реальностей, «всё — суета и томление духа». Учителя общепринятой религии могли рекомендовать посты и всевозможные лишения, и растущий Будда пробовал их, но они не могли дать ему мира и не могли ответить на великий вопрос, истинный ответ на который он решил так или иначе получить. Сообщается, что он прожил семейной жизнью тринадцать лет, ибо его возраст назван двадцатью девятью годами, когда он сделал решающий шаг и порвал семейные узы, чтобы вступить на путь служения страдающим всего мира. Многое можно было бы сказать за и против ценности поданного им примера, и обращаться с этим эпизодом разумно и во благо следовало бы с большой осторожностью. Конечно, это не был случай бегства или оставления семьи без средств, потому что дворец оставался домом для жены и ребёнка, пока муж и отец отправился в странствие со своей миссией. Нередко мы слышим, как восхваляют людей, уходящих на поле битвы, и совсем не редкость, что жёны-патриотки, невзирая на величайшие личные страдания, радуются доблести своих мужей; а значит, если война может служить достаточным основанием для ухода из дома и от родных, то сознание великой духовной

миссии можно выдвигать с ещё большей настойчивостью. В духе, побуждающем к добровольной жертве ради блага других, всегда есть нечто глубоко благородное; зато нечто низкое и презренное есть в той истерической заботе о личном спасении, которая заставляла многих искать убежища от мира в монастырях и обителях, чтобы не подвергнуться личной скверне общением с неправедностью. Всякий раз, когда возникает кажущийся конфликт между меньшим и большим делом, героично выбрать большее, особенно когда этот выбор требует отказа от домашних радостей и других законных удовольствий, стоящих на пути исполнения более широкого служения. Вскоре Гаутама начал учить, что каждый человек должен совершить своё спасение сам; в его системе нет места никакому заместительному искуплению. Но как совершить спасение? Вот главный вопрос. Учение Будды о Пути Просветления сильно отличалось от наставлений брахманских жрецов, ибо, как он сам открыл истину, углубляясь в сокровеннейшие тайники собственного существа, так и ученикам советовал поступать так же. О Конечной Реальности он никогда не догматизировал, но заявлял, что тот, кто достиг состояния Будды, воспринимает её без умозрения.

Между Нирваной и Пара-Нирваной просвещённые буддисты проводят большое различие: Нирвана есть состояние покоя и мира, а Пара-Нирвана означает состояние осознания Божественного Единства, которое язык не в силах описать. Общая философия буддизма резюмируется в учении о четырёх Великих Истинах: об страдании; об источнике страдания; о прекращении страдания; о Пути, ведущем к освобождению от страдания. Страдание обусловлено привязанностью к иллюзиям смертного плана; поэтому избавление от боли возможно лишь путём переноса наших привязанностей с преходящего на постоянное. Наставление на эту тему уводит нас далеко по очень важному пути, но по этой дороге нужно идти весьма осторожно, чтобы не принять бесчувственность за духовность. Против этой опасности миссис Безант весьма ясно предостерегла своих читателей, и всем, кто склонен путать равнодушие к человеческой привязанности с обнадёживающими признаками духовного развития, стоило бы очень вдумчиво прочесть превосходные советы и предостережения этой представительницы теософов, чья оценка достоинств восточной философии не превзойдена ни в каком отношении. Подлинного освобождения от страдания не может быть, пока мы всё ещё

способны извлекать пользу из его продолжения. Единственный здравый и разумный взгляд на страдание таков: это исправляющий и воспитывающий опыт, вполне благой и поистине совершенно необходимый, пока лишь через него мы можем усвоить некоторые нужные уроки, а затем не только излишний, но и попросту невозможный, когда мы переросли условия, в которых он мог служить полезной цели. Таково учение всей Книги Иова, великолепной поэмы, драматически изображающей назначение скорби и способной внушить вдумчивому читателю чувство глубокой благодарности за служение тех мучительных переживаний, что приводят к блаженному знанию истины, иначе недостижимому. Называть буддизм пессимистическим почти так же нелепо, как называть пессимистическим иудаизм на том основании, что отдельные евреи могут казаться пессимистами; однако попугайский крик всё время повторяется: будто все буддисты пессимисты и ищут замену блаженству в забвении уничтожения. Буддийская церковь действительно стала настолько формалистической, что обрядовым соблюдениям, которым её предполагаемый основатель не придавал никакого значения, позволили затмить

чистое этическое учение глубоко раскрывшейся души, на чьей доктрине это учреждение, по его заверениям, основано; а где настаивают лишь на церемонии и предании, там всегда могут расти и крепнуть сомнение и пессимизм. Учение о карме, которого придерживаются все буддисты, при правильном понимании есть оптимистический взгляд на конечное достижение. Источник страдания — в иллюзорном убеждении, которым мы все в какой-то мере окрашены, будто внешние формы вещей суть единственные реальности; поэтому мы исступлённо цепляемся за эти преходящие вместилища духа и горько страдаем, когда они распадаются. Если спросить, почему человечество впадает в эту иллюзию, ответ напрашивается сам: так как внешние тела нужны нам на время и мы вряд ли сохраняли бы их, если бы не ценили, то преувеличенная оценка, которую мы им даём, есть просто преувеличение их значения. Не тем, что мы ожесточаем себя против привязанности и становимся отшельниками, можно идти по восьмеричному пути Будды к блаженству, но научившись видеть вещи в должном соотношении и находить эту пребывающую сущность, хотя смертная оболочка может исчезнуть. Страдание прекращается, когда мы переросли

всякое желание отдельного существования, но у нас нет права выводить из этого, что личного бессмертия нет; скорее мы можем созерцать славное видение бессмертной жизни, когда все сущности, составляющие наше человечество, так совершенно соединены взаимной любовью, что образуют неделимое единство. «Убей чувство отдельности», — призывает Мейбл Коллинз в «Свете на пути», парадоксальном изложении буддийского учения. Отдельность означает не индивидуальную различённость, а взаимный антагонизм, и пока в каком-либо сознании остаётся малейший след враждебного чувства, его обладатель ещё не достиг блаженства состояния, называемого Нирваной, которого, как нас заверяют, Будда достиг прежде, чем покинул своё смертное воплощение. Возвышенный Восьмеричный Путь состоит из Правильных Взглядов; Правильных Стремлений; Правильной Речи; Правильного Поведения; Правильной Жизни; Правильного Усилия; Правильной Памятливости; Правильной Сосредоточенности. Уильям Уолтер Аткинсон, редактор чикагского журнала «Новая мысль: журнал практического идеализма», назвал буддизм «Отрицательным идеализмом» в противоположность «Положительному идеализму»,

за который он особенно выступает; но, обозначив так эту систему (на наш взгляд, слишком огульно), он весьма мудро добавляет: «Две фазы идеализма суть лишь две стороны щита Истины»; замечание достойнейшее. Мы сожалеем лишь о том, что тот, кто его сделал, прежде назвал буддизм пессимистическим. Разумеется, невозможно авторитетно говорить от имени буддийской церкви в какой-либо части мира, если ты не её аккредитованный чиновник, но нам, желающим узнать, каково было первоначальное буддийское учение, нет нужды заботиться о более поздних развитиях, во многих случаях обременённых нежелательными наслоениями. Беспристрастный посторонний, желающий узнать вероучение первоначального христианства, вполне естественно обратился бы за сведениями к Новому Завету, а не к какой-либо из многочисленных сект и партий христианского мира, столь сильно отличающихся друг от друга. Сообщалось, что японцы, некоторое время назад помышлявшие о принятии новой государственной религии взамен своего (тогда) неудовлетворительного синтоизма, взялись всерьёз рассмотреть христианство. Христианские миссионеры давно действовали в Японии, и при лучших миссиях проводилась большая

благотворительная и просветительская работа. Поэтому были выдвинуты предложения тщательно исследовать христианство, чтобы проверить его пригодность для религиозных нужд Японии, и тотчас появилось около тридцати различных видов христианства, каждый из которых выдвигали его сторонники как ближайший к первоначальному Евангелию Иисуса. Какое действие мог произвести на исследователей столь ошеломляющий набор соперничающих христианств, кроме того, что они решили, что их собственный синтоизм гораздо менее запутан и, пусть он и не идеален, всё же лучше приспособлен к Японии, чем такое сбивающее с толку множество соревнующихся вероисповеданий? Но если спустя девятнадцать веков после своего первоначального возникновения христианство имеет столько разновидностей, неудивительно, что за примерно двадцать пять веков появились разные фазы буддизма, и каждая секта или партия утверждает, что даёт наиболее верное и полное изложение первоначальных заявлений Гаутамы; но по этой причине мы не вправе отбрасывать то, что ясно видим «пшеницей», оттого что отказываемся одобрить «плевелы», выросшие на том же поле. Институционализированный буддизм — не простое

учение Будды, не смешанное с чужеродными элементами, но во всех сложившихся системах содержится очень многое, достойное великого просветителя мира, наряду с многим явно недостойным. В христианском мире мы можем возвести форму римско-католической иерархии к Римской империи, а в пресвитерианстве увидеть план Римской республики. Ни один великий духовный учитель никогда не окружал себя пышностью и обстановкой царского двора, а в случае Будды все предания утверждают, что, хотя он родился в ней, он добровольно от неё отрёкся. Вполне возможно совершать церемонии во имя того, кто нисколько о них не заботился, если он прямо их не запрещал, но утверждать, будто он их установил, — чистейшее самозванство, которое может обмануть невежественных, но никогда не введёт в заблуждение образованных. Всегда именно «буква» убивает, тогда как «дух» животворит, и всё же, кажется, невозможно облечь какой-либо дух без какой-нибудь буквы. Организованный буддизм ошибся именно там, где ошибались все прочие системы, а именно: слишком подчёркивал несущественное, пока с течением веков одеяния не стали цениться столь высоко, что первоначальный их носитель оказался совершенно скрыт столь

тяжёлыми драпировками и столь плотными покровами. Буддизм сегодня выходит из своего долгого плена и вскоре обратит к миру улыбающееся лицо, уже не закутанное в покровы громоздких ненужных обрядовых соблюдений и уже не эксплуатируемое невежественными и притесняющими жрецами.

Нигде в современной литературе мы не найдём столь полного и прекрасного изложения сути буддизма, как в поэме сэра Эдвина Арнольда «Свет Азии», которая, хотя и была написана патриотически настроенным англичанином, получила безоговорочное одобрение верховного жреца буддизма на Цейлоне. Доктор Дж. М. Пиблс и другие выдающиеся американские путешественники встречали радушный приём на этом прекрасном острове, где в Коломбо уже давно существует буддийская школа для девочек под доброжелательным покровительством Теософского общества: там английские женщины обучают сингальских девушек многому такому, что весьма полезно и вполне созвучно древней буддийской вере.

Некоторым может показаться странным, что британские женщины занимаются такой работой, но она весьма полезна и способна принести широко благотворные плоды. Индия и Цейлон — части Британской империи, поэтому прямой долг просвещённых британцев — сделать всё возможное для установления добрых отношений между местным населением и британцами. Вместо того чтобы стараться отнять у них веру предков и велеть им презирать её как «языческую мерзость», долг тех, чьи «души озарены мудростью свыше», ясен: ходить в свете этой мудрости так, чтобы приблизить рассвет того славного нового утра, когда в солнечном свете более полного знания истины все народы земли увидят свой путь к праведной федерации. Может существовать братство религиозных систем, каждая из которых очищена от наростов, долго скрывавших многое, хотя и никогда не всё из присущих ей достоинств. Буддизм производит прекрасное впечатление, будучи возвращён к своей первоначальной простоте, а героический образ Гаутамы предстаёт перед нами как образ того, кто любил все формы жизни и находил выражение Божественного во всём. «Космическое сознание» — любимое выражение многих людей сегодня, и именно к жизни и учению

Будды мы можем с полным правом обратиться как к прекрасному историческому примеру его. С железными правилами касты любящий весь человеческий род не может иметь никакого сочувствия, особенно когда такие правила применяются в целях угнетения и приводят к тому, что личные достоинства игнорируются, а перед унаследованным положением рабски склоняются. Особой славой Гаутамы было то, что он учил своих соотечественников существенным истинам, содержащимся в их прекрасных исторических Ведах, которые полны изысканного духовного учения, в корне противоречащего религиозной тирании, утвердившейся в Индии и вызвавшей самый решительный протест Будды. Мы можем подытожить основные учения чистейших форм буддизма в двух великолепных словах — Человеколюбие и Чистота — тех же двух величественных существительных, которые употребил каноник Хенсли Хенсон из Вестминстера в благородной проповеди, произнесённой им в День Троицы 1907 года в церкви Святой Маргариты в Вестминстере, когда он обобщил основы универсальной религии, истолковывая известный текст из Послания Иакова: «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом есть то, чтобы

призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неосквернённым от мира». Ни намёка здесь на то, будто для спасения необходима вера в какой-либо догмат. Но нам скажут, что это христианское изречение. Пусть так; оно также в строгом согласии с первоначальным буддизмом и вполне может стать связующим звеном между искренними и духовно настроенными людьми, принадлежащими к тому или иному культу или вероисповеданию.

ГЛАВА XV.

МАГИЯ В ЕВРОПЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА — ЕЁ СВЯЗЬ С ТАИНСТВЕННЫМ ИСЦЕЛЕНИЕМ И ЧУДЕСНЫМИ ИЗБАВЛЕНИЯМИ.

Хотя иудаизм в целом является явно теистической и этической религией, сравнительно мало склонной к мистицизму или магии, известно немало примеров вполне почтенных и благородных евреев, среди которых есть и выдающиеся раввины, практиковавших магические искусства и обучавших им нескольких тщательно отобранных учеников. В Ветхом Завете множество мест содержит яростные обличения вавилонского колдовства и ведьмовства,

как мы пытались показать в других разделах этого труда; но целью этих обличений было полностью отвратить людей от любых забав с порочными психическими практиками, направленными на причинение какого-либо вреда. Законы против ведьмовства, которые ещё не вполне исчезли из современных сводов законов, первоначально предназначались для того, чтобы сурово карать всех, кто стремился магическими средствами подвергнуть опасности безопасность отдельных людей или причинить вред общине, пытаясь погубить урожай, отравить колодцы или иным способом нанести общине тяжкий ущерб. Очевидно, такие законы не были направлены против тех, кто стремился практиковать Белое искусство, единственной целью которого было исцелять больных и иными путями приносить благо человечеству; но поскольку ни жрецы, ни законодатели не всегда знали, где именно провести черту между белой и чёрной магией, а кроме того, обвинения в ведьмовстве, часто выдвигавшиеся против непопулярных, но совершенно невинных людей, отвлекали внимание от настоящих виновников, когда преступления действительно совершались, законы против ведьмовства нередко не служили целям правосудия, а подрывали их. Они

также поощряли многие унизительные суеверия, замедлявшие развитие санитарной науки, и порождали и питали то самое состояние страха перед некоей злобной силой, действующей против нас, которое является одним из самых пагубных влияний, какие только могут быть приведены в действие, когда больной расстроен нервами и нуждается в доверии к Божественному, а не дьявольскому воздействию, чтобы помочь ему выздороветь.

Великая красота иудаизма как религиозной системы состоит в том, что он не требует от своих приверженцев веры в дьяволов, а скорее отвергает такую веру, чем поощряет её; в то же время евреи как община редко бывали совершенно свободны от страха перед злыми духами, хотя основные учения иудаизма совершенно несовместимы с любой доктриной о злых духах, подобной той, какую ортодоксальное христианство всё ещё навязывает миру и какую в смягчённом виде по-прежнему порождают многие спиритуалисты и оккультисты.

Один из самых любопытных и интересных литературных примеров еврейской веры в магию содержится в трактате под названием «Книга священной магии Абрамелина-мага, переданная

Авраамом Евреем его сыну Ламеху». Перевод с древнееврейского оригинала на французский, хранящийся в библиотеке Арсенала в Париже, был переведён на английский С. Л. Макгрегором-Мазерсом, чьи труды о розенкрейцерстве и других таинственных и необычных предметах весьма интересны тем, кто желает сойти с проторённых литературных путей и забрести в причудливые и увлекательные закоулки. Английский переводчик этой любопытной рукописи, восходящей в оригинале к 1458 году, утверждает, что Бульвер-Литтон и Элифас Леви были знакомы с ней; она содержит немало материала, которым легко можно было бы обогатить такую повесть, как «Занони» Литтона. Трактат разделён на три книги, первая из которых посвящена главным образом путешествиям автора, весьма обширным и сводившим его в тесное общение со многими высокопоставленными и выдающимися лицами. Вторая книга наполнена сведениями о церемониальной магии, которая, как и все трактаты такого рода, возбуждает гораздо больше любопытства, чем удовлетворяет. Это превосходное чтение для всех, кто хочет знать, во что в точности верили лучшие из средневековых магов и как они приступали к своим таинственным действиям; к

тому же у неё есть великое достоинство: она содержит множество превосходных нравственных наставлений о том, что все, кто берётся за такие оккультные предприятия, должны делать это, полностью осознавая тяжкую ответственность, которую принимают на себя, и всегда с праведными целями. Третья книга описывает чародейства различного рода, часть которых вторгается в область некромантии и доказывает, что действительно верили, будто в течение семи лет после смерти можно побудить отошедший дух на время вновь оживить оставленное им физическое тело, если оно за это время сохранилось. Совершенно ясно, что благороднейшие из магов заявляли: такой подвиг никогда не следует предпринимать иначе как в случаях чрезвычайной важности и только там, где крайне необходимо получить сведения непосредственно от отошедшего духа; но, к счастью для сегодняшнего мира, те, кто более всего поглощён спиритуализмом, стремятся лишь войти в общение со своими ушедшими друзьями методами, не имеющими ничего общего с искусством некромантии.

Говорят, что злые духи по праву повинуются воле обученного мага, который заставляет их служить ему, но если он теряет самообладание или позволяет себе злоупотреблять магией ради низменных целей, то сам становится подвластен тёмным силам, причиняющим ему множество страданий и неудобств. Едва ли можно сомневаться, что многое хорошее нередко достигалось с помощью лучших видов магии, особенно в обширной области терапевтической практики, где, как мы знаем, влияние идей и внушений на физическое состояние неизмеримо велико.

Записано, что этот магический Авраам исцелил множество недугов самых разных видов, в том числе проказу. В этом утверждении нет ничего невероятного или неразумного, ибо нет причин считать какую-либо болезнь неизлечимой по самой своей сути. По всему этому вопросу о кажущемся чудесном исцелении общественное мнение нуждается в основательном выправлении, и мы видим много обнадёживающих признаков того, что народные заблуждения скоро рассеются: на поприще практической деятельности появится большое число хорошо подготовленных практиков душевного врачевания, которые дадут разумный

отчёт о своём служении и тем самым избавят предмет внушающей практики от множества фантазий, всё ещё его окружающих. Обряды имеют большой вес для многих людей, которые, по-видимому, пока совершенно не способны постичь более простые и прямые учения психотерапии. Пять-шесть веков назад широкие массы были куда менее знакомы с азами рациональной психологии, чем сегодня, и если бы не заклинания чудотворцев, творимые ради них, многие страдальцы остались бы неизлечимыми, ведь неизлечимость — понятие вполне относительное. Случай может быть совершенно неизлечим при одних обстоятельствах и легко излечиваться, когда больного переносят в иную обстановку. Перемена душевного настроя — первейшее условие почти при каждом недуге, и нет, в сущности, ни одного случая, когда вера, надежда и мужество не были бы чрезвычайно ценными помощниками. Говорят, что с помощью мага, чей труд мы сейчас рассматриваем, было исцелено целых 8 413 человек, и крайне важно отметить, какую именно позицию занимал целитель относительно природы своего служения. Авраам родился в 1362 году; следовательно, в 1410 году, когда он называет себя девяностошестилетним, ему было сорок восемь —

из-за странного исчисления, по которому магический год длится лишь шесть месяцев. Авраам учит, что лучшие годы жизни человека для занятий церемониальной магией — от двадцати пяти до пятидесяти, вероятно, потому что он обнаружил: в среднем умственные и физические способности в этот период одновременно наиболее деятельны, хотя есть много бесспорных примеров того, как великая умственная и физическая сила сочетались задолго до двадцати пяти лет и сохранялись очень долго после пятидесяти. Следующая цитата весьма ясно показывает, как маги утверждали, что способны обеспечить своим клиентам действенные услуги незримых слуг, и хотя мы склонны придавать гораздо большее значение собственному душевному настрою пациента, чем магическим обрядам как таковым, мы не можем отрицать, что могут существовать служебные духи, готовые повиноваться воле магического руководителя, подобно тому как сиделки всегда готовы выполнять указания врачей, под началом которых работают и в чьё искусство и мудрость верят.

«До сих пор я исцелил людей всякого состояния, околдованных до смерти, — не менее 8 413 человек, принадлежавших ко всем религиям, не делая ни в одном случае исключения. Моему императору Сигизмунду, весьма милостивому государю, я дал дух-фамильяр второй иерархии, как он мне повелел, и он пользовался его услугами благоразумно. Он желал также владеть тайной всего действа, но так как Господь предупредил меня, что такова не Его воля, он удовольствовался дозволенным — не как император, а как частное лицо; и я даже посредством моего искусства содействовал его браку с женой и помог ему преодолеть великие трудности, препятствовавшие этому браку. Я также избавил графа Фридриха из рук герцога Леопольда Саксонского при помощи 2000 искусственных всадников (которых я своим искусством заставил явиться согласно содержанию двадцать девятой главы Третьей книги, следующей ниже); и этот граф Фридрих без меня потерял бы и собственную жизнь, и свои владения (которые не перешли бы к его наследникам).

«Епископу нашего города я тоже указал на измену в его правлении в Оремберге за год до того, как она случилась; и более об этом не скажу, ибо он

духовное лицо, умалчивая обо всём прочем, что я ещё сделал, оказав ему услугу.

«Граф Варвичский был мною освобождён из тюрьмы в Англии в ночь накануне того дня, когда ему должны были отсечь голову.

«Я помог бегству герцога и его папы Иоанна с Констанцского собора — иначе они попали бы в руки разгневанного императора М; и когда последний попросил меня предсказать ему, кто из двух пап, Иоанн XXIII или Мартин V, одержит верх в конце концов, моё пророчество подтвердилось: свершилась та участь, которую я предсказал ему в Регенсбурге. Когда я остановился в доме герцога Баварского по делам величайшей важности, дверь моей комнаты была взломана, и у меня похитили драгоценностей и денег на сумму 83 000 венгерских монет. Как только я вернулся, вор (хотя он и был епископом) был принуждён сам лично принести всё это мне и собственными руками возвратить мне деньги, драгоценности и счётные книги, а также назвать главные причины, заставившие его совершить кражу именно у меня, а не у кого-либо другого.»

Приводится ещё множество случаев самого разного рода, столь же удивительных, но те немногие, что мы процитировали, типичны и достаточно показывают, какие грандиозные притязания выдвигал в отношении своего искусства Авраам, всегда применявший его добросовестно.

Сочинения такого рода изобилуют литературным и историческим интересом, а также щедро пересыпаны благотворными нравственными наставлениями, но мы сомневаемся, что среди нас найдётся много тех, кто сумеет применить магические формулы на практике; и есть ли вообще серьёзная причина, по которой нам следовало бы пытаться это делать? Литература, открыто называющая себя оккультной, в значительной мере отдана жутким рассказам, некоторые из которых рассчитаны на то, чтобы внушать мурашки по коже, особенно на Рождество, когда истории о привидениях особенно популярны; но эту черту, по крайней мере на наш взгляд, надлежит скорее подавлять, чем преувеличивать, и в одном мы можем быть вполне уверены: если в нашем непосредственном соседстве и впрямь существуют такие зловредные или жуткие психические влияния, в какие многие люди продолжают верить,

то вернейшая защита от них — взращивать столь героическую веру во всемогущество добра, чтобы мы не таили в душе ни малейшего страха перед злом. Талисманную силу различных псалмов подчёркивают многие средневековые авторы, и, несомненно, есть немалые основания приписывать им необычайную действенность, ибо они дышат духом совершенного доверия к Божеству и отвергают всякий страх перед злыми влияниями, видимыми и невидимыми.

В одном весьма любопытном и едва ли заслуживающем доверия сочинении, причудливо названном «Шестая и Седьмая книги Моисея», вся Псалтирь наделена магическими силами. Каждый из 150 псалмов, как утверждается, служит талисманом против какой-нибудь болезни или опасности. Можно ли с пользой применять таким образом всю Книгу псалмов, остаётся спорным, но мы легко понимаем, что чтение таких псалмов, как 22-й и 90-й в особенности, может оказать большую помощь в минуты тяжёлого душевного страдания и затруднения. Своеобразное упорство, с которым люди держатся за Псалтирь, придаёт вес утверждению, будто в ней есть некие магические свойства, но в принятом английском переводе ей, во

всяком случае, требуется основательная правка и огромное количество мудрого толкования, чтобы она годилась для такого неразборчивого употребления, какое делает из неё Английская церковь на своих ежедневных службах. Сведенборгианцы и мистики разрешают все нравственные затруднения, когда им встречаются проклинающие места: они утверждают, что по своему внутреннему смыслу те относятся не к личным врагам, а к безличным вожделениям, «воюющим против души». Когда мы мудро молимся о погибели наших врагов, мы на деле ищем уничтожения собственных порочных склонностей, поощрение которых, несомненно, может сделать нас восприимчивыми к нечестивому влиянию, откуда бы оно ни исходило. Если бы такой взгляд всегда принимался и разъяснялся мальчикам из хора прежде, чем они запоют в соборах и приходских церквях, не было бы веских причин возражать против непрерывного употребления всей Псалтири; но как часто это разъясняется? А когда этого не делают, пагубное влияние мольбы к Всемогущему уничтожить личных врагов, если предполагается, что они у человека есть, ужасно по своему действию на нравственность подрастающего поколения. Глубокое несходство между

средневековой магией и лучшими из современных систем душевной терапии состоит в том, что первая нагружена верой во врагов, против которых нужно действовать при помощи магических заклинаний, тогда как вторые подписываются под возвышенным изречением Эмерсона: «Никто не может причинить мне вреда, кроме меня самого».

Христианские сайентисты, на словах отвергая всякое одобрение магических теорий и практик, странным образом непоследовательны, цепляясь за свою излюбленную страшилку — «злонамеренный животный магнетизм». Если бы они как течение раз и навсегда отказались от этого старого дьявола под новым названием, то вскоре могли бы занять почётное место среди передовых философов нашего времени; но пока это возрождение одной из самых предосудительных частей суеверной веры магов былых времён остаётся при их движении, они будут порождать тот самый страх перед злом, который их знаменитый учебник «Наука и здоровье с Ключом к Писанию», написанный основательницей культа Мэри Бейкер Г. Эдди, делает совершенно нелогичным в известной фразе: «Всё есть благо; зла нет». Что бы ни означала эта фраза в точности (а толкований ей дано множество), логически её

нельзя принимать вместе с каким-либо страхом перед злом. Всё добро, совершённое магами старой школы, и всё добро, совершаемое современными врачевателями душевной терапии, достигается укреплением воли и успокоением ума страдальцев, которым зло представляется великой и ужасной, как правило непобедимой, реальностью. История Авраама о вызывании искусственных воинов вполне созвучна некоторым сценам из «Скорбей Сатаны» Мари Корелли, особенно магическому появлению и исчезновению призрачных слуг на празднестве в «Уиллоусмире», устроенном «Люцио Риманезом». Мы ступаем по весьма коварной почве, если отваживаемся догматически рассуждать о возможной связи между нашей обычной внешней жизнью и таинственными невидимыми влияниями, и у нас нет никакого права умышленно закрывать глаза перед любым хорошо обоснованным свидетельством. Однако крайне необходимо настаивать, что забавы с обрядовой магией ради удовлетворения болезненного любопытства несут большую опасность для здоровья и рассудка, и гораздо тяжелее будет расплата, если мы позволим руководить собой каким-либо злонамеренным побуждением. В какой бы области психических исследований мы ни искали знания,

нам никогда не следует забывать мудрые слова Альфреда Теннисона, который порой испытывал острое желание разорвать завесу и взглянуть на то, что за нею. Всем, где бы они ни находились, кто помышляет пуститься в тускло освещённый океан магического вызывания или хотя бы попытаться вступить в сознательное общение со своими ушедшими (или, по меньшей мере, невидимыми) близкими, мы рекомендуем следующую строфу из «In Memoriam».

«Сколь чист должен быть сердцем и здрав умом,
Сколь божественными чувствами смел
Тот, чьи помыслы хотят удержать
Час общения с мёртвыми.

Они обитают в тишине груди,
В воображении ясном и спокойном,
В памяти, подобной безоблачному воздуху,
В совести, словно море в покое.

Напрасно ты или кто-либо станет звать
Духов из их золотого дня,
Если, подобно им, не можешь сказать:
Мой дух в мире со всеми.

Но когда сердце полно шума

И сомнение ждёт у порога,
Они лишь слушают у врат
И слышат домашнюю распрю внутри.»

Мы замечаем в этих изысканных строках, как вдумчивый поэт отвёл сомнению то же низкое место, на которое его неизменно помещают все маги. Сомнение, заявляют они, обессмысливает все попытки, главным образом из-за ослабляющего действия, какое оно оказывает на сомневающегося. И вот здесь усвоим весьма необходимый урок, прежде чем пытаться преуспеть в какой-либо форме душевной практики. Мысли передаются; душевные состояния сообщаются от врачующего больному и от учителя ученику. Как же тогда мы можем разумно надеяться на успех в деле, за которое беремся без всякой сердечной убеждённости?

Те или иные применяемые методы в большинстве случаев далеко не так важны, как душевное состояние того, кто ими пользуется. Генри Вуд и другие талантливые современные авторы весьма поучительно рассмотрели врачебную практику Средних веков, и хотя мы не можем одобрить всех странных лекарств и причудливых приёмов, которые отстаивались, изучение средневековой фармакопеи позволяет глубоко

понять, какое огромное влияние душевные состояния всегда оказывали на телесные условия. Когда мы беспристрастно рассмотрим предмет исцеления в библейские времена, мы сможем проследить в точности те же влияния, действовавшие много веков раньше в Малой Азии, которые вновь появились и заняли центр сцены в Европе в периоды, более близкие к нашим дням.

Поскольку один и тот же закон действует повсеместно, время и место можно считать почти ничтожными факторами всякий раз, когда мы рассматриваем задачи, решение которых можно найти лишь глубоким изучением нашей человеческой природы.

ГЛАВА XVI.

ДРЕВНЯЯ МАГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕРАПИЯ — ПАРАЦЕЛЬС И ВАН ГЕЛЬМОНТ.

«История магии» Эннемозера, переведённая с немецкого оригинала на превосходный английский язык Уильямом Хоуиттом (на другие его труды мы уже ссылались), содержит огромное количество чрезвычайно интересных сведений обо всех

таинственных искусствах и практиках. Многие из них проливают обильный свет на вопросы, которые обычно считают слишком тёмными или причудливыми, чтобы уделять им серьёзное внимание, но которые, несомненно, глубоко занимают многих самых блестящих умов наших дней. Теософам и оккультистам вообще не составляет труда приписывать таинственные явления действию различных разрядов духов природы (их иногда называют эльфами), которых может подчинить своей властной воле сведущий маг; и если признать существование этих пленительных созданий, объяснить магические явления отнюдь не трудно. Животные по праву подчинены человечеству, и они охотно повинуются тем, кто обращается с ними порядочно, и служат им; более того, они нередко так преданы человеку, что продолжают выказывать привязанность, даже когда обращение с ними жестоко и варварски.

По утверждению магов, на незримой стороне Природы существуют племена нечеловеческих существ, которые относятся к человечеству так же, как животные на обычном объективном плане. И хотя обрести власть над этими племенами труднее, чем над домашними физическими животными,

обученному магу сделать их своими слугами не труднее, чем укротителю зверей смирить свирепость обитателей джунглей: твёрдостью, соединённой с добротой, их всегда можно со временем сделать покорными — при условии, что укротитель никогда не позволит себе потерять самообладание. Однако маги имеют дело отнюдь не исключительно с «духами природы»: очень значительная часть их самой действенной работы обязана месмерическому или гипнотическому влиянию, а также проецированию мыслеформ, которые на ментальном плане столь же определённы, как обычные материальные предметы на физическом.

Теперь мы перейдём к рассмотрению нескольких методов, которые применяли древнееврейские пророки в своём благом деле исцеления тяжелобольных, а в некоторых случаях и возвращения к жизни, казалось бы, умерших. О действительном воскрешении мёртвых нам ничего не известно. Библейские повествования лишь сообщают, что некоторые люди заявляли, будто другие действительно умерли, тогда как те были столь далеко за пределами досягаемости обычных средств, что непременно очень скоро умерли бы, не

будь они возвращены к жизни силой Божией, действовавшей через пророков. В наши дни мы много слышим о Божественном исцелении и нередко задаёмся вопросом, можно ли когда-либо оправданно прилагать столь великое определение к какой-то одной форме исцеления, ибо мы не вправе ограничивать своё представление о Божественной деятельности теми особыми способами практики, которые сами применяем или которые особо одобряем. Достойный врач, добросовестно назначающий лекарства, имеет не меньше права утверждать, что, по его убеждению, воля Божия состоит в применении внешних средств, чем любой христианский учёный — говорить, что определённая школа душевной практики установлена свыше. Именно здесь христианские учёные становятся смешны: всё они приписывают тем особым методам, которые одобряют и принимают как конфессия, а все прочие порицают.

Совершенно верно, что иудейская религия, как и христианская, вправе ссылаться на Писание в подтверждение довода: даже если каждое чудо исцеления, которое ныне приписывают себе христианские учёные, таково, как о нём говорят, в нашем столетии не совершается никаких чудес,

больших тех, что были явлены давно в древнем Израиле, а позднее — христианскими апостолами. Илия и Елисей — двое величайших пророков, упомянутых в Ветхом Завете, которые действовали особенно в роли целителей. О каждом из этих могучих мужей сказано, что он вернул к жизни сына вдовы, объявленного умершим, и оба, согласно повествованию, применяли то, что в наши дни мы назвали бы сочетанием душевных, духовных и магнетических методов. Пророческое учение и практика во многом подтверждают мысль, что Бог действует через все природные орудия; но поскольку человек обладает несравненно большей долей Божественного Духа, чем любое существо ниже человека, человеческая способность далеко превосходит любую целебную силу, какую мы можем найти в растении или минерале. Самые крайние случаи страдания, а также наиболее тяжёлые и запущенные стадии смертельной болезни, естественно, требуют способа лечения гораздо более мощного и действенного, чем обычные, более простые случаи; поэтому всегда считалось, что лишь величайшие из пророков могли исцелять проказу или возвращать к жизни тех, кто казался мёртвым, хотя на деле они могли быть лишь при смерти. Есть один случай, который,

пожалуй, даёт больше пищи для размышлений, чем любой другой в связи со служением Елисея, а именно случай Неемана, сирийского военачальника, которого еврейская девушка, прислуживавшая его жене, направила к великому пророку в Израиле. Тот, как сказано, сначала принял его весьма сухо и решительно отказался совершать какие-либо магические действия, сколько бы сокровищ Нееман ни был готов на него возложить.

Эта история выпукло показывает неприязнь иудейских пророков к обрядовой магии в эпоху, когда почти повсеместно верили, что болезни вызываются злыми духами и что их можно изгнать заклинаниями. Где бы ни придерживались такой веры, человека обычно представляют марионеткой в руках невидимых сил, нередко злобных, которых можно прогнать некими тонкими приёмами, доступными лишь обученным изгонителям. У этой теории страдания и его лечения есть очень большой нравственный недостаток: она подразумевает, что наш собственный образ жизни мало (если вообще) связан с нашим общим здоровьем. Это учение совершенно противоположно всему благотворному наставлению Пятикнижия, которое отводит много места подробным указаниям о способах жизни: при

должном соблюдении они предотвращают болезни даже действеннее, чем доставляют средства от тех, что уже появились в общине. Один лишь взгляд с точки зрения санитарии делает Моисеев закон достойным глубочайшего восхищения, и это столь полностью было доказано много раз в Европе на протяжении христианских веков, что одним из обвинений против евреев во время всеобщих моров было то, что они занимаются нечестивыми магическими искусствами, позволяющими им противостоять опустошениям чумы, косившей окружающее нееврейское население. Подлинной причиной этого удивительного иммунитета было строгое соблюдение санитарных законов, изложенных в Торе. Сейчас мы наблюдаем весьма здоровое возрождение общественного интереса к санитарии; сегодня мало кто (если вообще кто-либо) из врачей отказывается признать, что, если мы живём чисто и здорово, нам, как общинам, не придётся страдать от зимотических и туберкулёзных болезней.

Лечение чахотки свежим воздухом в сочетании с общей чистотой и простой питательной пищей идёт рука об руку со всяким разумным душевным исцелением. Всё, что возвышает ум, укрепляет тело;

всё, что угнетает ум, ослабляет тело; и точно так же всё, что вредит телу, пагубно отзывается на уме. Нелепая и кощунственная мысль, будто Бог посылает болезнь (если не считать крайне узкого смысла, в котором мы сами навлекаем её на себя, действуя вопреки какому-либо закону природы, а он неизбежно есть внешнее выражение Божественного порядка), не получает в Библии никакой поддержки, хотя многие служители религии говорили Богу в своих молитвах, что Ему угодно было послать болезнь на членов их паствы; между тем, займи они пророческую позицию, они молились бы о том, чтобы страждущие пришли к более полному познанию Божественного закона и научились согласовывать свою жизнь с его требованиями. Когда Елисей велел Нееману семь раз омыться в Иордане, чтобы исцелиться от проказы, он глубоко оскорбил своего надменного гостя, который сильно разгневался и с негодованием отказался внимать столь дерзкому указанию; но когда Нееман вернулся домой и увидел, что болезнь продолжает прогрессировать, он постепенно изменил своё душевное настроение и, возвратившись к Елисею, выразил готовность исполнить его указания. Семикратное омовение в

Иордане означает преобразование собственной жизни, а вовсе не просто и не главным образом принятие нескольких ванн в священном потоке.

Решающий момент повествования — там, где пророк говорит своему пациенту, что тот должен сам что-то сделать, а не ждать, что врач сделает всё за него. Это очень смелая позиция, когда имеешь дело с военачальниками или другими знатными людьми, которые привыкли отдавать приказы и принимать почести, а не повиноваться чужим указаниям. Вероятно, никто, кроме пророка, не имел бы достаточно мужества совершенно прямо высказать своё мнение очень богатому пациенту, занимающему исключительно высокое положение в обществе. Неизлечимых болезней *как таковых* нет, но есть много расстройств, кажущихся неизлечимыми лишь потому, что у нас нет необходимых средств для их победы. Закон об изоляции прокажённых можно считать полезным и гуманным, если учесть, что там, где нет лекарства, допускать свободное общение людей с заразными болезнями с остальными, кто может оказаться восприимчивым к заражению, — это не доброта к страдальцам, а несправедливость к населению. Меры предосторожности, разумеется, уступают

пророческой силе исцеления, но высших сил и большего знания мы не достигнем, глупо пренебрегая полезными санитарными предписаниями. Сегодня, вероятно, есть люди, которые вполне безопасно могут общаться с прокажёнными, и, несомненно, есть немногие, знающие средство от проказы; и не слишком ли много надеяться, что в ближайшем будущем знание о том, как исцелять недуги, издавна считавшиеся неизлечимыми, станет общим умственным достоянием. Когда это счастливое положение дел утвердится навсегда, мы можем быть уверены, что учение истинных врачей, весьма далёких от аптекарей, будет иметь такой характер, что самые неприятные болезни, которых люди сейчас боятся больше всего, скоро совершенно исчезнут, а сами их названия будут вычеркнуты из наших словарей.

Хотя в подавляющем большинстве случаев так называемые магические исцеления от болезней можно справедливо приписать вере и воображению пациента (воображение — терапевтическое средство огромной силы и ценности), из этого отнюдь не обязательно следует, что магические обряды, совершаемые с искренней уверенностью дисциплинированными магами, не имеют никакой

ценности; есть и ещё один аспект предмета, который нельзя упускать из виду, а именно действительная эффективность — как на психическом, так и на физическом плане — некоторых лекарственных средств, применяемых в оккультных врачебных искусствах. Доктор Франц Гартман в весьма поучительном трактате об этом вопросе показал, как различные разряды практиков в Средние века обращались к знанию о силах многих растений и трав, не входивших в обычную фармакопею.

Общее учение оккультистов всех школ сводится к тому, что существуют различные планы природы, невидимые наравне с видимыми, и что мы можем научиться делать невидимое, как и видимое, полезным для себя (растение или трава в глазах оккультиста — это существование ещё и на каком-то ином плане, помимо физического); поэтому можно обоснованно утверждать, что оккультное врачевание применимо как к психической, так и к физической стороне человеческой нужды. Некоторые из более грубых средств, применявшихся в Европе несколько столетий назад, могут показаться отвратительными и глупыми с точки зрения привередливого чувства, но мы не

можем похвалиться тем, что наша сегодняшняя медицинская система полностью свободна от крайне неприятных практик. Если мы возражаем против некоторых из них, их сторонники немедленно говорят нам, что дело врача — приложить все усилия, чтобы избавить пациента от хватки болезни; а потому мы не можем быть привередливы там, где речь может идти о жизни и смерти; и эта позиция настолько в основе своей здрава, что почти неоспорима. Однако мы вправе заявить протест против лимф, сывороток и тому подобного, о которых знаем, что они нечисты и вредоносны, и особенно против тех, которые можно получить лишь ценой великой жестокости; жестокости же никакой оккультист благожелательного типа не терпит, будь она направлена на человека или на животное. Весьма примечательно, что самые решительные протесты против вивисекции исходят от учеников оккультизма, которые довольно глубоко погрузились в бездну тайны, веками окутывавшей всякий магический обряд.

Доктор Анна Кингсфорд и Эдвард Мейтленд, подарившие нам «Совершенный путь», были среди самых горячих обличителей всяческих опытов над

живыми животными; а Теософское общество в целом ныне определённо активно выступает за прекращение вивисекции — не только из сострадания к мукам животных, но и в интересах человечества, дело которого никогда не может быть истинно послужено попранием гуманных чувств, ибо они, помимо того, что воспитывают многое милое и прекрасное в наших душевных склонностях, ещё и служат тому, чтобы оберегать нас на невидимых планах природы. Возможно, будет интересно и поучительно кратко очертить некоторые из главных методов, принятых у магов, насколько они публично описаны, чтобы сравнить их с некоторыми терапевтическими мерами, признаваемыми действенными сегодня. В сравнительно недавние времена ни одно имя не выделяется в летописях магического исцеления заметнее, чем имя Теофраста Парацельса, основавшего весьма примечательную школу, в которой магнетизм прославлялся как могучее средство, посредством которого должно совершаться исцеление. Мы так привыкли к термину «магнетическое исцеление», он зачастую столь расплывчат и вместе с тем обширен, что редко передаёт сколько-нибудь ясное представление о заявляемых возможностях или применяемых

методах, помимо общепринятой мысли, что магнетизёры возлагают руки на пациентов и утверждают, будто некое действенное излучение переходит от одного тела к другому. Парацельс, будучи человеком глубокой учёности и проницательного взгляда на сокрытые области природы, естественно, излагал бы взгляды на магнетическое исцеление весьма иные, чем те, что высказывают сравнительно малограмотные люди, нередко совершающие много добра без всякого научного понимания того, как они это делают. Парацельс преподавал учение, с некоторыми собственными изменениями, которое передавалось из века в век с самой отдалённой поры, о какой у нас есть какие-либо свидетельства, и именно сочетанию знания и мастерства он был обязан своими чудесными способностями как чудотворец и как учитель.

Все мы можем теоретически преподавать то, что постигли умом, но чтобы практически продемонстрировать своё знание, требуется гораздо больше, чем умственная осведомлённость; поэтому всегда подтверждалось, что те, кто хочет успешно выступать наставниками в исцелении магнетическими средствами, должны вести особый

образ жизни, ибо в магнетическом лечении индивидуальность и личность лечащего вовлечены в гораздо большей степени, чем в обычной врачебной практике, где письменный рецепт считается фактором первостепенной важности. Но хотя назначение составных лекарств составляет большую часть принятой медицинской практики, хорошо известно и свободно признаётся во всём медицинском сословии, что личность врача очень сильно влияет на чашу его неудачи или успеха; а поскольку личность, которая одним людям может казаться очаровательной, другим неприятна, и магнетические излучения, успокаивающие одних страдальцев, тревожат других, то неизменный успех во всех случаях, по симптомам признанных сходными, редко выпадает на долю какого-либо практика, если вообще выпадает. Оккультисты учат, что у нас есть особенности как внутреннего, так и внешнего устройства, и о них надо заботиться особым образом; а поскольку широким словом «магнетизм» нередко обозначают психическое истечение как умственного, так и физического целителя, то такие слова, как «мне нравится (или не нравится) магнетизм этого человека», часто слышны в кругах, где научные стороны вопроса совершенно неизвестны. Систему Парацельса

порой называли «минеральной», потому что он учил, что минеральное, как и растительное и животное царства, содержит тонкий эликсир жизни, который можно научно перегнать, когда достаточно знаком с магическими формулами.

Если бы Парацельс жил в наше время, он, вероятно, гораздо меньше прибегал бы к терминологии, которую называли «мистической тарабарщиной»: этот иероглифический способ общения между учителями и учениками и между собратьями-посвящёнными предназначался не только для того, чтобы оберегать тайны от «непосвящённых», но в весьма большой мере применялся как необходимая предосторожность в те времена, когда всякому, кого подозревали в занятии магией, грозила серьёзная опасность. Имея ключ к истолкованию таинственных символов, можно легко раскрыть немалую часть учения Парацельса, но весь его свод учения написан двойным шифром, так что намеренно имеет два различных, но тесно связанных смысла: один относится к буквальной практике врачебного искусства, другой — к изложению сокровенного учения о делании трансмутации, которое, в свою очередь, также имеет два различных значения. Нет

сомнений, что Парацельс от природы был весьма одарён и что он использовал свои таланты с особой целью — спасти практику медицины от жалкого вырождения, в которое она впала в его время, когда ученики Галена тратили большую часть времени на глупые споры и прения и очень мало достигали в исцелении.

Парацельс заявлял, что он обращается прямо к природе, отвергая все учения школ, которые в его время были почти никчёмны. Он изучал металлургию и стал горным специалистом; он много путешествовал и собирал сведения повсюду, куда приходил, и всё это обращал себе на великую пользу. Его биографы говорят, что он учился у людей всякого рода и никогда не был слишком горд, чтобы принять знание даже от самого скромного. Когда он уже стяжал великую славу как врачеватель ран и обладатель огромного количества разнообразных сведений, он стал лектором Базельского университета, куда со всей Европы стекались самые знаменитые люди. В своих учениях он проявлял великое почтение к Гиппократу, шедшему тем самым путём, которым сам он искал истину. Он заявлял, что аптекари выступают против него, потому что он не желает одобрять их

шарлатанство; его собственные рецепты были очень просты и никогда не состояли из сорока или шестидесяти составных частей, как у галеновых врачей. В очерке о силе магнита он говорит: «Магнит издавна лежал перед всеми глазами, и никто никогда не задумывался, есть ли в нём какая-либо иная польза или иное свойство, кроме притяжения железа. Корыстные врачи жалуются, что я не следую древним, но в чём же мне им следовать? Всё, что они сказали о магните, сводится к ничему. Положите на весы то, что сказал о нём я, и судите. Если бы я слепо следовал другим и сам не ставил опытов, я знал бы не больше того, что видит всякий крестьянин: магнит притягивает железо. Мудрый человек должен исследовать сам, и так я обнаружил, что магнит, помимо этой очевидной силы притягивать железо, обладает другой, скрытой силой.

«При болезни вы должны положить магнит в средоточие, откуда исходит болезнь. У магнита два полюса: один притягивает, другой отталкивает. Совсем не безразлично, каким из этих полюсов человек воздействует. При падучей и всякого рода эпилепсии, когда приступ поражает особенно голову, надлежит положить четыре магнита на

нижнюю часть тела притягивающим полюсом вверх и только один на голову отражающим полюсом вниз, а затем привлечь им в помощь другие средства». Парацельс считал, что в этих немногих абзацах сосредоточено больше ценных сведений, чем во всех многословных утверждениях обычных врачей его времени.

Парацельс был также астрологом и придавал большое значение звёздному магнетизму, который считал как духовным, так и физическим. В этом он по существу соглашался со знаменитыми древними халдеями, приписывавшими влияние планет их духовной энергии гораздо более, чем их физическим движениям. Он много говорит о «Magnes Microcosmi», малом мире, который считает вселенной в миниатюре. Человек, учит он, содержит четыре великие стихии — огонь, воздух, воду и землю — и должен питаться ими не только ощутимо, через желудок, но и неощутимо, через магнетическую силу, пребывающую во всей природе, из которой каждая особь черпает своё особое питание. Он также много говорит о наших взаимных отношениях с Солнцем и различными планетами, утверждая, что они получают от нас так же, как мы получаем от них. Его знаменитый

«Magisterium Magnetis» — это настойка, извлечённая из магнита, о которой он заявляет, что она есть особое средство, способное вытягивать из человеческого тела болезни всех видов. Он даже заходил так далеко, что утверждал, будто эта таинственная настойка передаёт свои свойства всем близким к ней предметам и что она притягивает не только железо, но и другие тела разных видов.

Парацельс сравнивает человеческое тело с деревом, а жизнь внутри него — с огнём. Магию он называет философией алхимии. Он утверждает, что некая притягательная сила рождается вместе со всеми людьми и благодаря ей мы способны непрерывно притягивать в свои тела свойства стихий. В тесном согласии с этой мыслью он объясняет причину и способ заражения, которое, как он справедливо считает, относится и к заразительности здоровья, и к заразительности болезни; это утверждение лежит в основе всякого магнетического лечения, как современного, так и древнего. Этот замечательный человек заявлял, что, хотя своё учение он основал на собственном опыте, он обнаружил его в очень близком согласии с учением Библии, которую изучил так основательно, что знал почти всю Книгу наизусть. Право, кажется

поразительным, что люди, которые признают подлинными чудесные рассказы о магнетическом исцелении, рассыпанные по всей Библии, возражают против возложения рук и других простых магнетических приёмов как средств лечения, хотя можно возразить, что минеральный магнит в Писании не упоминается в связи с исцелениями, совершавшимися иудейскими пророками или христианскими апостолами. Дух стихий, утверждает Парацельс, правит низшими склонностями человека, но поскольку в действительности существует лишь одна жизнь, общая сущность пронизывает все формы бытия. Все сотворённые вещи он называет буквами и книгами, повествующими о происхождении и родословной человека. Человеческое тело, согласно его системе, — совершенный микрокосм, который сам человек должен научиться полностью подчинять себе, ибо тело происходит от земли, а дух — из высшего мира. О гадании он говорит много, особенно об астральном теле, которое он ясно отличает от стихийного тела, покоящегося во сне, тогда как астральное продолжает действовать. В этом средневековом учении мы находим слово «астральный», прямо происходящее от звёзд, от которых оно, как говорят, исходит и среди которых

способно путешествовать. Животные, как и люди, обладают астральными телами и потому способны испытывать предчувствия. Парацельс написал любопытную книгу о «Глупцах», о которых заявляет, что в каждом из них есть некая доля мудрости, которая порой прорывается, как солнечный свет сквозь туман. Это сравнение хорошо согласуется со многими нынешними утверждениями о человеческой ауре, которая на деле есть атмосфера, или фотосфера, окружающая каждого человека, яркая и светоносная у высокоразвитых натур, тёмная и мутная там, где над животным уровнем продвинулись мало. В учении Парацельса мы находим выраженную твёрдую веру в действенность заклинаний, но, хотя он верит в силу как проклятий, так и благословений, он ясно даёт понять ученикам, что лишь слабые, глупые и порочные могут быть серьёзно затронуты каким бы то ни было проклятием, тогда как благословения могут полностью принять даже самые высококультурные и духовно продвинутые представители человеческого рода. О высшем роде магии он говорит, что для её практики требуются мощное воображение и твёрдая вера; никакие церемонии на деле не нужны, и обычно они — не более чем обман. «Человеческий дух — столь

великая вещь, что никто не в силах её выразить; как Бог вечен и неизменен, так вечен и неизменен разум человека. Если бы мы правильно понимали этот разум, для нас не было бы ничего невозможного. Воображение укрепляется и совершенствуется верой; всякое сомнение серьёзно мешает магическому действию, ибо именно вера утверждает волю. Поскольку люди воображают и верят несовершенно, их искусства неопределённы, тогда как могли бы быть вполне определёнными».

Другим весьма замечательным человеком — одним из достойнейших и способнейших преемников Парацельса — был Баптист ван Гельмонт, который благодаря своим обширным знаниям, острому суждению и поразительной проницательности открыл в медицине новую эпоху. В истории магнетизма он занимает самое первое место, ибо внёс в эту тёмную область более ясный свет, чем кто-либо до или после него. Делёз в своём знаменитом труде о «Животном магнетизме» говорит о Гельмонте в выражениях щедрой хвалы и приводит немало интересных сведений о его жизни и методах. Он первым дал название «газ» воздухообразным флюидам. В «Истории магии» Эннемозера нам сообщается, что этому доброму и

великому человеку часто приходилось защищать своё учение и практику от глупого обвинения в дьявольском их происхождении, и к удовлетворению учёных и разумных людей его времени его логические опровержения оказывались вполне убедительными, хотя невежды и фанатики по-прежнему цеплялись за это бессмысленное и унизительное заблуждение.

О магнетизме он говорит, что тот имеет небесную природу и не ограничен пределами пространства. Поэтому всякий, кто пользуется магнетическими средствами, предпринимает дело, угодное Богу. О силе внушения он оставил немало достойных высказываний, доказывающих, что наши современные методы были хорошо известны и широко применялись философами-алхимиками, которые в некоторых примечательных случаях, по-видимому, приписывали всю действенность внушению, хотя нередко использовались и заклинания, и другие обряды; в этом они предвосхитили выводы многих учёных психологов наших дней. Сила зла в учении Гельмонта весьма ограничена: он отнюдь не отрицает её целиком, но ясно показывает, как злые (то есть беспорядочные) влияния могут действовать лишь на поверхности

существования, тогда как всё доброе (то есть упорядоченное) обладает практически безграничной силой, ибо действует заодно с великой целью вселенной, а не против неё. Применение трав занимало большое место в практике Гельмонта, и многим растительным продуктам он приписывает магические свойства; например, он говорит, что если держать в руке растёртую некую необыкновенную траву и в то же время держать за руку другого человека, то этот человек сохранит к вам сильную привязанность по меньшей мере на несколько дней. Этот чрезвычайно наблюдательный человек рассказывает необычную историю об одной чувствительной женщине, которая неизменно страдала приступом подагры, если садилась на место, где пять лет назад обычно сидел её брат; этот человек жестоко страдал от мучительного недуга. Люди грубого и невосприимчивого склада могут легко смеяться над такими рассказами, потому что у них нет собственного опыта, способного их подтвердить, но высокочувствительные натуры знают, что такие факты случаются, и вполне в согласии с лучшими и мудрейшими санитарными правилами нашего времени признавать реальность

подобных явлений настолько, чтобы мы сжигали все вещи, долго связанные с хроническим недугом, а также с заведомо заразными болезнями.

Гельмонт, как и все маги, не только признаёт власть людей над животными, но и учит о влиянии, которое животные оказывают на всех обыкновенных людей; он рассказывает немало странных историй об очаровании со стороны животных и приводит некоторые собственные наблюдения в подтверждение своего утверждения. Очарование — очень мощное оружие, которым наделены животные, и без него в борьбе за существование были бы сметены многие виды, которые ныне существуют и размножаются. Психометрия теперь подтверждает многие рассказы Гельмонта, и поскольку средняя чувствительность цивилизованного человечества, по-видимому, заметно возрастает, нам скоро может понадобиться немалое знание мистической философии, чтобы извлекать добрые плоды из этой растущей чувствительности, а не испытывать от неё смущение и упадок сил. Очень прекрасное краткое изложение поистине возвышенной философии Гельмонта мы приводим в следующей цитате: «Когда Бог создал человеческую душу, Он даровал

ей сущностное и изначальное знание. Душа есть зеркало вселенной и состоит в родстве со всем живым. Она озарена внутренним светом; но буря страстей, множество чувственных впечатлений, рассеянность омрачают этот свет, слава которого разливается лишь тогда, когда он горит один, а внутри нас всё мир и согласие. Лишь когда мы знаем себя отделёнными от всех внешних влияний и желаем руководствоваться только этим всеобщим светом, мы обретаем в себе чистое и достоверное знание. В этом состоянии сосредоточенности душа исследует все предметы, на которых покоится её внимание. Она может соединиться с ними, проникнуть сквозь их substance, достигая даже самого Бога и ощущая Его в важнейших истинах». Другое великое изречение этого удивительного человека гласит так: «Врача, избранного Богом, сопровождают многие знамения и чудеса для школ. Он воздаст честь Богу, ибо употребляет свои дары на облегчение страданий ближнего. Сострадание будет его вожатым. Сердце его будет обладать истиной, а разум — знанием. Любовь будет его сестрой, и истина Господня осветит его путь. Он призовёт благодать Божию и не будет побеждён жаждой наживы. Ибо Господь богат и щедр и воздаёт стократно, мерой полной и с верхом. Он сделает

труд его плодотворным и облечёт его руки благословениями. Он наполнит его уста утешением, и слово Его будет трубой, пред которой побегут болезни. Шаги его принесут процветание, и недуг убежит от лица его, как снег тает летним утром. Здоровье последует за ним. Таковы свидетельства Господа о тех целителях, которых Он избрал, — таково блаженство идущих путём доброты; и Дух Святой, кроме того, просветит их как Утешитель».

ГЛАВА XVII.

ЖАННА Д'АРК, ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА.

Среди самых замечательных провидиц, известных новой Европе, имя знаменитой Орлеанской девы стоит особенно заметно, и тем более если принять во внимание эпоху, в которой она жила, и людей, среди которых она действовала. Пятьсот лет назад или менее того положение женщины в Европе сильно отличалось от нынешнего; поэтому в XV веке было куда удивительнее, что простая крестьянская девушка смогла successfully возглавить французскую армию, чем было бы, случись подобное явление сегодня. С какой бы стороны мы

ни подходили к истории Жанны, мы едва ли можем назвать её иначе как чудесной, а как психологическое исследование она по общему значению намного превосходит все соображения, касающиеся непосредственного дела, которое она отстаивала, или тех особых побед, которые она одержала.

Домреми, её родина, была живописной деревней на границе между Францией и Пруссией, и множество легенд густо облепило её — о явлениях святых и ангелов, собиравшихся в этих местах. Особенно романтическое предание связано со знаменитым деревенским деревом, слывшим местом свиданий духов и смертных; именно в его тени простая девушка впервые услышала таинственные голоса и прониклась убеждением, что ей предстоит исполнить великую миссию по небесному указанию. Говорят, что святая Маргарита и святая Екатерина, покровительницы Домреми, являлись ей ещё ребёнком и постепенно раскрывали перед ней ошеломляющую весть: она должна встать во главе французской армии и добиться коронации дофина после того, как разобьёт английские войска, в то время занимавшие значительную часть её родной страны.

В наши дни часто приходится слышать, что женщины не могут носить оружие и потому по справедливости не имеют права голоса; но это утверждение было полностью опровергнуто почти пятьсот лет назад, когда невинная девушка, став полководцем, совершила то, чего, казалось, не мог совершить ни один из её соотечественников-мужчин. История Орлеанской девы решает вопрос о поле с самого начала, показывая, что единственный пропуск к верной победе — личная способность, и никогда не знаешь, когда гений явится облачённым в мужскую или в женскую одежду. Порой юноша, а порой девушка бывает призвана совершить дерзновенные подвиги, за которые успешно взяться могут лишь величайшие герои, и мы никогда не знаем, поднимется ли такой гений из рядов дворянства или из крестьянства; но когда он появляется, он сметает всё на своём пути, подобно могучему циклону, перед которым любое сопротивление неизбежно оказывается бесплодным. Несомненно, стать солдатом — не обычное и не нормальное призвание женщины, да и сама война может сойти на нет гораздо раньше, чем большинство из нас полагает; но когда времена потребовали бесстрашного военачальника, чтобы спасти страну от чужеземного господства,

случилось так, что незримые силы, управляющие судьбами смертных, по крайней мере в один в высшей степени памятный раз призвали необразованную девушку, чтобы она успешно подняла знамя и взяла меч на поле ратных побед. Многочисленные трудности, с которыми пришлось столкнуться Жанне, были столь грозными и почти непреодолимыми, что легко могли бы сломить мужество даже закалённого воина; но невинное дитя, с непоколебимой уверенностью в своей небом направляемой миссии, смахнуло все эти препятствия силой той несгибаемой веры, которая, выражаясь образно, и в самом деле сдвигает горы. Хотя мать её, женщина глубоко духовная, охотно внимала восхитительным рассказам девушки о беседах с ангелами, отец, пусть и не вполне отвергая их, был так потрясён мыслью, что его дочь возглавит армию, что не скрывал своего чувства: он скорее увидел бы её утопленной, чем пустившейся в столь неподобающее предприятие. Но дядя поддержал её замысел, и под его опекой она отправилась на многотрудное и опасное поприще, которое, как она была твёрдо убеждена, не могло завершиться иначе как славой; ибо она не только верила, что её побуждают две святые, — она чувствовала, что главным её вдохновителем был

могучий архангел Михаил, и с этим убеждением, поддерживавшим её дух, её мужество ни разу не поколебалось даже перед самым упорным сопротивлением, которое она встречала как со стороны церковных сановников, так и со стороны светской власти. Рассказ о том, как она переходила с места на место, пока наконец не достигла дофина и в конце концов не добилась его коронации в Реймсе, читается как волшебная сказка, как вымысел, слишком яркий, чтобы занять место среди серьёзных романов. Но мы имеем дело с подлинной историей, а не с сенсационным романом, и здесь воистину подтверждается правдивость давно известной поговорки: «Правда удивительнее вымысла».

Ясновидение Орлеанской девы блистательно проявилось при её первой встрече с человеком, которого её отвага должна была возвести на престол: хотя он совершенно переоделся и посадил вместо себя на привычное место другого, эта уловка оказалась совершенно бесполезной. Дофин, человек очень впечатлительный, глубоко заинтересовался миссией Жанны и вскоре согласился дать ей помощь, нужную для снаряжения армии. Одним из самых замечательных обстоятельств в судьбе Девы

была её необычайная дисциплина, которая тотчас сказалась на улучшении поведения солдат и на изумительном мужестве, которое она вселила во всех, кто был под её началом. Будучи сама глубоко религиозной натурой и считая крайне важным, чтобы религиозные обряды соблюдались неукоснительно, она без труда заставила армию вновь обратиться к давно заброшенным молитвам и вскоре сумела внушить деморализованным людям подлинное благоговение перед всеми добродетелями, которые так ярко воплощала в своей героической особе. В совершенном доверии и неугасимой отваге есть удивительная заразительность, и с какой бы стороны мы ни рассматривали рассказ о видениях и голосах из незримого мира, мы поистине не знаем первых основ психологии, если не видим, какое могучее действие на других может оказать собственное несгибаемое мужество. Будь то Александр, Цезарь, Наполеон, Веллингтон, Вашингтон или Орлеанская дева, ни одна армия никогда не одерживала побед непрерывно, если только её не возглавлял бесстрашный полководец, твёрдо убеждённый, что победа непременно последует за повиновением его (или её) приказу. Кажется невероятным, чтобы Жанна д’Арк могла справиться хотя бы с простым

командованием батальоном, если бы не сумела внушить подчинённым хоть частицу собственной уверенности в небесном руководстве: ведь незрелая девушка во главе полка солдат — зрелище настолько нелепое с любой обычной точки зрения, что наводит скорее на мысль о фарсе, чем о серьёзном сражении. Несомненно, обаяние её личности имело отношение к её успехам, но мы должны твёрдо помнить, что перед нами не пышнотелая женщина, взывающая к восхищению любителей красоты, а святая дева, чьё особое очарование состояло в её высшей преданности духовным идеалам, в её доверии к небесным наставникам и в её непреклонной решимости служить своей стране, несмотря ни на какие опасности, ведомая, как она верила, самим перстом Всемогущего. Из всех историй видно, что её знамя обладало некоей магической притягательностью: один его вид придавал войскам дерзости, ибо они приняли внушение, что этот символ — знак небесного одобрения их похода. Весьма примечательное обстоятельство в этом поразительном повествовании — хорошо подтверждённый факт: когда Дева безоговорочно следовала указаниям духовных голосов, она неизменно побеждала; но когда она полностью

исполнила особое дело, к которому её вели эти голоса, и позднее позволила вести себя в бой, когда они молчали, победа уже не венчала её руководство, она получила тяжёлые телесные раны от рук вражеских войск и вскоре вступила в тот печальный эпизод своего прежде триумфального пути, который в конце концов завершился трагической мученической кончиной. Среди многих жизнеописаний этой поистине чудесной девушки, пожалуй, самое увлекательное — книга «Личные воспоминания», переведённая с французского неизменно восхитительным писателем Сэмюэлем Клеменсом, известным под именем Марк Твен, который говорит: «Подробности жизни Жанны д'Арк образуют биографию, уникальную среди всех биографий мира в одном отношении. Это единственная история человеческой жизни, которая приходит к нам под присягой, единственная, что приходит к нам со свидетельской скамьи. Официальные протоколы Великого процесса 1531 года и процесса реабилитации четверть века спустя до сих пор хранятся в Национальном архиве Франции и с замечательной полнотой излагают факты её жизни. История никакой другой жизни того далёкого времени не известна с такой достоверностью и полнотой, как её. Сьер Луи де

Конт верен её официальной истории в своих личных воспоминаниях, и в этом отношении его надёжность безупречна; но множество добавленных им подробностей должно опираться лишь на его слово». Повесть в изложении этого признанного авторитета разделена на три книги и написана с особенно живым очарованием, позволяющим читателю почувствовать, будто он сам живёт среди необыкновенных сцен, так наглядно изображённых; и французский подлинник, по-видимому, ничего не потерял от перевода на чудесно прекрасный английский Марка Твена. Пересказать это повествование сколько-нибудь полно значило бы, по сути, переписать его заново; но приведённые ниже отрывки из рассказа о суде над Жанной и её мученической смерти, возможно, хотя бы отчасти познакомят наших читателей с тем, что действительно произошло в то время, когда признанная ныне святой Римско-католической церкви обрела право на причисление к лику блаженных. «В девять часов Орлеанская дева, освободительница Франции, вышла в благодати своей невинности и юности, чтобы отдать жизнь за страну, которую так преданно любила, и за короля, который её покинул. Она сидела в повозке, какой пользуются лишь для преступников. В одном

отношении с ней обошлись хуже, чем с преступником: ведь хотя её вели на приговор светского суда, свой приговор она уже несла, заранее написанный на колпаке в форме митры, который был на ней.

«В повозке вместе с ней сидели брат Мартин Ладвеню и мэтр Жан Массьё. Она выглядела по-девичьи прекрасной, милой и святой в своём длинном белом одеянии; и когда волна солнечного света залила её, едва она вышла из мрака тюрьмы и ещё мгновение стояла в раме арки мрачных ворот, собравшиеся толпы бедного люда зашептали: „Видение! Видение!“ — и опустились на колени в молитве, а многие женщины плакали;

и трогательное моление об умирающих поднялось вновь, было подхвачено и понеслось величественной волной звука, сопровождавшей обречённую, утешая и благословляя её на всём скорбном пути к месту смерти. „Христе, помилуй! Святая Маргарита, помилуй! Молитесь за неё, все святые, архангелы и блаженные мученики; молитесь за неё! Святые и ангелы, заступитесь за неё! От гнева Твоего, благой Господи, избавь её! О Господи Боже, спаси её! Помилуй её, молим Тебя, благой Господи!“

«Справедливо и верно то, что сказано в одной из историй: „Бедным и беспомощным нечего было дать Жанне д’Арк, кроме своих молитв; но, смеем верить, они не были напрасны. В истории мало событий более трогательных, чем эта плачущая, беспомощная, молящаяся толпа, державшая зажжённые свечи и стоявшая на коленях на мостовой под тюремными стенами старой крепости.

«И так было на всём пути. Тысячи и тысячи людей стояли на коленях сплошной массой, уходя далеко вдаль, густо усеянные слабыми жёлтыми огоньками свечей, словно поле, усыпанное золотыми цветами.

«Но были и такие, кто не преклонял колен, — английские солдаты. Они стояли плечом к плечу по обеим сторонам дороги Жанны и на всём пути заключали её в стену; а за этими живыми стенами на коленях стояли толпы.

«Вскоре человек в одежде священника, обезумевший, с плачем и стенаниями, пробился сквозь толпу и цепь солдат, бросился на колени у повозки Жанны, воздел руки в мольбе и закричал: „О, прости; прости!“

«Это был Луазелёр!»

«И Жанна простила его; простила от сердца, которое не знало ничего, кроме всепрощения, кроме сострадания, кроме жалости ко всякому страждущему, какова бы ни была его вина. И она не обронила ни слова упрёка этому несчастному, который днём и ночью трудился над обманами, предательствами и лицемерием, чтобы выдать её на смерть.

«Солдаты убили бы его, но граф Уорик спас ему жизнь. Что с ним сталось потом, неизвестно. Он скрылся от мира где-то в глуши, чтобы терпеть своё раскаяние как сумеет.

«На площади Старого рынка стояли два помоста и столб, который прежде стоял на кладбище церкви Сен-Уэн. Помосты были заняты, как и раньше: на одном — Жанна и её судьи, на другом — высокие сановники, главными среди которых были Кошон и английский кардинал Винчестер. Площадь была забита народом, окна и крыши окружавших её домов чернели от людей.

«Когда приготовления были закончены, шум и движение мало-помалу стихли, и наступила выжидающая тишина, торжественная и внушительная.

«И тут по приказу Кошона духовное лицо по имени Николя Миди произнесло проповедь, в которой объяснило, что когда ветвь лозы — то есть Церкви — становится больной и испорченной, её следует отсечь, иначе она заразит и погубит всю лозу. Он представил дело так, будто Жанна по своей порочности была угрозой и опасностью для чистоты и святости Церкви, а потому её смерть необходима. Закончив речь, он повернулся к ней, помедлил мгновение и сказал: „Жанна, Церковь больше не может защищать тебя. Иди с миром!“»

«Жанну посадили совершенно отдельно, на виду у всех, чтобы показать, что Церковь отреклась от неё, и она сидела там в своём одиночестве, с терпением и покорностью ожидая конца. Теперь к ней обратился Кошон. Ему советовали зачитать ей текст её отречения, и он принёс его с собой; но передумал, опасаясь, что она провозгласит правду — что она никогда сознательно не отрекалась, — и так навлечёт на него позор и вечное бесчестье. Он удовольствовался тем, что увещевал её помнить о своих злодеяниях, раскаяться в них и подумать о спасении. Затем он торжественно объявил её

отлучённой и отсечённой от тела Церкви. Последним словом он передал её светской власти для суда и приговора.

«Жанна, плача, опустилась на колени и начала молиться. О ком? О себе? О нет — о короле Франции. Её голос поднялся, нежный и чистый, и проник во все сердца своим страстным трогательным чувством. Она не думала о его предательствах, не думала о том, как он бросил её, не вспоминала, что именно из-за его неблагодарности ей предстоит умереть мучительной смертью; она помнила лишь, что он её король, что она его верная и любящая подданная, что враги подорвали его дело дурными слухами и ложными обвинениями, а его самого нет рядом, чтобы защититься. И так, перед лицом самой смерти, она забыла о собственных бедах и умоляла всех, кто её слышал, быть справедливыми к нему; верить, что он добр, благороден и искренен и ни в чём не виновен за её поступки, ни советом, ни понуждением не причастен к ним и совершенно чист и свободен от всякой ответственности за них. Затем в заключение она смиренными и трогательными словами просила всех

присутствующих молиться за неё и простить её — как врагов, так и тех, кто, быть может, смотрел на неё дружелюбно и жалел её в сердце своём».

«Едва ли там нашлось хоть одно сердце, которого это не тронуло: даже англичане, даже судьи не скрывали этого, и многие губы дрожали, и многие глаза затуманились слезами; да, даже глаза английского кардинала — человека с политическим сердцем из камня, но с человеческим сердцем из плоти».

«Светский судья, который должен был вынести решение и огласить приговор, был сам так потрясён, что забыл о своём долге, и Жанна пошла на смерть без приговора — так беззаконием завершилось то, что было начато беззаконно и так продолжалось до конца. Он только сказал страже:»

«„Возьмите её“; а палачу: „Исполняй свой долг“.»

«Жанна попросила крест. Никто не мог его дать. Но один английский солдат переломил палку надвое, сложил обломки крестом и связал их, и этот крест отдал ей, движимый добрым сердцем, что было в нём; а она поцеловала его и прижала к груди. Затем Изамбар де ла Пьер сходил в ближайшую церковь и принёс ей освящённый

крест; и его она тоже поцеловала, и с восторгом прижала к груди, и снова целовала его вновь и вновь, орошая слезами и изливая свою благодарность Богу и святым».

«И так, плача и держа крест у губ, она поднялась по жестоким ступеням к столбу, а брат Изамбар шёл рядом. Затем ей помогли взойти на вершину кучи хвороста, сложенной вокруг нижней трети столба, и она встала на ней, прислонившись спиной к столбу, а весь мир смотрел на неё снизу вверх, затаив дыхание. Палач поднялся к ней, обвил цепями её хрупкое тело и так приковал её к столбу. Затем он спустился, чтобы завершить своё страшное дело, и она осталась там одна — она, у которой было так много друзей в те дни, когда она была свободна, которую так любили и которая была так дорога».

«Всё это я видел, хотя смутно и сквозь слёзы; но больше вынести не мог. Я остался на своём месте, но то, что я передам вам теперь, я узнал чужими глазами и со слов других. Трагические звуки пронзали мне уши и ранили сердце, пока я сидел там, но всё так, как я говорю: последним образом, запечатлённым моими глазами в тот горестный час, была Жанна д’Арк с неугасшей прелестью её

юности; и этот образ, не тронутый ни временем, ни тлением, остался со мной на все мои дни. Теперь продолжу».

«Если кто-либо думал, что теперь, в этот торжественный час, когда все преступники каются и исповедуются, она отречётся от своего отречения и скажет, что её великие деяния были деяниями злыми, а их источником — сатана и его демоны, то он ошибался. Такой мысли не было в её безгрешном уме. Она думала не о себе и своих муках, а о других и о бедах, которые могут их постигнуть. И потому, обратив скорбные глаза вокруг, туда, где возвышались башни и шпили прекрасного города, она сказала:»

«„О, Руан, Руан! Неужели мне умереть здесь, и тебе быть моей могилой? Ах, Руан, Руан! Я очень боюсь, что ты будешь страдать за мою смерть“.»

«Клуб дыма поднялся мимо её лица, и на миг ужас охватил её, и она вскрикнула: „Воды! Дайте мне святой воды!“ Но в следующее мгновение страх покинул её и больше не приходил мучить её».

«Она услышала, как внизу трещит пламя, и тотчас тревога за ближнего, которому грозила опасность, овладела ею. Это был брат Изамбар. Она отдала ему

свой крест и просила поднять его к её лицу, чтобы глаза её покоились на нём с надеждой и утешением, пока она не войдёт в мир Божий. Она заставила его отойти от опасности огня. Тогда она успокоилась и сказала:»

«„Теперь держите его всегда у меня перед глазами до самого конца“.»

«Даже теперь Кошон, человек без стыда, не мог вынести, что она умрёт в мире, и подошёл к ней, весь чёрный от преступлений и грехов, и закричал:»

«„Я пришёл, Жанна, в последний раз увещевать тебя раскаяться и просить прощения у Бога“.»

«„Я умираю по вашей вине“, — сказала она, и это были последние слова, которые она сказала кому-либо на земле».

«Затем смолистый дым, пронизанный красными вспышками пламени, поднялся густым столбом и скрыл её от глаз; и из сердца этой тьмы её голос вознёсся сильно и красноречиво в молитве, а когда порой ветер относил часть дыма в сторону, мелькали полускрытые взгляду запрокинутое лицо и шевелящиеся губы. Наконец милосердная

быстрая волна пламени взметнулась вверх, и никто больше не видел ни этого лица, ни этого облика, и голос умолк».

«Да, она ушла от нас — Жанна д’Арк! Как малы эти слова, чтобы поведать о богатом мире, ставшем пустым и бедным!

«Брат Жанны, Жак, умер в Домреми во время Великого процесса в Руане. Так сбылось пророчество, которое Жанна произнесла в тот день на пастбище, когда сказала, что остальные из нас уйдут на великие войны.

«Когда её бедный старый отец услышал о мученической смерти, это разбило ему сердце, и он умер.

«Матери город Орлеан назначил пенсию, на которую она и прожила свои дни, а их было немало. Через двадцать четыре года после смерти своего прославленного дитяти она зимой проделала весь путь до Парижа и присутствовала на открытии обсуждения в соборе Парижской Богоматери — это был первый шаг к реабилитации. Париж был переполнен людьми со всей Франции, пришедшими взглянуть на почтенную даму, и это было трогательное зрелище, когда она шла сквозь те

благоговейные толпы с влажными от слёз глазами навстречу великим почестям, ожидавшим её в соборе. С ней были Жан и Пьер — уже не беспечные юноши, что шагали с нами из Вокулёра, а изнурённые войной ветераны, у которых волосы начинали серебриться.

«После мученической смерти мы с Ноэлем вернулись в Домреми, но вскоре, когда коннетабль Ришмон сменил Ла Тремуя на посту главного советника короля и приступил к завершению великого дела Жанны, мы вновь надели доспехи, вернулись в строй и сражались за короля во всех войнах и стычках, пока Франция не была освобождена от англичан. Этого желала бы от нас Жанна; а её желание, мёртвой или живой, было для нас законом. Все оставшиеся в живых из её личной свиты хранили верность её памяти и сражались за короля до конца. По большей части мы были разбросаны далеко друг от друга, но когда пал Париж, мы случайно оказались вместе. Это был великий и радостный день; но вместе с тем и печальный, потому что Жанны не было с нами, чтобы вступить в захваченную столицу

«Мы с Ноэлем всегда оставались вместе, и я был рядом с ним, когда смерть забрала его. Это случилось в последней великой битве войны. В той битве пал и стойкий старый враг Жанны — Тальбот. Ему было восемьдесят пять лет, и всю свою жизнь он провёл в сражениях. Славный это был старый лев, с развевающейся белой гривой и неукротимым духом; да, и с неистребимой энергией тоже: в тот день он бился так же рыцарственно и мощно, как лучший из бойцов.

«Ла Гир пережил мученическую смерть на тринадцать лет и, разумеется, всё время сражался, ибо только это и радовало его в жизни. За всё это время я ни разу его не видел, потому что мы были далеко друг от друга, но о нём всегда слышно было.

«Бастард Орлеанский, Д'Алансон и Д'Олон дожили до освобождения Франции и вместе с Жаном и Пьером д'Арк, Паскерелем и мной свидетельствовали на реабилитации. Но все они уже много лет покоятся с миром. Один я остался из тех, кто сражался рядом с Жанной д'Арк на великих войнах. Она сказала, что я буду жить, пока эти войны не забудутся, — но пророчество не сбылось.

Проживи я хоть тысячу лет, оно всё равно не сбудется. Ибо всё, что соприкасалось с Жанной д'Арк, бессмертно.

«Члены семьи Жанны вступили в браки и оставили потомков. Их потомки — дворяне, но их фамилия и кровь приносят им почести, каких не получают и на какие не могут надеяться никакие другие дворяне. Вы видели, как все по дороге обнажали головы, когда вчера те дети пришли засвидетельствовать мне своё почтение. Это не потому, что они благородного рода; это потому, что они — внуки братьев Жанны д'Арк.

«Теперь о реабилитации. Жанна короновала короля в Реймсе. В награду он позволил травить её до смерти, не сделав ни единой попытки её спасти. В течение следующих двадцати трёх лет он оставался равнодушным к её памяти, равнодушным к тому, что её доброе имя покрыто позорным пятном, которое поставили священники за дела, совершённые ею ради спасения его и его скипетра, равнодушным к тому, что Франции стыдно. Всё это время — равнодушие. Затем он вдруг переменился и сам пожелал добиться справедливости для бедной Жанны. Почему? Неужели он наконец стал благодарным? Неужели угрызения совести напали

на его жёсткое сердце? Нет; у него была причина получше — получше для человека его сорта. Эта лучшая причина состояла в том, что теперь, когда англичан окончательно изгнали из страны, они начали привлекать внимание к тому, что этот король получил корону из рук особы, которую священники признали состоявшей в союзе с сатаной и сожгли как колдунью, — а потому какова цена и какова власть такого королевского достоинства? Никакой; ни одна нация не могла позволить такому королю оставаться на престоле.

«Теперь самое время было зашевелиться, и король это сделал. Так Карл VII вдруг воспылал заботой о том, чтобы восстановить справедливость к памяти своей благодетельницы.

«Он обратился к папе, и папа назначил великую комиссию из церковников, чтобы исследовать факты жизни Жанны и вынести приговор. Комиссия заседала в Париже, в Домреми, в Руане, в Орлеане и в нескольких других местах и продолжала работу несколько месяцев. Она изучила протокол процесса Жанны, допросила Бастарда Орлеанского, герцога Д'Алансона, Д'Олона, Паскереля, Курселя, Изамбара де ла Пьера, Маншона, меня и многих других, чьи имена я сделал вам знакомыми; а также допросила

более ста свидетелей, чьи имена вам менее знакомы, — друзей Жанны в Домреми, Вокулёре, Орлеане и других местах, и ряд судей и прочих людей, присутствовавших на руанских процессах, при отречении и при мученической смерти. И после этого исчерпывающего расследования характер и история Жанны предстали безупречными и совершенными, и этот вердикт был занесён в протокол, чтобы остаться навеки.

«Я присутствовал на большинстве этих заседаний и вновь увидел многие лица, которых не видел четверть века; среди них — некоторые горячо любимые: наших полководцев и Катрин Бушер (замужней, увы!), а также иные лица, наполнившие меня горечью, — Бопера, Курселя и ряда их собратьев по исчадиям ада. Я увидел Омет и Малютку Менжетту — ныне им уже под пятьдесят, и они матери многих детей. Я увидел отца Ноэля и родителей Паладина и Подсолнуха.

«Прекрасно было слышать, как герцог Д'Алансон хвалит блестящие способности Жанны как полководца, и как Бастард своим красноречивым языком подтверждает эти похвалы, а затем продолжает рассказывать, какой милой и доброй была Жанна, как она была полна отваги, огня,

порывистости, озорства и веселья, нежности и сострадания и всего, что чисто, прекрасно, благородно и мило. Он заставил её ожить передо мной вновь и надорвал мне сердце.

«Я закончил свою повесть о Жанне д'Арк, об этом чудесном дитяти, об этой возвышенной личности, об этом духе, который в одном отношении не имел равных и не будет иметь: в чистоте от всякой примеси своекорыстия, расчёта, личного честолюбия. Ни следа этих побуждений в ней не найти, как ни ищи, а этого нельзя сказать ни об одном другом человеке, чьё имя встречается в светской истории.

«Для Жанны д'Арк любовь к родине была больше чем чувством — это была страсть. Она была гением патриотизма — патриотизмом воплощённым, овеществлённым, обратившимся в плоть, осязаемым на ощупь и видимым глазу.

«Любовь, Милосердие, Милость, Стойкость, Война, Мир, Поэзия, Музыка — их можно изображать, как кому угодно, фигурами любого пола и любого возраста; но тонкая девушка в первом юном цвету, с мученическим венцом на голове и с мечом в руке,

разорвавшим оковы её страны, — разве не она, и никто другой, будет стоять за ПАТРИОТИЗМ во все века, пока не кончится время?»

Таков в кратком изложении правдивый рассказ об одном из самых удивительных случаев вдохновенной храбрости и истинного мученичества, какие когда-либо знал мир. В судьбе Девы, возможно, ещё остаются психологические тайны, которые ни физическое, ни психическое исследование пока не смогло до конца постичь, но это не повод отказывать в согласии тому обильному свидетельству, которое ясно указывает на сверхфизический элемент в жизни этой загадочной девушки, чьё имя спустя почти пять столетий после её ухода из физического тела обретает всё новую славу и блеск. И Европа, и Азия, и христианские века, и времена более древние — все свидетельствуют о действительности духовного вмешательства в дела человечества на земле, тем самым полностью опровергая ошибочное предположение, будто этот мир одинок в пространстве или будто его обитатели, пока они воплощены, отрезаны от общения с разумными существами на иных, нежели физический, планах проявления. Всякий раз, когда нужно совершить

какое-то дело, поднимаются подходящие орудия для его исполнения, и они, как в настоящем, так и в прошлом, нередко поначалу кажутся совершенно непригодными для великих задач, к которым были избраны. Время оправдывает всё. Справедливость царит и должна торжествовать вечно.

ГЛАВА XVIII.

ЭНДРЮ ДЖЕКСОН ДЭВИС, ПРОВИДЕЦ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА, — ВЗГЛЯД НА ЕГО ФИЛОСОФИЮ.

Среди поистине удивительных пионеров великой новой волны мысли, которая в минувшем столетии во многом совершила переворот во всём мыслящем мире, имя Эндрю Джексона Дэвиса, автора «Божественных откровений природы», «Великой гармонии» и многих других замечательных литературных трудов, заслуживает особенно высокого и почётного места. Мы так много слышим о влиянии наследственности и окружающей среды, что обычно сильно удивляемся, когда высокоодарённый писатель обнаруживает

поразительные познания почти по любому предмету, а о его предках и ранней жизни нам не известно ничего примечательного.

Мать Эндрю Джексона Дэвиса, по-видимому, была доброй, честной, обыкновенной женщиной, не отличавшейся никакими замечательными чертами или свойствами, а о ранних годах самого мальчика нам удаётся узнать лишь то, что он посещал обычные сельские школы и в ранней юности был отдан в ученики к сапожнику. Без какой-либо духовной теории, объясняющей гениальность, нам остаётся лишь пребывать в полной растерянности перед великой библиотекой внешне скромных, но интеллектуально внушительных томов, недавно переизданных издательством «Остин паблишинг компани» в Рочестере, штат Нью-Йорк, и уносящих нас к сороковым и пятидесятым годам девятнадцатого века. Помимо феноменального характера их авторства, сами труды представляют собой грандиозное откровение: они содержат глубокие и учёные трактаты по всем естественным наукам и вдобавок берутся дать нам удивительное просвещение относительно (обычно) невидимой вселенной.

На примере Эмануэля Сведенборга мы можем проследить постепенную эволюцию могучего интеллекта. Сведенборг родился в известной семье учёных и постепенно, чётко обозначенными последовательными ступенями, поднимался от трактатов по естествознанию и философии к рассуждениям о духовной вселенной. Но если Сведенборгу было за пятьдесят, когда он взялся раскрывать чудеса жизни в духовных сферах, то провидец из Покипси был моложе двадцати лет и совершенно неграмотен в университетском смысле, когда с поразительной проницательностью и богатством слога начал раскрывать чудеса бесчисленных сверхфизических состояний и условий, о которых большинство даже самых сведущих учёных признавалось, что почти ничего не знает. Будь труды Дэвиса дикими романами или рассказами об экстатических видениях, лишёнными логической связности и последовательности, мы могли бы быстро отвергнуть их как психические причуды и не уделять серьёзного внимания их наставлениям; но в сочинениях Дэвиса мы сталкиваемся с таким запасом научных и исторических сведений, что эти книги остаются чудом учёности, даже если не обращать никакого внимания на описания

невидимых сфер, которые, как нам говорят, юноша ясно созерцал в высшем состоянии. Первый из этих великих трудов был представлен общественности в 1846 и 1847 годах, то есть незадолго до того года, когда «рочестерские стуки», как считается, положили начало современному спиритуализму. Таким образом, Дэвис был предтечей всех тех современных пророков, которые потрясли Америку своими откровениями о жизни после смерти и каждый из которых в первые дни спиритуалистического движения смотрел на свою связь с миром духов несколько иначе, чем сам Дэвис. Все мы знаем, что обычное представление о медиумизме — это состояние, в котором медиум находится под властью или руководством некоего внешнего влияния, и обычно утверждается, что это влияние действует через медиума; тогда как в «высшем состоянии» Дэвиса, во многом напоминавшем состояние Сведенборга, он утверждал, что сам видит и слышит, что происходит в других мирах или на других планах существования, благодаря расширению собственного восприятия, позволяющему ему видеть во вселенной гораздо дальше, чем возможно при одних лишь обычных способностях. Мы читаем в его «Автобиографии», названной «Волшебный

посох», что поначалу его магнетизировали, или месмеризировали, и в магнетическом, или месмерическом, состоянии он проявлял необыкновенную ясность восприятия. Но люди, работавшие с ним таким образом, были совершенно неспособны передавать через него те чудесные сведения, которые вскоре стали потоком изливаться из его уст, хотя их манипуляции, по-видимому, и открыли дверь в состояние транса, вскоре уступившее место более высокому состоянию независимой ясновидящей способности. До какой степени магнетизм, или месмеризм, может действительно помогать психическому развитию — вопрос весьма открытый и жарко оспариваемый, но основная масса свидетельств в этом направлении, которые мы вправе считать достоверными, говорит о том, что он нередко подготавливает путь для последующего более высокого развития, главным образом устраняя ту крайнюю самосознательность, которая, в сочетании с чрезмерным вниманием к внешней стороне вещей, несомненно, является главной преградой на пути умственной и духовной ясности. Хотя любому логически мыслящему человеку совершенно ясно, что никто не может передать знание, которым сам не обладает, отнюдь не безосновательно предполагать, что через

посредство месмериста могут быть устранены некоторые препятствия, обычно мешающие получать сведения психическим путём. В середине прошлого столетия месмерические опыты были в большой моде среди многих учёных докторов, среди которых выделялся знаменитый доктор Грегори из Эдинбурга; в его давно известном труде «Животный магнетизм, или Месмеризм и его явления» содержится множество вполне достоверных описаний замечательного ясновидения, вызванного месмерическим воздействием. Но по большей части это ясновидение было очень близко к передаче мыслей, телепатии и мысленному телеграфированию, о которых мы теперь постоянно слышим и читаем. Сопоставьте скудные результаты многих недавних попыток установить связь с невидимым миром, предпринятых такими выдающимися учёными знаменитостями, как, например, сэр Оливер Лодж, с великолепным вдохновенным наследием провидца из Покипси — и нас лишь сильнее ошеломит ослепительное великолепие откровения, которое почти совершенно упущено научным миром, хотя видная его часть занимается попытками решить как раз те проблемы, которые это откровение, по-видимому, в значительной мере уже решило. Но не

будем забывать, что сколь бы удовлетворительным и удивительным ни казалось это откровение, оно, по-видимому, не даёт того ясно доказательного личного свидетельства о бессмертии личности, которого добиваются наши современные искатели, — разве что мы признаем таким доказательством многочисленные случаи зафиксированного ясновидения, которыми изобилуют его сочинения. Нетрудно представить себе позицию наших современных комитетов психических исследований относительно неопровержимых доказательств, и если бы мы стали настаивать перед ними на подобных предполагаемых доказательствах, они, естественно, спросили бы: где ваше доказательство того, что эти видения — не плод плодовитого и весьма живого воображения? На этот вопрос мы действительно не можем дать ответа, который оказался бы убедительным для всех. Тем не менее можно резонно возразить, что сообщённые сведения столь обширны, глубоки и разумны, что весьма велика вероятность их происхождения из того источника, откуда, по словам получателя, они и исходили. Но в наши дни «перекрёстные соответствия» и другие новые формы телепатического общения занимают центр сцены в определённых научных кругах, и эти явления

действительно чрезвычайно интересны и заслуживают полнейшего внимания со стороны серьёзных исследователей повсюду. Однако это отнюдь не оправдывает сужения нашего кругозора и ограничения наших изысканий тем очень узким полем, на котором, по-видимому, желают вести свои исследования многие учёные. Просмотрев содержание ценной недавней книги сэра Оливера Лоджа — о которой широко писали в самых разных периодических изданиях и которая дала темы для многих лекций и очерков, — мы находим, что наиболее характерные свидетельства как земной, так и сверхземной телепатии состоят в диалогах крайне заурядного свойства; этот факт профессор Хислоп и многие другие серьёзные исследователи считают подтверждением того, что индивидуальность гораздо полнее выражается через проявление мелких особенностей, нежели через глубокие высказывания, которые, как бы ни были ценны с философской точки зрения, не производят убедительного впечатления, будто исходят от определённого индивидуального разума. Одна из особых черт заявленного вдохновения А. Дж. Дэвиса состоит в том, что он получал его от «сферы» разума, а не от какого-либо отдельного лица, и именно поэтому ему, возможно, недостаёт

особого личного характера, присущего дружеским посланиям между родственными душами, зато оно неизмеримо выигрывает в глубине чувства и величавости речи. Труд Дэвиса, очевидно, был направлен гораздо более на то, чтобы побудить людей размышлять о великих проблемах универсальной жизни, чем на то, чтобы давать им частные сведения об их личных делах; и всё же, поскольку меньшее всегда может быть включено в большее, усердный ученик гармонической философии может найти полные ответы почти на любой вопрос, относящийся к личной стороне жизни здесь и в загробном мире. «Волшебный посох», на который, по словам Дэвиса, его духовные наставники рекомендовали ему всегда полагаться в любую минуту сомнения и трудности, был выражен такими словами: «Вот твой волшебный посох: ПРИ ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОХРАНЯЙ РОВНЫЙ НРАВ. Возьми его; испытай его; ходи с ним; говори с ним; опирайся на него; веруй в него вовеки». Нам рассказывают, что эти слова явились ему в сияющем свете, но им овладело сомнение, и он спросил: «Неужели эта самая длинная фраза — мой волшебный посох? „При любых обстоятельствах сохраняй ровный нрав“ — это и есть тот мистический посох, который, как мне казалось, я

потерял или забыл?» В мгновение ока белое сияние исчезло, и на его месте вспыхнуло: ДА. Это удовлетворило его, и с того дня, по его словам, он всегда опирался на этот надёжный посох, который не покидал его в течение всей его долгой, насыщенной событиями жизни, завершившейся, когда ему было больше восьмидесяти трёх лет. Это откровение пришло к нему в 1844 году, некоторое время до более чудесных переживаний, которые быстро и густо последовали за ним, пока наконец мы не видим, что под его рукой выросло не менее двадцати семи замечательных томов — вследствие того, что он всегда следовал руководству того дивного вдохновения, которое возвысило его до ранга поистине удивительного пророка и философа. Личные подробности всегда интересны, когда речь идёт о замечательных людях, ибо они проливают некоторый свет на темперамент и характер тех, кому суждено совершить необычную работу в мире. Дэвис говорит о себе, оглядываясь на годы своего детства: «Я любил истину; питал благоговение к знанию; был несколько весёлого нрава; обладал скудным воображением; не верил или ничего не знал о существовании привидений и тому подобного; боялся смерти и ещё больше боялся столкнуться с тем, что может существовать за

гробом; был склонен к самопроизвольному лунатизму; имел слух на то, что я тогда называл воображаемыми голосами; память моя была слаба на даты; ум почти бесплоден в отношении обычного образования; сердце очень отзывчиво к испытаниям и страданиям; и наконец, я был расположен к размышлению и свободе уединения». Говоря о своём физическом состоянии, он сообщает, что тело его было развито несовершенно; грудь узкая; позвоночник короткий и слабый; желудок очень чувствительный; мускулатура нездоровая и негодная; нервная система в высшей степени впечатлительная, — и завершает это малопривлекательное описание своей внешности и состояния заявлением, что он не был способен вызвать у посторонних сколько-нибудь большой интерес к своему существованию. Эти сведения представляют большой научный интерес, поскольку служат неопровержимым доказательством того, что развитие психической способности у хрупкого юноши, когда оно разумно направляется, не только не ведёт к физической немощи или умственному упадку, но помогает выстроить крепкий ум и тело, которые не только выдержали значительное физическое и умственное напряжение на протяжении долгой жизни, но и послужили

доброму и благородному делу — передаче множеству людей огромного количества целительных знаний. Что с повышенной чувствительностью любого рода связаны опасности, ни один разумный исследователь не станет отрицать, но они часто сильно преувеличиваются, и нигде это не проявляется так болезненно очевидно, как среди людей, которые неразумно осуждают и хулят любое упражнение сверхфизических способностей. Среди многочисленных трудов Дэвиса его «Руководство для лицеев» особенно увлекательно и даёт прекрасную и всестороннюю основу для здорового обучения и занятий детей и молодёжи в либеральных воскресных школах. Хотя лицейское движение в Америке несколько ослабло, оно глубоко укоренилось и ныне расцветает по всей Великобритании и во многих британских колониях. Система обучения и занятий так прекрасна и естественна, что раскрывает всю натуру юноши или девушки, проходящих её целиком, и вместо того, чтобы навязывать детям сомнительные богословские догматы, которые никто не пытается постичь до конца, молодых людей в лицее мягко ведут через созерцание красот внешней природы к постижению тайн ещё более славной духовной вселенной. В пятом томе «Великой гармонии» перед

нами предстаёт почти полное краткое изложение учений величайших в мире провидцев и мудрецов, от глубокой древности до совсем недавних времён, и сквозь все эти повествования мы можем проследить более чем обычную проницательность в отношении основополагающих принципов, которые эти выдающиеся умы облекли в системы мысли и воплотили в философских школах, чьё влияние и поныне даже сильнее, чем тогда, когда эти могучие учения впервые были провозглашены. Приведём здесь несколько цитат:

Из «Великой гармонии», том II, озаглавленного «Учитель», приведём следующее (с. 250): «Я считаю движение первым проявлением разума — признаком Великого Разума, пребывающего за природой и в ней; и пророческим признаком существования соответствующего разума как конечного итога, или совершенства, природы.

Я считаю жизнь первым развитием движения и вторым признаком разумности.

Я считаю ощущение первым развитием жизни и третьим признаком грядущего, или конечного, Разума.

Я считаю разум высшим развитием движения, жизни и ощущения и совершенным проявлением внутренней живой и неизменной организации; и когда я употребляю слова «душа», «дух» и «ум», я имею в виду внутреннего и бессмертного индивида. Когда движение, жизнь, ощущение и разум соединены и организованы, я называю эту организацию единством элементов и свойств; и эти элементы и свойства располагаются согласно своему естественному порядку под всеобъемлющими терминами Любви и Мудрости — терминами, которые совершенно точно выражают природные черты и законные проявления этих внутренних начал. Поэтому, когда я употребляю существительные «душа», «дух», «ум» и «индивид», мысль, подсказывающая их употребление, неизменно покоится на внутреннем *Homo,* на индивидуальном Единстве, построенном на тех началах, которые возвышают это единство над планом изменения и распада. Следовательно, на вопрос дан утвердительный ответ: эти термины безусловно синонимичны».»

Вопрос, о котором шла речь, был таков: синонимичны ли душа, дух и ум? Его так часто задают и сегодня, что мы выбрали ответ на него из

огромного множества ответов на всевозможные вопросы, обращённые к А. Дж. Дэвису, полагая, что он, пожалуй, лучше любого другого послужит разъяснению философии провидца из Покипси его собственными словами.

Мы не станем комментировать приведённые слова, ибо хотим познакомить читателей с тем, что изрёк поистине замечательный провидец, а не накладывать на его слова собственный глянец рассуждениями или сравнениями. О конечной судьбе индивидуальной бессмертной человеческой сущности Дэвис говорит в ответ на соответствующий вопрос (с. 254): «У духа не будет *„окончательного дома“;* ибо для бессмертного существа покой был бы невыносим — он был бы почти равносилен уничтожению». . . . «Но дух будет прогрессировать вечно! Он всегда будет в гармонии с окружающими обстоятельствами и потому всегда будет обитать на небесах. В будущих сферах жизни будут существовать те же различия, что и в этом мире, — я имею в виду различия, обусловленные подлинным внутренним совершенством склада, воспитания и гармонии индивида. Но дух будет ступать по тем сияющим путям, по которым ходят ангелы, открывая сообщение между небесными

обитателями небесных сфер и высокорожденными духами нашей земли». Из огромной массы имеющегося в нашем распоряжении материала мы приведём ещё лишь одну цитату, поскольку цель этого очерка — возбудить в читателях аппетит к объёмистым томам, из которых взяты эти краткие выдержки. Этот последний кусочек взят из «Что есть Бог и где Он?» (с. 270): «Окружённый несметным числом форм и организаций, каждая из которых занимает определённое и прогрессивное место в природе, человеческий ум не может не уразуметь, что причина их должна быть Сама бесконечной Причиной; что для создания организаций Она должна быть Сама прежде всего Разумной; и что для создания бесконечной машины Она должна быть Сама не только организованной и разумной, но и должна была иметь некую славную цель, или результат, для достижения которого была построена Её Универсальная Машина. Несомненно, это простое рассуждение. Бог, следовательно, с философской точки зрения есть бесконечная Причина; природа есть бесконечное Следствие; а цель, ради достижения которой всё это было так устроено, есть бесконечное Назначение, или Конец. Бог есть Великий Положительный Разум; всё прочее — Отрицательно». Атеизм действительно не

находит поддержки у Дэвиса, как не находит её ни у одного из духовных просветителей мира; но и никакая узкая теология не получает у него одобрения: всеобъемлющий Бог — единственное подлинное Божество.

ГЛАВА XIX.

БИБЛЕЙСКАЯ СИМВОЛИКА — НАГРУДНИК ААРОНА И ДРУГИЕ ОБРАЗНЫЕ УКРАШЕНИЯ И ЭМБЛЕМЫ — НРАВСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ КРАСОТЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА.

Среди самых привлекательных символов древности вряд ли найдутся более прекрасные и выразительные, чем драгоценные камни, и они всегда занимали очень большое место как в религиозном ритуале, так и в мирских украшениях. Нигде в Библии мы не найдём более впечатляющего примера использования сверкающих самоцветов, чем нагрудник иудейского первосвященника Аарона, чьи украшения подробно описаны в двадцать восьмой главе Книги Исход, стихи 15–21: «И сделай наперсник судный искусною работою; сделай его такою же работою, как эфод: из

золота, из голубой, пурпуровой и червлёной шерсти и из крученого белого льна сделай его. Он должен быть четырёхугольный, сложенный вдвое: длина его пядь и ширина его пядь. И вставь в него оправу из камней, четыре ряда камней: ряд первый — сардолик (рубин), топаз и смарагд; это ряд первый. Ряд второй — карбункул, сапфир и алмаз. Ряд третий — яхонт (киан), агат и аметист. Ряд четвёртый — хризолит, оникс и яспис. Они должны быть вставлены в золото в своих гнёздах. И камней этих должно быть двенадцать, по числу имён сынов Израилевых, с именами их, вырезанными как на печати, каждый с своим именем, по двенадцати коленам». Этот великолепный нагрудник, называемый Урим и Туммим, считался в древние жреческие времена особым орудием для получения сведений с Небес, и этот факт проливает много света на священную магию древних израильтян. Весьма интересное и обстоятельное рассуждение об этом нагруднике содержится в книге «Наука соответствий разъяснённая» Эдварда Мэдели и Б. Ф. Барретта, где авторы утверждают, что ключ к его внутреннему смыслу можно получить, разделив его четыре части следующим образом: первый ряд сверху вниз — преобладающий цвет красный, Небесная любовь к благу. Второй ряд — красновато-

синий, Небесная любовь к истине. Третий ряд — беловато-синий, Духовная любовь к благу. Четвёртый ряд — синевато-белый, Духовная любовь к истине. Различие между истиной и благом, проводимое здесь столь определённо, строго согласуется со всеми разграничениями Сведенборга, с которым эти авторы полностью согласны, и нам всем стоит вдумчиво поразмыслить, в чём именно это различие действительно заключается. Истина принадлежит просвещённому разумению и обращена к интеллекту, в особенности к рассудку, тогда как благо имеет прямое отношение к нашим привязанностям, которые, хотя и тесно связаны с нашим разумением, всё же отличны от него. Поскольку сейчас повсеместно проявляется очень большой интерес к некоей предполагаемой связи между двенадцатью знаками Зодиака, двенадцатью коленами Израилевыми и определёнными драгоценными камнями, нашим читателям, возможно, будет любопытно узнать, что древнее предание отводит рубин Рувиму; изумруд — Иуде; киан (лазурит) — Гаду; бирюзу (берилл) — Завулону; топаз — Симеону; сапфир — Дану; агат — Асиру;

оникс — Иосифу; карбункул — Левию; алмаз — Неффалиму; аметист — Иссахару; яспис — Вениамину.

Обратившись к Книге Чисел, глава II, мы находим следующее расположение двенадцати колен с их знаменосцами: Иуда возглавляет три колена на востоке; Рувим — на юге; Ефрем — на западе; Дан — на севере; стан левитов и скиния собрания находятся посередине. Тот же порядок обозначен и в порядке шествия, описанном в той же книге (глава X), когда ковчег завета несут впереди войска. Различное расположение в разное время и при меняющихся обстоятельствах легко наводит на мысль о разных значениях, указывающих на изменчивые состояния человеческого опыта. Красные камни всегда занимают место наивысшего почёта, потому что красный — первый из основных цветов и универсален по своему соответствию, ибо это цвет завершённой октавы. Поскольку Адам означает всего лишь «красный человек», а красный — самый низкий из семи цветов спектра по частоте колебаний, это название применяется не только к чувственному человеку, ещё не пробуждённому к духовному сознанию, но в равной мере и к возрождённым, которых мы называем «вторым

Адамом», подобно верхней ноте «ля», с которой начинается новая гамма в музыке. «Огненные камни» часто упоминаются в Библии в связи с великими судами и могучими избавлениями, о которых нередко говорится, что им предшествуют «градины и горящие угли». В чрезвычайно увлекательных образах удивительной книги Иезекииля мы находим намёки на драгоценные камни, проливающие много света на их мистическое, равно как и магическое значение. Употребляя эти два термина в данной связи, мы подразумеваем под магическим всё, что относится к совершению внешних чудес с помощью предписанных и испытанных обрядов; под мистическим — внутренние результаты, достигаемые духовным путём без обращения к какому-либо ритуалу. Мистический метод гораздо выше и прочнее надёжен, чем магический, хотя оба с одобрением упоминаются в Библии, и каждый приспособлен к определённой ступени восприимчивости человеческого сознания к божественным и небесным влияниям. В двадцать восьмой главе Иезекииля нам говорится, что царь Тира был в Эдеме, саду Божием, где всякий драгоценный камень служил ему покровом, пока он не впал в беззаконие и не был за это изгнан и

низложен. Когда в дни своей нравственной чистоты этот владыка пребывал, в образном смысле, на святой горе Божией, о нём сказано, что он ходил среди «огненных камней», и тогда его называли «херувимом помазанным, покрывающим». Это ясно показывает, что в древности такие выражения обозначали высокие должности святых людей, достойных столь возвышенного положения и ни в каком случае не сохранявших его после того, как они сами лишили себя права на него неправедной жизнью. Многие сегодня спрашивают, есть ли какая-либо ценность в самом ношении самоцветов или же всё предполагаемое и кажущееся их действие надо приписать силе самовнушения. Разумный ответ на такие вопросы должен быть по меньшей мере троякий. Во-первых, нужно помнить, что драгоценные камни — это заточённый солнечный свет, и они поистине обладают собственной силой, к которой особенно восприимчивы людей высокой чувствительности; это научное положение, доказуемое, которое материалисты могут проверить и подтвердить опытным путём так же легко, как и оккультисты. Во-вторых, связи с самоцветами чрезвычайно устойчивы, и они бывают как психическими, так и физическими, о чём в изобилии свидетельствует

психометрия; самоцвет крайне цепко удерживает любое впитанное им влияние, и многие драгоценные камни — особенно опалы и жемчуг — очень восприимчивы к состоянию тех, кто их носит. В-третьих, личный вкус во многом определяет, какое действие камень окажет на носящего его, но вкусы, предпочтения и антипатии выдают характер и темперамент, и если нет какой-либо очень веской внешней причины для наших симпатий и антипатий к самоцветам и цветам, нас неизменно инстинктивно привлекают те камни и цвета, колебания которых согласуются с нами и помогают нам, тогда как нас так же отталкивают те, что чрезмерно возбуждают или угнетают нас, поскольку частота их колебаний слишком высока или слишком низка для наших нужд. Первосвященник в древнем Израиле носил нагрудник из двенадцати драгоценных камней, потому что он должен был в равной мере представлять все двенадцать колен, а человек, способный достойно занимать столь высокое представительное положение, должен стоять выше обычных влечений и отвращений. Вполне уравновешенный мужчина или женщина восхищается всеми прекрасными предметами природы и искусства и чувствует себя среди них как дома, понимая в то же время их назначение и

значение и пользуясь ими соответственно. Среди самоцветов алмаз — самый всеобщо любимый и носимый; это во многом объясняется его ярким, всё в себе заключающим белым цветом, из которого на солнце, как и при искусственном освещении, может сверкать любой блестящий оттенок. Почти каждый чувствует себя с алмазом как дома, подобно тому как мы все как дома с белым цветом, тогда как различные ограниченные цвета по-разному действуют на нас в разных настроениях и кажутся вполне уместными в тех обстоятельствах, которые их требуют, но совершенно неуместными в других, хотя сами по себе они всегда прекрасны. Нет ни малейшей причины, по которой нам не следовало бы пользоваться красотой природы, и, конечно, нет ничего более неестественного и нелепого, чем отказываться от всякого украшения, когда природа так щедро расточает убранство, а чтобы сделать жизнь прекрасной и внешне, и внутренне, в конечном счёте требуется не больше времени и усилий, чем на то, чтобы плестись по жизни способом, рассчитанным скорее понижать, чем повышать тонус нашей жизненной силы и тем самым уменьшать, а не увеличивать нашу работоспособность. Хотя мы все знаем, что глупая расточительность в одежде и украшениях, как и все

прочие формы показной пышности, не приносят желательных плодов в человеческом обществе, нам не следует забывать и о том, что убогое уродство и преступление часто очень тесно связаны. Джон Рёскин неизменно проповедовал своё евангелие красоты как нравственного возвышающего начала, и действительно, в среднем преступлений бывает гораздо меньше там, где культивируется красота, чем там, где безраздельно царит уродство. Пьянство часто во многом вызвано состоянием душевной тупости, граничащей с отчаянием. Мужчины и женщины трудятся в грязных мастерских и живут в грязных жилищах, недостойных называться домами, — и с каким результатом? Они почти неизменно обнаруживают признаки нравственного, умственного и физического упадка и очень редко бывают столь же жизнерадостны по нраву или столь же оптимистичны по настроению, как те, кто окружает себя более привлекательными предметами. Мы вполне можем питать сострадание и выражать сочувствие всем, кому, по-видимому, приходится жить в мрачных местах, но не может быть никакого веского оправдания тому, чтобы намеренно помещать себя в такую обстановку, за исключением благожелательной цели служить тем, кто в ней заключён. Когда выбор обстоятельств

находится в наших руках, было бы поистине хорошо, если бы мы неизменно предпочитали окружать себя красотой, и первоначально предполагалось, что народ в целом будет наставляться этому уроку созерцанием необыкновенной красоты священных мест, где он совершал богослужения. Те, кому, по-видимому, не нужен особый храм и священнослужители, безусловно, могут возносить свою душу в устремлении среди великолепия неиспорченной природной обстановки, и, поскольку высшая похвала, какую можно высказать любому художнику, — заверить его, что его произведение есть совершенная копия природы, никакая красота даже в сооружениях редчайшего великолепия не может быть большей, чем та, которую мы созерцаем в тех очаровательных уголках мира, где природный пейзаж остаётся нетронутым. Города-сады, ныне возникающие в Англии, оказывают весьма благотворное влияние на цивилизацию страны, потому что помогают людям отойти подальше от той отвратительной искусственности, которая долгое время подтачивала здоровье и нравственность. Скоростной транспорт начинает приносить огромную пользу множеству людей, позволяя главе семейства совсем легко вести дела в

центре большого города, а детей растить в самом сердце прекрасной сельской местности. Одежда, равно как обстоятельства жизни и питание, получает много внимания в Моисеевом законе, и определённое внимание уделяется не только облачению тех, кто отделён для исполнения особых религиозных обязанностей, но и обычному платью простого народа. Неоспоримый факт, что евреи сегодня как община очень любят ювелирные украшения, и говорили даже, что само слово «jewel» («драгоценность») связано с иудаизмом. Как бы то ни было, Ветхий Завет во многих внушительных примерах придаёт большое значение личному убранству наряду с чистоплотностью, и при этом он не оказывается варварским, как полагают некоторые глупцы, — вероятно, потому, что все безыскусные народы, подобно детям, любят яркие цвета и вообще нарядность; но в этом, как и во многих других вопросах, он обнаруживает поразительно глубокое понимание того, что способствует общему благополучию.

Цвета сами по себе, отдельно от самоцветов (которые, впрочем, воплощают их наилучшим образом и в наибольшей возможной полноте), обладают ценностью и оказывают влияние, далеко

превосходящее то, что обычно предполагают. Доктор Эдвин Бэббитт в своём знаменитом трактате «Принципы света и цвета» изложил огромное количество чрезвычайно ценных сведений, которые не получили и близко того внимания, какого вполне заслуживают их великие достоинства, хотя мы рады сказать, что этот большой иллюстрированный том, пожалуй, слишком громоздкий для общего чтения, попал в очень многие библиотеки разных стран, и у нас есть веские свидетельства, что он благотворно повлиял на практику многих прогрессивных врачей, а также помог многим страдальцам на пути к выздоровлению, объяснив им разумный и нетрудный способ домашнего лечения. В любом загородном приюте или приморском курорте должно быть нетрудно открыть солярий и применять лечение светом и цветом, если для каждого такого заведения можно найти руководителя, действительно понимающего науку этой системы и располагающего надлежащим механическим оборудованием; и даже без полного набора хромолинз и термолюмов можно проделать много полезной работы, просто оборудовав несколько комнат необходимыми цветными оконными стёклами. Дом следует расположить так, чтобы он получал больше солнечного света, чем в

среднем, а различные комнаты — в Северном полушарии с южной, а в Южном полушарии с северной стороной — должны быть снабжены цветными окнами, всегда содержащимися в безукоризненной чистоте, чтобы особые лучи света, необходимые при разных состояниях, могли полностью использоваться теми, кто проходит лечение. Но хотя за необходимыми цветовыми колебаниями мы должны обращаться прежде всего к солнечному свету, в электрическом свете мы имеем столь ценное дополнение, что в те времена года и в тех местностях, где солнечного света часто очень мало, мы можем устроить электрические светильники так, чтобы получать почти те же результаты ночью, что и днём, и в пасмурную погоду, что и в ясную. Вполне оборудованный солярий, обставленный во всех подробностях в соответствии с предписаниями некоторых высокообразованных и обладающих обширным опытом оккультистов, был бы не чем иным, как великолепным Храмом Солнца, где пациенты сегодня могли бы получать лечение, тождественное тому, что прославило не один древний храм. Множество страдальцев по всему миру легко поддаются солнечному и электрическому лечению, просто и прекрасно проводимому, и в наши дни,

когда новые методы жадно ищут и старательно изучают, время действительно благоприятно для возрождения этого лучшего, простейшего и самого человечного способа исцеления через прямое сотрудничество с Природой в одной из самых славных и привлекательных её форм, какие только видел мир. При быстро растущей чувствительности нынешнего поколения грубые методы и сильнодействующие средства выходят из моды; постоянно слышится громкий и настоятельный призыв к мерам, которые окажутся действенными и убедительными и никоим образом не повредят и не напугают нервных больных. В солярном лечении, сопровождаемом мудрым и благотворным внушением, мы находим именно то, чего требует наш век, а именно психофизический метод, который включает разумное обращение к уму, а также удовлетворяет широко распространённую потребность в чём-то, что легко может быть понято людьми, не достигшими такого состояния, когда их могут полностью удовлетворять методы исключительно метафизические. Природа повсюду использует форму, звук и цвет; поэтому мы вполне согласны с Природой, если пользуемся этими тремя великими помощниками гармонии, которые признавали и применяли величайшие целители

древности, чьи удивительные достижения и сегодня выступают со страниц всемирной истории, не только требуя нашего внимания и вызывая наше изумление, но и призывая нас пить из того же переполненного природного источника, из которого они пили так мудро и так обильно, чтобы и мы могли явить в наш век, как они в свой, безграничность изобилия, даруемого нам славным центральным светилом, которое есть податель всей нашей жизни и деятельная опора всякого роста и всякой красоты.

Семь цветов спектра можно уподобить, символически говоря, четырём площадкам и трём лестничным маршам. Красный — первый этаж, жёлтый — второй, синий — третий, фиолетовый — четвёртый. Оранжевый — первый марш, зелёный — второй, индиго — третий. Красный всегда возбуждает физическую систему и может быть с наибольшей пользой применён как противодействие всем вялым и запорным состояниям. Оранжевый менее физически стимулирует, чем красный, и, поскольку он склоняется к жёлтому, возбуждающему умственную деятельность, он чрезвычайно полезен во многих случаях, когда для ума и тела сразу требуется

мягкое тонизирующее и очищающее средство. Жёлтый есть *по преимуществу* возбудитель интеллекта, и он оказывает охлаждающее, освежающее и мягко стимулирующее действие на тех, чья работа требует постоянного и усердного внимания к умственным занятиям. Зелёный — родной цвет нашей планеты; стоя в середине шкалы, он исправляет тоску по дому и является самым гармонизирующим и успокаивающим цветом для всех мест, где должны собираться многие люди с разными характерами. Синий — решительно нравственный гармонизатор, и его особенно следует рекомендовать во всех случаях, когда страсти слишком легко возбуждаются и когда вещественные предметы имеют чрезмерную власть. Этот цвет — снотворное, истинный победитель бессонницы и нервных головных болей; лихорадки уступают его успокаивающему влиянию, ибо его действие состоит в том, чтобы охлаждать кровь, замедлять пульс и вообще умиротворять чувства, освобождая ум от тревоги и беспокойства и оставляя его свободным для плодотворного созерцания идеальных состояний. Пурпурный (или индиго) побуждает к духовному созерцанию и всегда наводит на мысль об интеллектуальном достоинстве, соединённом с нравственным.

Фиолетовый — духовный цвет по преимуществу, и он оказывается чрезвычайно действенным в содействии хорошо проводимым психическим опытам. Оборудовать частный солярий не очень дорого, так как необходимо всего восемь комнат, хотя к их числу легко можно с пользой добавить ещё. В одной комнате должно быть прозрачное белое стекло, так как белый — общий объединитель, а в остальных семи комнатах — по одному из семи цветов спектра. Девятая комната для розового цвета была бы большим преимуществом, так как этот прекрасный цвет, хотя и не входит в мистическую семёрку, имеет огромную ценность в борьбе с унынием и всеми пессимистическими склонностями. Розовый — цвет надежды, и нередко свет, льющийся через розовые окна или электрические шары, прогоняет всякую склонность к мраку и отчаянию и так подкрепляет меланхоличного страдальца, что это во многом помогает предотвратить безумие и самоубийство. Мы надеемся, что эти немногие замечания о цветолечении пробудят возросший интерес к этой важнейшей теме, которую необходимо изучать и дальше без конца.

ГЛАВА XX.

ЖИЗНЬ И МАТЕРИЯ — НОВЕЙШИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЭВОЛЮЦИЮ — ПОЗИЦИЯ СЭРА ОЛИВЕРА ЛОДЖА.

Среди современных мыслителей, пользующихся высокой репутацией в англоязычных кругах научного мира, едва ли какое-либо имя ныне стоит столь заметно, как имя сэра Оливера Лоджа, выдающегося ректора Бирмингемского университета в Англии. Этот видный педагог стоит в самом первом ряду современных учителей, которые, будучи строго научными, питают также глубокое уважение к благороднейшим началам религии, и этот поистине учёный человек предлагает нам куда более умеренные взгляды на общее учение об эволюции, чем те, что можно когда-либо ожидать найти в сочинениях материалистических эволюционистов вроде Геккеля, с одной стороны, и консервативных богословов — с другой. Нынешнее отношение к Чарльзу Дарвину, как показало празднование в Кембридже в 1909 году, свидетельствует о том, что глупое идолопоклонство, которым пылкие почитатели некогда окружали сочинения этого

великого биолога, равно как и нелепые поношения его взглядов, изливавшиеся его бранчливыми противниками, практически сошли на нет и уступили место гораздо более справедливой и мягкой оценке великого учёного и его замечательных открытий. Было время, когда теория эволюции вызывала ужас у Англиканской церкви и встречалась с восторгом открытыми атеистами, полагавшими, что находят в ней полное подтверждение своему отрицанию Божества. Но все подобные взгляды ныне отправлены в чистилище забвения, по крайней мере в научных кругах, хотя среди не размышляющих и невежественных они всё ещё живы. Сам Дарвин никогда не был догматиком и неоднократно предостерегал публику от того, чтобы принимать как окончательные теории, которые он выдвигал предположительно. Однако в утверждении установленных фактов он был весьма категоричен и всегда доказывал, что единственный разумный способ обращения с фактами — позволить им говорить самим за себя, невзирая на любые теории, которые могли бы препятствовать их беспристрастному исследованию. Профессор Альфред Рассел Уоллес, вполне независимо от Дарвина сделавший вместе с ним многие важные открытия, прямо относящиеся

к теории эволюции, — убеждённый спиритуалист, тогда как Дарвин был признанным агностиком. Этого обстоятельства вполне достаточно, чтобы показать: теория эволюции, даже принятая целиком, как её принимает Уоллес, ни в коей мере не мешает прилежному наблюдателю природных явлений сохранять совершенно непредвзятый ум в отношении свидетельств о иных планах бытия, помимо физического; факты природы материального свойства не служат ни подтверждению, ни отрицанию реальности духовной вселенной. Сэр Оливер Лодж куда менее агностик, чем Дарвин, и менее спиритуалист, чем Уоллес: его позиция — это позиция серьёзного исследователя психических явлений, чьё общее отношение ко всему сверхфизическому остаётся в известной мере неопределённым, то есть с точки зрения тех, кто считает определённым лишь то, что неоспоримо догматично. Мы можем с уверенностью сказать, что поистине научный склад ума, всегда открытый свидетельствам и постоянно занятый опытами, неизбежно должен считать очень многие вопросы навсегда открытыми; ибо если мы непрерывно узнаём всё больше о процессах Природы, то нам часто приходится занимать и удерживать гипотетические позиции на пути к

окончательно достоверным выводам; да и достоверности не бывают окончательно окончательными, ибо всегда остаётся что-то ещё не открытое, что может пролить новый свет на вопросы, которые мы ныне считаем решёнными раз и навсегда. Хотя такая позиция весьма неудовлетворительна для умов, жаждущих покоиться в завершённых достоверностях, для истинно пытливого интеллекта это постоянное стремление к новым знаниям составляет главную радость жизни, и оно, несомненно, вполне согласуется с возвышающей мыслью, что этот мир — школа, в которой нас постепенно обучают, готовя к высшим учебным заведениям, когда мы окончим этот отдельный колледж во вселенной.

Есть некоторые возвышенные утверждения, выраженные благородной поэзией, — например, великолепное двустишие Уиттьера: «Шаг за шагом с начала времён мы видим неуклонный рост человека», — которые в точности созвучны всем разумным взглядам на эволюцию, ныне разделяемым и распространяемым ведущими умами мира, посвящающими себя всё более широким исследованиям тайн Природы. Такое название книги, как «Жизнь и материя», сразу

привлекает внимание, ибо оно ясно отделяет идею Жизни от мысли о Материи и тем самым возвращает нас к древнейшему и наиболее удовлетворительному взгляду на неизменную связь между ними. Жизнь — действующая сила; Материя — вещество, на которое эта сила действует, и именно через Материю той или иной степени жизнь проявляется. Таков вкратце общий вывод как современных научных, так и теософских учений. Материя бывает многих степеней, или планов, а потому нам не нужно ограничивать это слово грубой материей физических сторон нашего земного шара. Стоит лишь твёрдо утвердить это положение, и исчезают все трудности, когда мы пытаемся представить себе вещественные миры как за пределами, так и в пределах обычных физических чувств. Психические исследования, в которых сэр Оливер Лодж давно принимает весьма видное участие, полностью убедили его, как убедили и многих других видных учёных, что телепатия, мысленная телеграфия, ясновидение и многое другое, что обычно считается мистическим, может в конце концов оказаться столь же естественным и упорядоченным, как те более общепринятые проявления умственных способностей, с которыми широкая публика уже

гораздо лучше знакома. Мы постоянно совершаем новые открытия относительно нашего внутреннего «я», и они значительно умножают наше самопознание. Мы так долго считали себя замкнутыми в очень узких полях деятельности, что, естественно, удивляемся и до некоторой степени приходим в замешательство, обнаружив, что такие пределы вовсе не обязательно нас ограничивают. Каждое новое научное открытие и механическое изобретение заставляет нас браться за пересмотр своих взглядов на человеческие возможности, и к тому времени, когда мы вполне привыкаем к достижениям сегодняшнего дня, мы уже признаём очень многое из того, что наши не столь отдалённые предки сочли бы либо невероятным, либо сверхъестественным. Научный мир не пытается проводить какую-либо определённую черту между естественным и сверхъестественным, потому что смиренно признаёт: совершенного знания естественного он отнюдь не достиг; а пока человек этого не достиг и не знает, что достиг, ему, очевидно, нелепо рассуждать о том, что лежит за пределами природы. Мудрое выражение «различные планы природы», которое часто употребляет Анни Безант в своей весьма поучительной книге «Меняющийся мир»,

достаточно передаёт мысль о том, что наша нынешняя умственная эволюция открывает перед нами немалое знание о иных степенях материи, чем те, что признавали материалисты старой школы, которые перед лицом всех свидетельств в пользу психических опытов попросту отмахивались от всего вопроса как от смеси надувательства и галлюцинаций. Сэр Оливер Лодж говорит о «горе-материалистах» и о «догадочной философии» Геккеля и весьма далеко заходит в доказательстве того, что многое было принято в Германии и в других местах как доказанная наука, хотя на деле не опирается ни на какое прочное научное основание. В главе, озаглавленной «Монизм», он говорит: «Между наукой и философией не должно быть постоянной преграды, и не следует считать недопустимым, чтобы человек науки время от времени заглядывал в область философии и обозревал территорию и с этой стороны, насколько позволяют его средства. И если философы возражают против такого образа действий, то, должно быть, потому, что они убедились на опыте: люди науки, однажды преступившие границу, склонны терять всякое чувство разумной сдержанности и резвиться так, словно наконец вырвались в область, свободную от научных оков, —

область, где можно свободно делать уверенные утверждения, где умозрительная гипотеза может сходить за теорию и где проверка была бы и ненужной, и невозможной».

Сэр Оливер Лодж после этих вступительных абзацев переходит к весьма радикальному разбору взглядов Геккеля и вскоре принимается доказывать непоследовательность этого видного немецкого сторонника научного монизма, который ныне жалуется, что многие из его прежних коллег его покинули и что он на склоне лет остался почти одиноким свидетелем позиции, чрезвычайно популярной в первые дни спора об эволюции. «Мировые загадки», которые многие читатели считают шедевром Геккеля, содержат огромное количество ценного и интересного материала, и в вопросе о правах животных этот ветеран занимает позицию, почти тождественную той, которой придерживается подавляющее большинство признанных теософов. Лишь там, где он отрицает, его взгляды резко сталкиваются со взглядами тех, кто изучает природу и, всецело ценя достоинства и красоты внешних сторон вселенной, в то же время остро чувствует ещё более возвышенные чудеса и более обширные славы областей, не открываемых

одними лишь физическими исследованиями. Жизнь, по словам сэра Оливера Лоджа, есть «направляющее и руководящее начало», и он весьма уместно предлагает нам рассмотреть, «действительно ли возможны руководство и разумное направление, или же всё совершается согласно некой слепой необходимости, из которой воля и цель полностью исключены». Именно при обсуждении трудного и запутанного вопроса о свободе человеческой воли этот зрелый мыслитель вносит, по нашему суждению, особенно ценный вклад в современную мысль. Об этой спорной проблеме он говорит: «Жизнь есть нечто вне схемы механики — вне категорий материи и энергии; хотя она тем не менее может управлять материальными силами или направлять их, выбирая время и определяя место их приложения, — всегда подчиняясь законам энергии и всем прочим механическим законам; она, стало быть, дополняет эти законы или сопровождает их, но нисколько им не противоречит и не пересекает их».

Из сказанного выше легко проследить склад ума, весьма сходный со складом ума почти всех теософов, чей особый вклад в философию состоит в том, что они подчёркивают непрестанную

упорядоченную деятельность разумных существ на иных планах Природы, нежели физический. Теософы безоговорочно утверждают: подобно тому как мы на земле обладаем ограниченной и постоянно растущей способностью направлять внешнюю природу, но никогда иначе как через действие неизменного закона, так и по ту сторону завесы чувств, куда порой может проникнуть ясновидение, разумные существа, более могущественные, потому что мудрее нас, управляют событиями точно так же, как управляем ими мы, — в смысле необходимого соответствия закону, — но вследствие несравненно более близкого знакомства с законом проявляют способность производить результаты, далеко превосходящие всё, чего мы пока можем достичь.

ГЛАВА XXI.

ЗАКОН СЕМИ И ЗАКОН ЕДИНСТВА.

В одной любопытной старинной книге тайных учений мы находим семеричную идею, разработанную с великим богатством подробностей, в особенности в отношении Семи космических

законов, управляющих Вселенной — во всяком случае, насколько человечество на земле их до сих пор открыло. Эти Семь законов перечисляются в следующем определённом порядке:

1. Закон упорядоченного направления, под действием которого порядок повсеместно проявляется — от группировки атомов при образовании мельчайшего организма до расположения планетных тел в устройстве гигантских Солнечных систем.

2. Закон аналогии, благодаря действию которого мы можем проследить совершенное согласие, или точное соответствие, между всеми формами проявления, в каком бы направлении мы ни вели исследование. Что верно для Материи, то верно и для Энергии и Ума. Великая герметическая аксиома «Как наверху, так и внизу» раскрывается через неизменное действие этого повсюду обнаруживаемого закона. Древняя тайная аксиома «Ex Uno disce Omnes» («Познав одного, узнай всех») применима во всём эзотерическом, или оккультном, учении ко всем тем разным, но тесно взаимосвязанным планам Природы, о которых столько написано в популярной теософской литературе наших дней.

3. Закон последовательности, который включает все виды деятельности, объединяемые общим названием «причина и следствие». Это закон кармы, основа Lex Talionis, или закона возмездия, который несомненно проявляется во всей Вселенной, несмотря на неистовые усилия человечества уклониться от его действия. Ничто не может случиться случайно: у каждого следствия должна быть действенная предшествующая причина; ничто не стоит особняком, а потому ни один поступок нельзя по справедливости рассматривать как изолированный.

4. Закон ритма, от непрестанной работы которого зависит разнообразие, проявленное в Космосе. Всё непрерывно колеблется. Понять, как регулировать колебание, — значит владеть Ключом к относительно неограниченной власти.

5. Закон равновесия, посредством которого находит истинное объяснение равновесие, или компенсации. Понять действие этого Закона — значит знать тайну Силы и Уравновешенности.

6. Закон цикличности, заставляющий всё двигаться по кругам. Учителя Тайной науки говорят нам, что мудрые и сильные превращают круги в

спирали, и потому, вместо того чтобы вечно двигаться по одному и тому же кругу, они поднимаются по спиралям, совершая тем самым те удивительные деяния, которые отличают Адептов, или Посвящённых, от массы их современников.

7. Закон противоположностей, который повсеместно выражается в мужском и женском, тезисе и антитезисе. В знании этого закона заключена великая магическая тайна возрождения, по существу тождественного трансмутации и пресуществлению. Практическая цель и безграничный результат постижения и применения этих Семи законов (или, говоря ещё точнее, семи проявлений Единого Закона) — дать тем, кто достиг этого Знания, возможность совершить Magnum Opus посредством совместной деятельности воли и разума оператора. Здесь лежит Ключ к действительной демонстрации тех превосходящих обычные пределы способностей, на которые столь щедро притязают многие современные учителя, чьи теории, однако, хотя и здравы и превосходны, как правило, не приводят к сколько-нибудь поразительным проявлениям необычной власти над окружающей обстановкой.

Следующие четыре афоризма достойны глубочайшего размышления:

1. Единый Закон *есть*..

2. Нет ничего выше или древнее Единого Закона.

3. Единый Закон Абсолютен, он вне Времени, Пространства и Изменения, превыше Трёх Принципов и Семи Законов.

4. Единый Закон есть Действенная Причина Всех Вещей.

Обдумать эти четыре афоризма глубоко и во всех подробностях потребовало бы очень основательного изучения и затрат немалого времени и умственной энергии, но всякий ученик, который посвятит уединённому времени такое глубокое и плодотворное размышление, несомненно, будет щедро вознаграждён как умственным просветлением, так и возросшей способностью управлять обстоятельствами. Учение о детерминизме, преподаваемое в Тайной философии, совершенно расходится с фатализмом, пессимизмом и всеми прочими ненормальными и извращёнными системами, обязанными своим происхождением искажённым и превратным

взглядам на действие неизменного порядка Вселенной. Никакое отдельное событие не предопределено свыше, не предрешено и не предназначено заранее, но существует последовательность причин и следствий, которую не может изменить никакая человеческая сила. Именно наше упование на эту неизменность Природы делает возможным научный прогресс, ибо без разумной уверенности, что мы пожнём то, что посеяли, невозможно было бы разумно заниматься никакой областью предприятий.

Среди поразительно своеобразных выражений, употребляемых учителями Тайной философии, мы находим не привычное *Ex Nihilo nihil fit* (из ничего не делается ничего), а *Ex Nihilo Omnis fit* (из Не-Вещи образуются все вещи). Эта Не-Вещь алхимиков означает изначальную Космическую Субстанцию, нечастичную, недифференцированную, из которой происходят все проявленные предметы и в которую они некогда и каким-либо образом вернутся. Такие архаические учения, исходящие от мудрых наставников нашего рода в былые времена, согласуются во всех пунктах со всеми теми чудесными и увлекательными научными откровениями, которые отличают энергичные

начинания нынешнего (двадцатого) века. Что же, вправе мы спросить, подразумевается под Материей, когда современные учёные заявляют, что, насколько им известно, она есть лишь сочетание *ионов* или *электронов?* И что, снова спросим мы, сталось с глупым старым материализмом, который был труднее для понимания, чем даже самые необузданные богословские фантазии, если ум и жизнь прослеживаются во всех обнаруженных веществах — от протоплазмы до человеческого тела? Субстанция, Движение, Сознание — вот три Принципа, которые мы встречаем повсюду. Мы живём не в мёртвой, а в живой, не в бессознательной, а в сознательной вселенной, где смерть — лишь перемена выражения, а рождение — лишь облачение в какую-то новую одежду.

Поскольку нас по справедливости гораздо сильнее занимают наше человеческое развитие и осуществление власти над окружающей средой, чем какие-либо отвлечённые и абстрактные рассуждения о строении Вселенной, мы идём путём мудрости лишь тогда, когда наши занятия глубокой Тайной Универсального Закона ведут нас к тому,

чтобы применять постигаемые разумом истины для неуклонного улучшения наших действительных условий.

На протяжении многих веков в Индии мощные философские понятия молчаливо принимались множеством людей, которые совершенно не сумели применить на практике философию, содержащуюся в Упанишадах, Бхагавадгите и других священных трактатах, — их чтили, часто суеверно, но редко использовали единственным способом, ведущим к возвышению народа. Западная «суета» вместе с восточным *laissez faire* составляют превосходное сочетание, но одно без другого столь неуравновешенно, что неизбежно ведёт либо к тупой покорности мнимо неизбежному, либо к неистовым истерическим попыткам добиться результатов силой, не считаясь с упорядоченным ходом эволюционного развития.

ГЛАВА XXII

СПИРИТУАЛИЗМ И УГЛУБЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Эта великая тема сразу же порождает два важных вопроса. Во-первых, что следует понимать под спиритуализмом? Во-вторых, что означает углубление нашей духовной жизни?

Отвечая на первый вопрос, можно с уверенностью сказать, что неустранимый минимум согласия среди спиритуалистов сводится к простому утверждению: здесь и сейчас мы — духовные существа и, будучи таковыми, переживаем перемену, обычно называемую смертью. Хотя это прямое и весьма широкое утверждение свойственно всем, кто называет себя спиритуалистами, оно отнюдь не охватывает всей области духовной философии. Это, в сущности, немногим более чем введение в неё, ибо спиритуализм столь необъятен в своих постоянно расширяющихся ответвлениях, что едва ли найдётся предмет, занимающий человеческое внимание, который не входил бы по праву в круг его следствий.

Мыслителям могут предложить себя лишь три философские системы: спиритуализм, материализм и агностицизм. Материализм в научных кругах практически мёртв; поэтому поле остаётся фактически за спиритуалистами и агностиками, которые ныне довольно поровну делят между собой интеллектуальную территорию. Из этих двух философских систем одна (спиритуализм) решительно утвердительна, другая (агностицизм) открыто неопределённа; и поскольку неоспоримый факт состоит в том, что всё человеческое знание лишь относительно, всегда должно оставаться место для признания неведения по одним вопросам наряду с самым положительным изложением знания по другим. Ни один разумный мужчина или женщина не может быть исключительно гностиком или агностиком, но есть немало вдумчивых людей, чья умственная позиция — мудрая осторожность и кто без колебаний заявляет о своём твёрдом убеждении, что основные положения спиритуализма вполне доказуемы.

Ввиду чрезвычайной широты области, которую предстоит пройти, многие выдающиеся люди науки, включая сэра Уильяма Крукса, не склонны выступать на стороне ярко выраженного

спиритуализма столь пылко, как не менее знаменитый доктор Альфред Рассел Уоллес; это обстоятельство можно отнести отчасти на счёт разной степени непосредственных свидетельств, отчасти на счёт различия природных умственных склонностей у этих одинаково выдающихся учёных. В любом обсуждении нам следует всегда помнить важный факт: явления, которые сильно и самым благоприятным образом действуют на один тип ума, могут оказаться прямо неприятными для другого; одного этого довольно, чтобы объяснить те диаметрально противоположные утверждения, которые мы постоянно встречаем под знаменитыми подписями. Для одних людей мысль о физических проявлениях — от «стуков» до «материализаций» — далека от приемлемой. Они не надеются и не желают, чтобы такие явления действительно происходили, тогда как для многих других, не менее разумных, эти проявления несут определённое убеждение и служат источником значительного утешения и радости. Если мы не можем подойти к столь великому предмету, как спиритуализм, без предубеждения и пристрастия какого бы то ни было рода, мы рискуем невольно оказаться несправедливыми в каком-нибудь пункте наших исследований. Лишь вполне

беспристрастные люди, будь то государственные деятели, учёные, священники или фокусники, действительно способны исследовать так, чтобы прийти к выводам подлинной важности. Вероятно, именно по этой причине споры о пользе и ценности спиритуализма всё ещё бушуют почти по всему миру, даже если допустить, что его основные утверждения разумно обоснованы.

Наша нынешняя тема требует экскурсии в область нравственную, на пастбище собственно этическое, а не только интеллектуальное, ибо «углубить духовную жизнь» несомненно означает неизмеримо больше, чем убедить разум в том, что человеческая личность переживает физическое распадение. Первый важнейший вопрос, который следует задать о любой философии, предлагаемой нашему исследованию: чему она учит о человеческой природе? Поскольку все мы — люди, это главный основополагающий вопрос. Как кандидату на всеобщее признание среди филантропов, спиритуализму всегда есть что в свою пользу сказать: он возвышает представление о человеческой жизни далеко над уровнем материалистического отрицания и к тому же отвергает те ошибочные религиозные взгляды,

которые учат скорее о порочности, нежели о благородстве корневой природы, общей всем нам. По мере продолжения «психических исследований» на свет постоянно выходит всё больше свидетельств поразительного величия жизни, которой мы живём теперь и здесь, а недавнее прибавление к сумме наших знаний по психологии так велико, что «субъективный ум», или «подсознательное я», оказывается ответственным за многие психические чудеса, которые до времён Томсона Джея Хадсона и его последователей огульно приписывались действию наших «ушедших» друзей. Подобное утверждение, хотя и обладает некоторой внешней правдоподобностью, отнюдь не радикально и не разумно, если разобрать его до оснований или довести до предела, ибо вместо того чтобы разрушать мысль о духовном общении, прибавление знаний о нашей собственной природе в нынешнем мире, напротив, каждым новым открытием в области телепатических и родственных действий лишь доказывает, как духовное общение на деле осуществляется между живыми существами в их теперешнем положении. Мы открываем и применяем некоторые неведомые доселе возможности, заключённые в нас самих. Мы обнаруживаем, что способны посылать и принимать

мысленные телеграммы, кабельные и воздушные депеши, по-видимому, безотносительно к физическому расстоянию, но всегда в согласии с некоторым таинственным законом, который мы пока постигаем лишь весьма несовершенно; всё это в значительной мере доказывает, что мы действуем сейчас как духовные существа и что наши внешние тела составляют гораздо меньшую часть нас, чем мы обычно склонны полагать.

Всё это постоянно расширяющееся знание о нашем внутреннем существе быстро сметает прежние возражения против спиритуализма, основанные на крайне ограниченных и почти целиком материалистических взглядах на человеческую природу. Но этот расширяющийся взгляд на нашу общую природу не только даёт нам, с научной точки зрения, более широкое представление о наших способностях; он даёт нам безграничное основание со всё возрастающей уверенной серьёзностью настаивать на благости нашей природы, ибо это чудесное «подсознание», о котором так много пишут и говорят, отнюдь не дьявольское, а скорее небесное по своим природным склонностям, когда они освобождены от хватки наросших привязанностей, которые часто

скрывают, хотя и не могут уничтожить, сущностное существо, или эго. «Субъективный», «подсознательный» и «сублиминальный» — как все мы знаем, три слова, весьма заметные в современной литературе, и хотя они, безусловно, недостаточны, чтобы объяснить всё то, что многие из самых частых их употребителей стремятся с их помощью объяснить, они вполне могут служить определённой, пусть и явно ограниченной цели. Приставка «суб» так часто употребляется в двух противоположных смыслах, что не всегда ясно, в каком смысле её применяет тот или иной автор, если мы не знакомы с его особым употреблением этого термина.

Ф. У. Г. Майерс в своём весьма ценном трактате «Человеческая личность и её переживание телесной смерти» сравнивает нас с деревьями, чьи корни скрыты, тогда как стволы и ветви открыты взору. Если это справедливая аналогия, то то, что лежит за смертной завесой, «субъективно» не в смысле *низшего* , а в смысле *внутреннего*. Хадсон во всех своих сочинениях последовательно употреблял выражение «субъективный ум» именно в этой связи, хотя, по-видимому, нередко затемнял часть своих мыслей, упорно используя одно выражение для

области, которую миссис Безант охватывает двумя определёнными названиями. Среди теософов вообще «сверхсознание» — термин, передающий идею высших планов Природы, тогда как «подсознание» оставлено для описания того, что на деле, в нравственном и духовном отношении, находится ниже уровня нашего нынешнего человеческого возвышения. Как бы то ни было, — ибо мы не желаем препираться из-за слов, — ясно, что «эмануэлисты» и другие полезные работники на обширном поле психотерапии с большой уверенностью обращаются к тому, что они ощущают как некий внутренний план сознания, нередко охотно отзывающийся на доброжелательное внушение; и вся структура многого из весьма полезного душевного лечения покоится на основании веры в готовность и способность нашего внутреннего «я» откликаться на здоровые внушения. Спиритуалисты, придерживающиеся старомодной терминологии, часто спорят с исследователями подобных явлений, говорящими на другом языке; поэтому крайне желательно, чтобы честные исследователи собирались вместе и усердно сравнивали свои наблюдения, стремясь прийти к какому-нибудь ясному выводу, понятному всем.

Мы все отвергли бы как нелепость утверждение, будто, поскольку у нас есть собственные силы и мы много работаем поодиночке, мы никогда не действуем сообща с ближними; но такое утверждение, как бы смешно оно ни выглядело, не обязательно менее логично, чем довод, будто нет общения с нашими друзьями в духе, «перешедшими границу», раз мы доказали существование мысленной телеграфии и телефонии и часто наслаждаемся психическим общением друг с другом, продолжая оставаться во плоти. Всякий факт имеет свою ценность, и единственный разумный способ обращения с фактами — сопоставлять их друг с другом, чтобы прийти к некоторому ясному синтезу. Вполне можно сказать, что спиритуализм включает гораздо больше, чем простое утверждение зачаточного учения о переживании телесной смерти, и это обильно доказывает накопленная история прошлого, начиная с 1848 года. Спиритуализм — первопроходец среди всех современных культов. Теософское общество было основано в 1875 году, а Христианская наука и многие другие движения в их нынешней организованной форме ещё моложе.

Если спиритуалисты решатся совершить великое дело, на которое они вполне способны ныне, как и в минувшие годы, — как в своих организованных, так и в неорганизованных объединениях, — им следует особенно стремиться объединить многие расходящиеся, но не вполне противоречащие друг другу школы мысли, ныне борющиеся за первенство. Не может быть истинной духовной жизни там, где царят раздор и разобщённость. Единство, но не единообразие, всегда необходимо для совместной деятельности, и лишь как сотрудники мы можем жить подлинно духовной жизнью. Поскольку интеллектуальные различия очевидно неизбежны, основу согласия нужно искать на плане более глубоком, чем разум, а этот план — обитель подлинно человеколюбивого чувства. Слишком часто во всех наших исследованиях тайн вселенной нами, кажется, движет единственное желание *получать*, а не *давать*, и именно из-за этой своекорыстной склонности мы часто извлекаем так мало непреходящей ценности из потоков сообщений, достигающих нас через врата медиумизма, хотя многие из получаемых посланий с точки зрения простой доказательности поистине весьма значительны. Есть две различные точки зрения, с которых следует судить обо всех

предполагаемых сообщениях, а именно научная и этическая. С научной точки зрения, как часто заявляют доктор Дж. Х. Хайслоп и другие известные авторы и экспериментаторы, чем незначительнее сообщение (в некоторых отношениях), тем оно убедительнее, тогда как с этической стороны следует принимать совершенно иной мерило суждения. Поначалу нам всем, естественно, любопытно узнать, можно ли неопровержимо доказать подлинность каких-либо психических явлений; весь наш интерес сосредоточен исключительно на факте простого свидетельства, но после того как мы полностью установим некоторые зачаточные выводы, если нами в сколько-нибудь заметной мере движут благожелательные побуждения, мы хотим делать со своим спиритуализмом положительное добро, а не наслаждаться общением с духами просто как личной роскошью или интеллектуальным развлечением. Беспроводной телеграф необходимо было продемонстрировать, прежде чем знаменитая система Маркони могла завоевать доверие делового мира, но теперь, когда он уже не та поразительная сенсация, какой был несколько лет назад, люди мудро стараются применять его так, чтобы можно было избегать несчастных случаев на море, а в

случае опасности быстро оказывать помощь всем, кому грозит гибель. Мы вполне можем удовлетвориться мыслью, что на невидимых планах Природы существуют всевозможные виды и состояния существ, с которыми мы можем общаться и общаемся гораздо легче и чаще, чем обычно склонны верить, и едва ли будет преувеличением сказать, что никакое утверждение не слишком экстравагантно, чтобы не входить в пределы возможного там, где речь идёт о таком общении.

Мы привыкли бойко рассуждать о «небесных» и «адских» влияниях, не осознавая в достаточной мере, что те существа, которых обычно называют «ангелами» с одной стороны и «демонами» с другой, суть всего лишь обычные люди, стоящие в одном случае *выше,* а в другом — *ниже* нас самих в своём развитии. Учителя, адепты, посвящённые, ангелы-хранители и так далее — это лишь титулы, даваемые человеческим духам, продвинувшимся дальше нас в силе и знании. Тот факт, что мы мыслим о них и, по-видимому, постигаем их свойства, — превосходное доказательство того, что мы содержим в себе всё, что выражают они; единственное подлинное различие между их состоянием и нашим заключается в том, что они

действительно развили многие способности, которые в нас пока дремлют. Эти высшие разумы теософы обычно называют «старшими братьями», и это превосходное выражение, ибо оно так ясно указывает на их отношение к нам и наше к ним. Нет ничего очевиднее того, что все мы в основном хорошо согласны относительно того, каковы небесные свойства. Никто не возражает против слов, приписываемых великому Учителю христианского мира: «Я посреди вас как служащий» и «кто хочет быть большим между вами, да будет всем слугою». Закон служения всегда сильно подчёркивают духовно мыслящие люди, и мы уже привыкаем к дерзкому утверждению многих сторонников «Нового мышления», что «Бог — слуга человека», что есть лишь оборотная сторона глубокой, жизненной истины, привычно выраженной в старинной фразе: «Все мы — слуги Божии». Великие положения нужно перевернуть вверх дном и вывернуть наизнанку, прежде чем мы сможем разумно оценить их всеобъемлющость. Нередко случалось, что какую-нибудь одну сторону выгод духовного общения изучали и ценили несоразмерно другим, и этой стороной часто оказывалась та, что обращена к своекорыстным, а не к благословляющим ближнего наклонностям нашего несомненно сложного

человеческого характера. Мы хотим, чтобы другие служили нам, но, как правило, не так готовы служить, как быть обслуженными. Мы все достаточно охотно поём с чувством: «Ангелы, вечно светлые и прекрасные, возьмите, о, возьмите меня под свою опеку», но, как правило, не столь готовы молиться о том, чтобы самим выступить ангелами, берущими других под свою опеку. Именно эту сторону необходимо выдвинуть на видное место, если мы действительно серьёзно стремимся углубить свою духовную жизнь или, иными словами, развить подлинную практическую духовность.

Мы достаточно хорошо знаем, что у великого слова «дух» есть много хороших определений, но простейшее и очевиднейшее из них — *дыхание,* от латинского *spiritus*, — ни в коем случае нельзя упускать из виду. Нам часто напоминают, что мы сократили латинское слово из восьми букв до английского из шести, а затем (по-видимому) забыли источник, из которого произошёл наш сокращённый термин. Эта ошибка быстро исправляется благодаря огромному вниманию, которое ныне уделяется дыхательным упражнениям всех видов, от простейших до самых

сложных, но и здесь мы снова сталкиваемся с тем же старым вопросом: зачем мы практикуем йогу или что-либо с ней связанное? Дыхание жизни — первоначальное определение духа, и ритмичное дыхание необходимо как для душевной, так и для телесной бодрости. Здоровье ныне, к счастью, переопределяется как целостность, поэтому религия и наука, давно разведённые, сейчас вновь вступают в брак с отличными видами на рождение живого и прочного потомства, которое не забудет о законах здоровья применительно ко всем сторонам существования. Книга большой ценности, «Религия и медицина», совместный труд двух выдающихся священников и известного бостонского врача (США), содержит многие из новейших и наиболее популярных положений Церкви и медицинской профессии, когда те объединяются, чтобы вести войну на уничтожение против всех видов болезни — физической, душевной, нравственной и духовной — благотворным средством хорошо направленной мысли, вдохновляемой праведной любовью и поддерживаемой разумной верой в существенную доброту нашей общей человеческой природы. Преподобный Элвуд Вустер, доктор богословия, и преподобный Сэмюэл Маккомб, доктор богословия, состоят соправителями ныне знаменитой церкви

Эмануэля в Бостоне, давшей имя много обсуждаемому движению Эмануэля. Доктор Исидор Кориат — врач несомненной известности. Эти три учёных джентльмена создали вместе необыкновенно ценный том, где древняя и современная мысль и практика поставлены рядом таким образом, что властно напоминают о жизненной мысли о постоянной Божественной имманентности и неизменной достоверности свершаемого добра, независимо от времени и страны, если мы лишь займём восприимчивую позицию по отношению к благому духовному притоку — точно так же, как на физическом плане мы можем наслаждаться свежим воздухом и ярким солнечным светом, если только научно расположим и откроем свои окна и вентиляторы, чтобы свободно пользоваться обильными природными благами, ежечасно доступными богатым и бедным в равной мере. Противники движения «Эмануэля» и подобных ему часто настаивают, что нынешняя Церковь придаёт слишком большое значение физическому исцелению и мирским делам вообще. И в церковных, и в светских изданиях жалуются, что наша религия по существу — «духовное» дело и потому не может прямо заниматься ни излечением телесных недугов, ни обеспечением физических

нужд; добрых священников и других людей, ведущих много превосходной, казалось бы, светской работы, во многих кругах резко бранят за то, что они сходят с подобающего им поля «духовной» деятельности и посвящают себя делам менее важным и куда менее достойным интереса, чем «спасение душ», которым, по мнению их фанатичных критиков, они должны заниматься исключительно. Примерно такой же крик нередко поднимается в спиритуалистических обществах теми, кто верит в некий узкий спиритуализм, занимающийся исключительно вопросами так называемой «будущей жизни» и «иного мира». Между тем наш идеал духовности — и он, несомненно, полностью согласуется с греческой философией и первоначальным христианским учением и практикой — состоит в том, что дух пронизывает материю, что внешний мир одушевлён духом, проникающим всякое кажущееся плотным вещество и поистине занимающим промежутки между электронами, на которые ныне научно разложены атомы материи. Если новейшая научная теория материи заслуживает серьёзного внимания, то мы вскоре должны прийти к чему-то вроде возрождения древнего алхимического понятия о единой первичной субстанции, и мы

вполне можем вспомнить, что выражение «один элемент» встречается как в поэзии Теннисона, так и в магических трактатах мистических философов и оккультных учёных, чьим долго бесчестимым открытиям и утверждениям учёный мир наших дней начинает уделять серьёзное внимание.

Где же тот «мир духов», о котором мы так много слышим; где те «семь сфер» и где можно найти какое-либо «небо», «рай» или «чистилище», о которых так бойко говорят богословы? Омар Хайям в своих всемирно известных «Рубайят» ответил на эти вопросы в нескольких ярких строках пламенного стиха полнее, чем на них отвечали во многих объёмистых томах мучительной философии или схоластического богословия. Глубокий знаток суфизма (доктор Нортон Хейзелдайн, ныне из Лос-Анджелеса, Калифорния), проведя много лет в Персии и других восточных землях, в своём необыкновенно прекрасном переводе эзотерической стороны «Рубайят» дал нам следующий перевод части шестьдесят седьмого четверостишия:

«Внемлите же этой простой, но древнейшей из истин: как человек может обрести знание о жизни за гробом. Владей собой и посредством чувств своих

посылай душу в её стихии, дабы исторгнуть там тайну её Рождения и Конца. Нежный голос безмолвия шепчет тихо и мягко и велит мне записать ответ здесь, ниже: Я сам — Небо, я сам — Ад, я — Причина Созидающая, я — Путь, Конец».)

Следует всегда помнить, что личное местоимение употреблено здесь точно так же, как использовал его Эмерсон в своём известном изречении:

«Я владелец сферы,
Семи звёзд и солнечного года»,

— в каждом случае подразумевается не частная собственность, а лишь всеобщее участие в общей реальности.

Это подводит нас к самому важному нашему пункту — к возможности наслаждаться внутренней жизнью покоя и мира, как бы яростно ни бушевала вокруг нас буря. Естественные аналогии всегда под рукой, чтобы проиллюстрировать эту величайшую и сладчайшую из всех важных истин — полную благость всех разнообразных жизненных опытов, когда, по выражению сэра Эдвина Арнолда в рассуждении о вере ислама, они «рассматриваются с трона Аллаха свыше». Кажется немыслимым,

чтобы рассуждающий спиритуалист придерживался пессимистического или хотя бы полупессимистического взгляда на вселенную, но, по-видимому, многие люди никогда не позволяют себе довести собственную философию до логического конечного результата. Независимо от наших религиозных, философских и иных идей и мнений, все мы вынуждены признать, что наша внешняя жизнь, как на неё ни смотри, для многих из нас по меньшей мере полна трагедий. Закрывать глаза на очевидные явления по-детски, если не нелепо, но из того, что мы допускаем существование фактов, вовсе не следует, что мы обязаны толковать их пессимистически.

Поистине духовный взгляд на жизнь всегда должен быть таким, который придаёт очень мало значения какому-либо внешнему приобретению или потере в сравнении с внутренней болью и радостью. Вопреки всем ложным утверждениям об обратном, слова остаются истинными во все последующие века: «жизнь человека не зависит от изобилия его имения». Некоторые социалисты и другие иногда неразумно утверждают, что устремлять мысли к жизни за пределами настоящей — значит поощрять богатых в их

угнетении бедных и в то же время советовать недоедающим и перетруженным толпам довольствоваться своей участью в этом мире, потому что в какой-то грядущей жизни всё будет справедливо исправлено. Нечего и говорить, что для такого утверждения есть некое поверхностное основание, но утверждать, будто существует какая-либо необходимая или логическая связь между верой в духовные реальности и поощрением несправедливых общественных условий, попросту смешно. Едва ли какие-либо люди в Англии или где-либо ещё ныне прилагают больше сил и неутомимости к улучшению всех общественных условий, чем те, чьё особое религиозное убеждение называется Новой теологией, но преподобный Р. Дж. Кэмпбелл, его соратники и сторонники стоят в первых рядах тех, кто стремится доказать реальность духовной жизни, продолжающейся за пределами земного распада. Теперь нужно принять точку зрения, для многих новую, и спиритуалисты должны быть среди первых, кто подчёркивает здешность и теперешность духовной жизни и её вездесущей деятельности. Ясновидение, яснослышание, ясночувствование и все прочие расширения нормальной способности просто указывают самым очевидным образом, что наши

общепризнанные пять чувств, независимо от любого большего числа, которым мы можем скрыто обладать, никоим образом не заключены в какие-либо определимые границы. Мы видим, слышим, ощущаем вкус, осязаем, обоняем, но как далеко простираются те идеи, которые передают нам эти пять слов? Ясное зрение, слух и чувство могут означать лишь большее, чем у среднего человека; поэтому для удобства мы часто отвергаем старое слово «сверхъестественное» и прибегаем к «сверхнормальному».

Но спросим снова, что подразумевается под нормальным, если у нас нет устойчивого мерила, по которому можно определить границы нормальности. По крайней мере, все мы согласны, что наша норма — для кого-то сверхнорма, а для кого-то другого, возможно, ниже нормы. В художественной галерее, украшенной сотнями изысканных картин, мы не можем установить друг для друга какой-либо критерий суждения, кроме как в весьма ограниченной мере, ибо зрение, как и художественная восприимчивость, так сильно различается у нас, что мы можем говорить уверенно лишь о впечатлении, которое производит на каждого из нас та или иная картина. На стенах висят

благородные, тонко исполненные портреты, каждый из которых изображает черты некоего выдающегося мужчины или женщины, совершивших нечто достойное упоминания. Затем, отвернувшись от портретов отдельных лиц, мы останавливаем взгляд на пейзажах и морских видах, на мирных долинах и многолюдных торговых рынках; снова нас приглашают созерцать единственный цветок или гроздь прелестных соцветий, а затем нашему взору предстаёт то птица, то животное. В чём назначение всего этого искусства; зачем существуют художники и почему мы ценим и выставляем картины? Несомненно, мы должны видеть во всём этом выставлении таланта и красоты нечто гораздо большее, нежели простое удовлетворение какой-то эстетической прихоти, иначе наши художественные школы и их ученики превращаются в ничтожнейших поставщиков для мимолётного вкуса к внешне привлекательному. Если же, как учил Рёскин, искусство следует возделывать не ради него самого, а ради человечества, то в истинном художнике мы можем видеть добросовестного работника на ниве духовного возвышения и преобразования, ибо, поскольку искусство всегда есть путь, по которому можно достучаться до народа, живописец и

скульптор должны занять место среди служителей возвышенного и вечного евангелия, несущих благую весть о духовной реальности миру, нередко придавленному до самых глубин гнетущим ощущением нереальности всего того, что он так нежно прижимал к груди. Посредством картины или статуи урок может быть передан множествам тихо, действенно и прочно, как никаким другим способом. Когда миссис Безант посетила Чикаго осенью 1907 года, она произвела большое впечатление на жителей этого огромного космополиса, обратив их внимание на прекрасные работы многих художников, чьи произведения были заметно выставлены, и в то же время настойчиво призвав к тому, чтобы в целом выбирались более высокие сюжеты, чем обычно. Вот широкая подсказка, как сделать популярным многое из лучшего, что есть в спиритуализме. У художников, одарённых вдохновением и глубоко проникнутых острым чувством возможного величия своего призвания, есть практически безграничная прерия, где можно разгуляться, когда они решают посвятить свои дары замысла и выражения воплощению высоких идеалов на холсте, в бронзе или мраморе.

Никто из нас недостаточно размышляет о пользе хороших произведений искусства в наших домах, школах и на общественных улицах. Тот факт, что многое уже сделано и с превосходными результатами, лишь свидетельствует о том, сколько ещё можно совершить и с ещё более благими последствиями, если мы только ухватимся за свои золотые возможности. В одном смысле музыка даже действеннее неподвижных искусств в пробуждении чувств и в возвышении мысли над внешней убогостью; но при всей её силе и прелести сама летучая природа музыки мешает ей занять то особое место, которое должны занимать другие искусства. В духовном храме, будь то просторный дворец или скромная мансарда в небольшом жилом доме, само здание всегда должно уметь действовать само по себе, безмолвно и наводяще, совершенно независимо от каких-либо установленных упражнений, совершаемых в его стенах. Весьма добрая наклонность многих спиритуалистов ныне — обзаводиться домами для духовной работы, атмосферу которых легко сделать особой и в высокой степени возвышающей; и чтобы полностью достичь этой превосходной цели, нам следует ввести все возможные принадлежности красивого и полезного свойства. Но всегда есть одна сторона

духовной философии, более светлая, широкая и богато утешительная, чем все остальные, — это великая тема опыта, достижимого во сне и трансе; и вспомним, что в этом вопросе у спиритуалистов и теософов есть широкая и всеобъемлющая общая почва. Лишь сравнительно редко мы получаем определённые сведения о духовном мире, или «астральном плане», пока бодрствуем; это потому, что мы так глубоко погружены во внешние интересы и дела, что лишь изредка можем уделить серьёзную мысль чему-либо вне наших ближайших мирских занятий. Но во сне наше состояние совершенно обращается: едва мы вступаем в сон, как поворачиваемся спиной к внешнему и лицом к внутреннему миру. Восемь часов из каждых двадцати четырёх многие люди совершенно отдыхают от всех внешних забот и обязанностей и тем самым обретают не только полное восстановление сил, но и духовное снаряжение для разнообразной работы, ежедневно лежащей перед ними. Как хорошо проведённый день заслуживает мирную ночь, так и хорошо проведённая ночь готовит нас к счастливому, полезному дню. Обучение во сне или в состоянии транса — одна из важнейших и увлекательнейших тем, которой спиритуалисты могут жизненно заинтересоваться,

и в заключение нашего очерка мы хотим предложить несколько практических советов, как сознательно расширить благотворный охват нашего ночного вдохновения. Удалившись ко сну, пока ещё бодрствуешь, очень хорошо тщательно сосредоточить внимание на каком-нибудь предмете или месте либо на человеке, с которым мы хотели бы быть особо связаны во время дремоты или транса. Перед сном полезно решить, что проснёшься медленно, и внушить себе, засыпая, что ты перенесёшь через границу чёткое воспоминание о том, как и где провёл ночь. Очень часто благодаря этому мы получаем много сведений огромной важности, полезных самыми разными способами, а более всего мы всё яснее осознаём благословенный факт: ночь за ночью мы можем трудиться и пребывать среди наших «ушедших» любимых, как день за днём мы служим и путешествуем среди наших ещё воплощённых друзей. С чистым намерением собирать полезные знания на психическом плане и употреблять их во благо мы можем безопасно упражняться в том, что упорядоченно развивает способность нашей внутренней природы и позволяет нам дать

определённый утвердительный ответ на неотступный вопрос: «Если мы, по-видимому, умираем, продолжаем ли мы всё же жить?»

МЫ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС ЖИВЁМ В БЕСКОНЕЧНОСТИ И ВЕЧНОСТИ.

Когда эта могучая истина ясно осознана, для нас больше нет ни «этого», ни «иного» мира, ибо мы научились видеть, что границы пространства и времени относятся лишь к тем внешним планам сознания, которые духовное прозрение, по самому своему особому назначению, всегда безмерно превосходит.

ГЛАВА XXIII.

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ГНОСТИКОВ — БОЖЕСТВЕННОЕ ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО.

Никакое учение не может увлечь наш интерес сильнее, чем гностицизм, особенно теперь, когда подобающее Женщине место — один из жгучих вопросов времени. По словам Фрэнсис Суини, написавшей на эту тему замечательную книгу, у истинных гностиков Женщина выше Мужчины,

поскольку *София,* Божественное Женское начало, — центральный предмет гностического поклонения. В совершенно синтезированной системе мысли и практики, мы твёрдо уверены, ни один пол не будет господствовать над другим; но поскольку мы видели столько зла от мужского деспотизма и монополии, противоположная крайность в учении миссис Суини заслуживает серьёзного размышления и тщательного рассмотрения, и хотя поначалу она может показаться рядовому читателю нелепой, в поддержку основной её части можно привести немало здравых доводов. Гностики видели в Божестве скорее женскую, чем мужскую сторону, а потому обожествили женщин и отодвинули мужчин на низший ранг. Совершенное равенство полов, повсеместно признанное, — наше собственное предвидение для грядущего века и грядущей расы; но вряд ли можно ожидать, что столь вполне идеальное состояние наступит, пока не родится много детей в умственной, равно как и физической среде, во всех отношениях намного превосходящей ту, что ныне почти повсеместно преобладает, и лишь через прямое посредничество освобождённого и посвящённого материнства может появиться новая, высшая раса. В гностической философии, которую ныне выносят на

общественный взгляд, есть подлинная «тайна благочестия», но есть и весьма важное «открытое учение» об отношении полов, которое никогда не скрывается как следует, ибо для улучшения расы крайне важно, чтобы оно распространялось публично. При крушении старых идей и институтов, повсеместно идущем ныне в преддверии установления нового порядка, неудивительно обнаружить огромное религиозное, общественное и промышленное брожение. Это далеко не обескураживающий симптом и не признак упадка расы; для всех, кто способен правильно читать знамения нашего времени, это убедительное доказательство того, что мы стоим на самом пороге новой эры, в которой вправе ожидать увидеть состояние человечества, намного превосходящее нынешнее.

Многие из первых христиан были гностиками, и во многих посланиях, приписываемых святому Павлу, есть многочисленные несомненные следы выраженного гностического учения. Этот факт очень облегчает мистикам пребывание в Католической церкви, в то время как они придерживаются взглядов, совершенно расходящихся с общепринятым внешним учением,

провозглашаемым в приходских церквях и принимаемым за всё и вся христианства подавляющим большинством как священников, так и мирян. Доктор Анна Кингсфорд, автор столь популярного трактата «Совершенный путь, или Обретение Христа», вовсе не считала своё положение противоречивым, ибо полагала, что существует «церковь внутри церкви», которую на страницах «Оккультного обозрения» часто называют «Церковью Святого Грааля». Сент-Джордж Миварт, отец Тиррелл и многие другие выдающиеся учёные недавнего времени вызвали немало споров своим «модернизмом», который во многих самых определённых своих чертах не так уж далёк от гностицизма.

Гностик никогда не удовлетворится буквализмом: для неё или для него внутренняя жизнь, или животворящий дух, — это единственное, что действительно важно. Исторические события и эпизоды теряют всякое значение рядом с размышлением о действии Божественного Духа в человечестве в живом настоящем. Исторические рассуждения никогда не привлекают ни гностика, ни мистика, разве что поскольку они могут быть полезны, показывая непрерывную преемственность

эзотерического учения и иллюстрируя знаменитыми примерами то почётное место, которое гностическое учение всегда занимало среди самых просвещённых и просвещающих учителей человеческого рода. Из предисловия к весьма художественному и великолепно иллюстрированному тому миссис Суини приведём следующее: «Всегда были умы, которые в какой-то мере постигали вечные истины; они словно улавливали мимолётное видение целого во всей его славе и божественности и были переполнены Мудростью Всевышнего. Но большинство рода людского сильно отстало; общее развитие духовного сознания в человечестве шло так же постепенно, как и органическая эволюция. Потому религиозные верования отмечают то состояние сознания, которого достигла человеческая психология. Мы ныне улыбаемся «кожаным одеждам» и слишком твёрдой плоти, в которые первобытный человек в своей грубости облёк высочайшие идеалы своего рода. Но даже допуская, что запредельная действительность вскоре была погребена под овеществлённой формой, через которую её представили миру, Божественная интуиция, подобно золотой нити истины, блестит сквозь все разнообразные веры. Вопреки неуверенности

человека, с объективными проявлениями и символикой было переплетено субъективное неделимое существо вечной Мудрости. Формы веры — лишь преходящие ступени Души на её пути вверх от сознания к сознанию, от истины к истине, от откровения к откровению, от славы к славе, пока она не достигнет Света Светов.

«Но человечество неохотно признаёт эфемерный характер отдельных вероучений, которые душат внутреннюю истину внешней обрядностью, ритуалом, догмой, теориями, кодексами, канонами, условностями, прецедентами и определениями, пока внешняя скорлупа не заточит живую истину в атрофированном сжатии. Мы забываем, что эти эволюционные изложения веры — лишь места отдохновения для человеческой души в её мучительном труде самозавершения, пока она выходит из материальных глубин. Вместо того чтобы быть скальными гробницами, в которых мы хороним наших Христов, или мраморными святилищами, рассыпающимися под натиском времени, они — только шатры, которые снимают на заре, когда проходит ещё одна ночь тьмы — невежества, глупости и страданий человечества.

«Мы трудимся ночью, как ученики на Галилейском море. Мы видим лишь непроглядную черноту вод и непостижимый свод полуночного неба. Вокруг нас — неясность, тайна и страшное Неведомое. Но когда занимается утро, приходит и возвышенное откровение. Ибо нас окружают вечные холмы, и Христос ждёт нас на берегу — на берегу залитого солнцем моря».

Гностицизм и оккультизм — ближайшие соседи и близкие друзья, если не одно и то же; поэтому мы можем в любое время встретить эти термины, употребляемые как взаимозаменяемые. Истинный оккультизм — это система, стремящаяся проникнуть под всякие поверхности и открыть то, что издавна таилось в казавшейся непроницаемой тайне. Установленные церемонии церковных и масонских организаций могут служить полезной цели, сохраняя непрерывную традицию. Церемонии подобны буквам в словах и словам в языках, но буквы и слова одинаково бесполезны и громоздки, если мы не употребляем их мудро для передачи живой мысли от ума к уму и от места к месту.

С гностической точки зрения на религиозные догматы слово «догмат» (tenet) прямо связано со словом «шатёр» (tent) — временным пристанищем

или местом остановки, а также переносным жилищем, которое легко сложить и перенести с места на место, чего постоянные дома, конечно, сделать нельзя. Однако у гностиков есть не только шатры, но и храмы; они же воплощают неподвижные принципы, одни и те же в каждом климате и в каждом веке, а не особые толкования фактов, данные в разные эпохи человеческой эволюции людьми, которые, хотя и были высокими церковными сановниками, нередко оказывались гораздо более плотскими, чем духовными.

Мид в своих «Фрагментах забытой веры» сообщает, что в первом веке нашей эры гностики Александрии стремились открыть поистине универсальную религию, или создать теософию, которая удовлетворила бы все умы; но возникавшая тогда новая раса оказалась составленной из столь разнородного материала, что задача была им не по силам. Западный интеллект, по-видимому, никогда не был способен постичь тонкую метафизику и отвлечённое мышление восточного ума, и во многом именно поэтому эзотерические истины были так грубо оплотнены в принятых христианских определениях. Многое из этого оплотнения оказалось столь отталкивающим для

людей духовного склада, что они совершенно отвернулись от церкви и её таинств — до тех пор, пока какой-нибудь внешний наставник, обладавший нужным пониманием происхождения и внутреннего смысла мистерий, не показал им некий внутренний смысл и не помог высвободить его из грубого материализма, в котором он так долго оставался сокрытым.

В свете гностического толкования персонажи евангельских повествований предстают ясно и поучительно как постоянные человеческие типы, а не просто как исторические лица, жившие однажды в определённое время и в определённом месте. Но гностический ключ к Новому Завету нужен нам главным образом вовсе не по этой причине, а из-за глубоких истин, сокрытых в учении о Троице и в других тайных мистериях, — именно здесь нам более всего необходимо это объяснение. В общепринятом представлении о Божественной Троице есть три Лица, но только один Бог. Говорят, что это тайна, слишком глубокая для человеческого разума; поэтому за пределами Афанасиева символа веры мы не находим честолюбивых попыток определить это понятие. Но мы не можем позволить себе молчать о пагубном влиянии, которое во всём

христианском мире оказывает господствующая мысль, будто три Божественных Лица — исключительно мужского пола. Гораздо более древние, чистые и несравненно более естественные представления о Троице мы находим в записях древнего Египта, где Осириса, Исиду и Гора почитали как Отца, Мать и Дитя. Одни аспекты Гора мужские, другие женские; это показывает, что высочайшие и чистейшие религиозные понятия египтян отводили женскому началу во всём место почёта, равное мужскому. Нельзя держаться исключительно мужского представления о Божестве и в то же время верить, что материнство так же божественно, как отцовство. Унижение женщины всегда сильнее всего поддерживается там, где распространена вера, что лишь мужчины достойны служить у священных алтарей. Магометанство держало женщин в куда большем порабощении, чем христианство, потому что оно никогда не терпело мысли о Царице, наряду с Царём Небесным, — мысли, которую Римская церковь всегда поддерживала, во многом ослабляя тем самым пагубное действие подавления образа Божественной Матери, стоящей между Отцом и Дитятей.

Иудаизм никогда не допускал изобразительных изображений Единого Божества, ибо для благочестивого израильтянина любая попытка изобразить Божество считалась бы вопиющим нарушением Декалога; но во многих христианских церквях и в иллюстрированных Библиях мы видим попытки изобразить Святую Троицу, и всегда тремя фигурами: одна — пожилого мужчины, другая — молодого мужчины, третья — голубя. Так вот, голубь скрывает лик Божественной Матери и служит её эмблемой. Если бы изображение было возвращено к своей первоначальной форме, оно стало бы гораздо лучше нынешнего, и, будучи так восстановлено, оно легко истолковывалось бы просто как три различных проявления Божества, приспособленных к человеческой нужде; между тем, как заметила Е. П. Блаватская, глядя на знаменитую картину Гюстава Доре, безмолвие бесформенной тайны на заднем плане символизировало Невыразимого гораздо вернее, чем три ограниченные фигуры на переднем.

Если нам необходимы изображения человеческих представлений о Божестве, то мы, несомненно, вправе настаивать, чтобы они были как можно более возвышенными, а таковыми они

никогда не смогут быть, если исключают матерей из равного ранга с отцами нашего рода. Именно к искусству мы должны во многом обращаться, чтобы донести благую весть грядущего века до самых отдалённых уголков земли, ибо произведения искусства говорят с множеством людей, к которым назидательное учение вовсе не обращено. То, что ныне часто называют состоянием сверхчеловека, гностики называют состоянием «женщины совершенной, которая объемлет и превосходит мужчину». Это, разумеется, крайний взгляд, но в интересах лучшего продолжения рода гораздо безопаснее возвышать женщину над мужчиной, чем мужчину над женщиной, потому что матери оказывают несравненно большее влияние на нерождённых и на малых детей, чем отцы. Гностическое учение о прощении грехов важно и совершенно расходится с любой верой в «заместительное» искупление, ибо для гностика поистине верно, что Христос внутри есть «упование славы». Якоб Бёме очень близко подошёл к объяснению гностической позиции, когда сказал: «Бог в человеке отдаёт то, что греховно. Никто не может прощать грехи, кроме Христа в Человеке. Где Христос живёт в Человеке, там и отпущение». В этом высказывании современного немецкого мистика

легко распознать форму эзотерического учения, которая полностью устраняет все споры о родословиях и прочих чисто внешних вещах, против которых все гностические писатели первоначальных христианских дней непрестанно предостерегали своих катехуменов. Лишь в четвёртом веке господствующая экзотерическая партия в Церкви взяла верх настолько, что силой подавила всякое публичное преподавание гностицизма и распространила позорную молву, будто гностики — люди возмутительно безнравственные, стремившиеся извратить Евангелие в угоду распущенности; это утверждение вопиюще противоречит хорошо засвидетельствованным фактам. Поскольку ни одно гонение или противодействие эзотерическому учению никогда не возникало без некоторой внешней видимости оправдания, весьма вероятно, что некоторые искренние люди былых времён действительно настолько неверно поняли подлинное направление гностической философии, что поверили, будто она проповедует безнравственность; но ни один зрелый учёный никогда не мог бы держаться столь совершенно ошибочного взгляда, если только он не был так искажён предубеждением и фанатизмом, что стал

совершенно неспособен взвешивать свидетельства в этом вопросе или рассматривать утверждения в свете спокойного, беспристрастного рассуждения. Гностицизм задолго предшествовал христианству, и господствующие церковники, без сомнения, часто опасались, что, если терпеть гностические «ереси», широкие народные массы могут обнаружить подлинный первоисточник христианских обрядов и церемоний. Великий грех христианского мира — его высокомерное отношение ко всем религиозным системам, более древним или иным, чем православное христианство; и хотя оно настолько признало древний иудаизм, что объявило его религией, установленной Божественно, его отношение к современному иудаизму было отношением неумолимой и нескончаемой вражды и гонений. Это был бы счастливый день для преследуемого Израиля в России и в нескольких других номинально христианских странах, если бы свет гностицизма пробился сквозь густой туман господствующего буквализма: тогда, поскольку распятие Христа понималось бы эзотерически и универсально, ни под каким предлогом нельзя было бы проклинать евреев как «убийц Христа» — титул, который часто к ним применяют как

оправдание грубой несправедливости, с какой их нередко обращаются их открыто христианствующие соседи.

Освобождённое женское начало в свете гностического учения представляет «Пистис Софию», избавленную от всякого рабства плотским вожделениям и возведённую на престол владычества, которому она по праву принадлежит. Гёте во второй части своей мистической драмы «Фауст» находит «Mater Gloriosa», средоточие 183 сфер света; это поистине «Божественное Женское начало, которое всегда ведёт нас вперёд». Ревность учеников-мужчин к Учителю, который поручал женщинам наставлять их в тайнах Анастасиса (воскресения и возрождения), должна была сильно способствовать строгому исключению женщин из христианского священства, ибо трудно представить что-либо яснее слов, приписанных воскресшему Учителю в Четвёртом Евангелии, где он велит Марии Магдалине сказать его ученикам, и особенно Петру (номинальному главе Римской церкви), что он воскрес из гробницы. Совершенно независимо от огромной массы внехристианских свидетельств, принятые Евангелия и Послания Нового Завета дают обильные доказательства того, что Учитель

многие из своих глубочайших наставлений давал женщинам, посвящая их тем самым в «тайны Царства Небесного» — выражение, хорошо понятное гностикам, которые понимают под ним живое осознание истины, постигнутой внутренне, а не засвидетельствованной извне на исторических основаниях, как у всех, кто полагается на внешнее свидетельство, а не на внутреннее осуществление. Преобразование всякой энергии — главное устремление гностиков, и никто не может быть практическим, опытным гностиком, если не научился так подчинять плоть духу, что «древний змий» из несущего смерть превращается в приносящего жизнь. Так в конце концов полностью исполнится пророчество «будут брать змей», и так же получат полное подтверждение многие другие столь же загадочные места Писания.

ГЛАВА XXIV.

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ — ЕЁ ИСТОРИЯ И ЗНАМЕНИЕ — ВИДИМАЯ В 1910 ГОДУ.

Человеческий ум во все века, по-видимому, инстинктивно связывал с появлением комет, этих непостоянных странников по полям пространства, некую таинственную силу, хотя движения их теперь кажутся столь же исчислимыми, как движения гораздо менее примечательных светил и созвездий, которые мы привыкли называть неподвижными звёздами лишь потому, что гораздо полнее постигли их поведение. Комета Галлея, вновь появившаяся в этом году (1910) после семидесяти пяти лет отсутствия, со времени своего последнего появления, имеет весьма богатую событиями историю, которая во многом как будто оправдывает суеверный трепет, с каким к ней относились в Средние века, когда она повергала в ужас население многих стран и, согласно рассказу Дрейпера в его известной «Истории конфликта между религией и наукой», была однажды торжественно предана анафеме высшими церковными властями, которые повелели ей покинуть небеса, ибо её присутствие внушало им мысль о некоей дьявольской силе. Хотя

принято считать, что народные массы повсюду теперь лучше образованы, а потому менее суеверны, чем прежде, отнюдь не редкость и сегодня услышать опасения, что комета может принести тяжёлое бедствие. Этот страх очень древний и, по мнению Игнатиуса Доннелли и некоторых других известных авторов, восходит к великой космической катастрофе, случившейся много веков назад, когда наша планета столкнулась с кометой, и наступил Век Огня и Гравия. Какое бы основание ни имело такое предание, в истории кометы Галлея до сих пор, по-видимому, нет ничего, что оправдывало бы болезненные опасения физического разрушения; но история даёт нам обильные свидетельства того, что поистине великие события в человеческой истории происходили тогда, когда этот блистательный странник озарял полуночное небо. Есть, видимо, веские основания утверждать, что события движутся циклами, что дела человеческие, как и всё прочее в природе, подчиняются закону периодичности, и когда этот закон будет понят полнее, мы сможем читать книгу истории гораздо разумнее, чем большинство из нас читает её сейчас.

Необразованному и ненаучному уму необычное и неожиданное всегда кажется предвестием зла, но для лучше осведомлённых перемена вовсе не обязательно означает бедствие. Пусть даже великие потрясения в жизни народов упорно совпадали по времени с появлением этого прекрасного небесного путника, перемены на карте мира нередко служат несомненными знаками желанного прогресса, и, вместо того чтобы думать, будто с приближением могучих перемен на нас надвигается беда, мы можем научиться с радостью поднимать головы, чувствуя, что близится избавление от многих проклятий. Перигелий нашей чарующей гостьи, присутствие которой на нашем небе сейчас привлекает огромное внимание, был вычислен выдающимся астрономом Эдмундом Галлеем как имевший место 26 августа 1531 года. Эта же комета, по данным того же авторитета, вновь появилась 27 октября 1607 года, затем 15 сентября 1682 года, когда её наблюдал сам Галлей. Она снова совершила своё периодическое появление 13 марта 1759 года и 16 ноября 1835 года — в пределах памяти многих ныне живущих свидетелей. Вероятно, значительная часть исторического интереса к её периодическим визитам объясняется тем, что она была видна во время нормандского завоевания Британии в 1066

году, и замечено, что важнейшие события неизменно происходили в периоды, когда она потом бывала видна. Нынешний, 1910 год её последнего возвращения, безусловно, многое сделал для поддержания репутации кометы как спутницы потрясающих событий: уже в самом начале года во многих странах начались всевозможные смуты, а особенно в Америке трудовые конфликты оказалось крайне трудно уладить. Исследовать, насколько это в наших силах, поразительные совпадения, которые могут пролить некоторый свет на всегда интересную проблему сочувственной связи между нашей планетой и другими членами звёздной вселенной, отнюдь не глупое суеверие; но непростительно для тех, кто знает, как вредны болезненные опасения грядущих бед, играть на страхах слабоумных и легковерных, говоря им, что комета на небе — предзнаменование надвигающегося страшного бедствия.

Для удобства справок, если кто-либо из наших читателей пожелает ознакомиться с главными событиями упомянутых ниже лет и месяцев, мы прилагаем список дат, когда наблюдалась комета Галлея, с 11 года до н. э. по 1910 год нашей эры. За эти точные сведения мы обязаны статье в «Popular

Science Monthly» (январь 1910). Было отмечено двадцать шесть перигелиев этой знаменитой кометы, первый из которых относится к 11 году до н. э. В нашу эру даты перигелия были таковы: 26 января 66; 29 марта 141; 6 апреля 218; апрель (дата не указана) 295; 7 ноября 530 (начало); 3 июля 451; 7 ноября 530 (начало); октябрь 684 (дата опущена); 11 июня 760; 1 марта 837; апрель 912 (начало месяца); 1 сентября 989; 1 апреля 1066; 19 апреля 1145; 22 августа 1222; 23 октября 1301; 9 ноября 1378; 8 июня 1456; 26 августа 1531 (все вышеприведённые даты даны по юлианскому счёту); 27 октября 1607; 15 сентября 1682; 13 марта 1759; 16 ноября 1835; 18 мая 1910. Многочисленны и разнообразны были предположительные теории о кометах вообще и о каждой в отдельности, но теория, наиболее широко принятая астрономами сегодня, состоит в том, что это выгорающие миры — миры, давно выполнившие такие деятельные задачи, какие ныне выполняет наша Земля; ибо, несомненно, замысел всемудрого Зодчего Вселенной — назначить каждой звезде её место и предназначение, и как всё внешнее существование имеет начало, так в какое-то время и каким-то образом оно должно иметь и конец. Астрономия, бесспорно, величайшая и внушающая наибольший

трепет из всех наук, и мы вправе воскликнуть вместе с древним еврейским поэтом: «Небеса проповедуют славу Божию; о делах рук Вечного возвещает твердь».

Вглядываясь в небеса, древние народы получали все свои внешние представления о порядке во вселенной; поэтому мы находим, что все почитаемые Писания по большей части астрономичны в своих отсылках, и даже утверждалось, что каждую библейскую историю можно возвести к астрономическому источнику. Так это или нет, но не подлежит разумному спору, что изучение видимых небес было тесно связано с обязанностями и занятиями всех почтенных жречеств, члены которых во всех прославленных древних странах были научными, равно как и религиозными вождями толпы; и теперь, когда оборот циклов вновь приводит нас к точке новых исследований и откровений, мы с неуклонно растущим интересом и полнотой пересматриваем записи далёкого прошлого и в то же время наблюдаем, как среди нас возникает новый культ или несколько новых культов, стремящихся воплотить мудрость прошлого в согласии с открытиями настоящего. По мере того как созревает

новое время и крепнет современный дух, мы, несомненно, научимся ценить многое в религии и науке наших давно ушедших предков, а более яркий свет и более широкие возможности для открытий и сопоставлений, которые будут отличать наступающую эпоху, позволят нам систематизировать и синтезировать ныне доступное знание с целью построить синтетическую философию, объемлющую все достоинства прошлых систем без их неизбежных ограничений. Во всяком случае, пусть такова будет наша бесстрашная цель и поиск, и тогда всякое законное изучение или исследование, помогающее нам на этом пути, мы с радостью встретим и примем.

КОНЕЦ.

Недавно, по особому приглашению доктора Чарльза Оливера Сахлера, основателя и президента всемирно известного санатория в Кингстоне-на-Гудзоне, я в четвёртый раз побывал в этом очаровательном в любое время года курорте, до которого легко добраться из Нью-Йорка (в 85 милях, два с четвертью часа пути), и теперь могу говорить по личным наблюдениям о том, насколько

осуществимо применение современных методов внушения в управлении большим и непрерывно растущим учреждением.

Сегодня почти все признают, что психическое лечение применимо и полезно при некоторых разрядах расстройств, технически именуемых «нервными недугами», но широко распространено мнение, что так называемые функциональные и органические расстройства нельзя одолеть иначе как сугубо физическими методами.

Немало хорошей работы ныне делается по всей Америке и в других странах выдающимися докторами богословия, равно как и медицины, склоняющимися к этому распространённому ограниченному взгляду, но подобные мнения неизбежно сковывают успешность труда всех, кто их придерживается.

Доктор Ч. О. Сахлер, обычный врач, окончивший медицинский факультет Колумбийского университета в Нью-Йорке в 1878 году и много лет с большим успехом практиковавший по-старому, в 1893 году совершил необычайно смелый шаг, выступив первопроходцем-демонстратором терапии внушением в связи с работой вновь

организованного санатория, начавшего своё существование очень скромно: его поддерживал лишь горячий энтузиазм основателя, который тогда интуитивно был уверен, что дело, столь отважно им предпринятое, не только призвано удовлетворить большую нужду, но и обречено расти и процветать, пока не завоюет уважение и интерес вдумчивых людей повсюду.

В Кингстоне-на-Гудзоне был приобретён приятный просторный дом в самой тихой части города, в пределах пешей досягаемости от делового центра. Двадцать комнат предназначались для размещения учеников и пациентов, искавших обучения и лечения, и очень скоро спрос посетителей намного превысил предложение. К 1899 году было сделано много важных пристроек и улучшений, и число комнат возросло до 42.

Дело всё же продолжало расти и требовало всё больших помещений, пока в 1906 году не было завершено нынешнее большое и красивое заведение, по-прежнему на старом месте, насчитывающее 160 комнат. Нередко в разных корпусах одновременно находятся сто двадцать пациентов, и вместе с работниками различных отделов население Дома (ибо это поистине дом)

редко бывает менее двухсот человек. Теперь в своём огромном труде доктору Сахлеру умело помогает доктор К. П. Уэскотт.

Чтобы руководить столь большой организацией и надзирать за ней, нужны удивительная энергия и проницательность, но доктор Сахлер, по-видимому, без всякого напряжения регулярно справляется с этой громадной задачей, и притом так успешно, что всё идёт так гладко, что невольно задаёшься вопросом, какая волшебная сила управляет делами из некоего невидимого святилища.

Открытый секрет всего предприятия — мощная индивидуальность руководителя, всё внимание которого отдано делу, которое он горячо любит и которое никогда не мог бы осуществить ни один человек, как бы хорошо он ни был обучен и как бы ни был одарён от природы, если бы ему не доставляло истинного удовольствия выполнять множество интересных и важных дел, которые необходимо постоянно и систематически делать.

Одним из тех, кто сыграл большую роль в развитии и организации этой уникальной системы, является нынешняя заведующая мисс Шарлотта Аткинс, работающая в санатории с 1895 года.

Здесь мы видим могучую силу самодисциплины в действии. Теоретиков множество, но по-настоящему успешных практиков по-прежнему мало. Всегда именно *сам врач,* а не какой-либо определённый метод, который можно конкретно сформулировать, оказывается фактором, обеспечивающим успех, и в докторе Сахлере мы видим в высшей степени воплощение духовного пыла, изысканно слитого с интеллектуальной силой и трезвым здравым смыслом.

Явная отличительная черта санатория в том, что он поистине таков, как гласит его название, — обитель здоровья. Всё оборудование внушает бодрость, обитатели чувствуют себя как дома в красиво расположенном особняке, где пользуются наибольшей возможной долей разумной свободы и где к ним относятся как к здоровым образованным людям и потому обеспечивают их обильными средствами для обучения и развлечения.

Хотя в Кингстоне всегда находится много пациентов, довольно значительная доля обитателей — пожилые люди, наслаждающиеся благами радостного дома и находящие душевную и

физическую атмосферу, исполненную сердечности, особенно благоприятной для их постоянного благополучия и обновления.

Хотя доктор Сахлер применяет внушение регулярно и систематически в особо приспособленных покоях, где пациенты во время лечения укрыты от всех тревожащих зрелищ и звуков, его система столь широко охватывающа, что включает всё, что входит в весь замысел полноценного санатория и в порядок управления им.

Любовь к прекрасному заметна повсюду. Простота в сочетании с удобством и изяществом встречает посетителя на каждом шагу. Все комнаты красиво, но неброско убраны и обставлены. Нет кричащих цветов, а повсюду взгляд встречает мягкие, мелодичные оттенки, внушающие покой в сочетании со здоровой деятельностью. Никто не бездействует, и все виды полезных упражнений проводятся с учётом нужд разных темпераментов.

Большая прелесть учреждения — его вполне либеральное и современное оснащение во всех отношениях. Гимнастические упражнения поощряются под руководством способного и

опытного наставницы мисс Луизы Гоуэн, искусной демонстраторши системы Дельсарта и всех прочих утончённых и деликатных способов физической культуры. Все упражнения разумно приспособлены к точным требованиям и наличным силам занимающихся.

Турецкие и русские бани составляют очень ценную и привлекательную особенность, и для управления ими доктор Сахлер нашёл необычайно сведущего руководителя в лице Джорджа Барнарда.

Отдел ремёсел и искусств занимает большое трёхэтажное здание, включающее мастерские, художественные залы, кухню и чайную, под умелым руководством мисс Л. Ф. Уэйт.

Скромным, но от этого не менее ценным работником является мастер на все руки Сэм, который с 1901 года служит в санатории, постоянно заботясь о всеобщем удобстве: поддерживает огонь в печах, носит подносы и во многом способствует телесному благополучию всех обитателей дома. Доктор Сахлер считает его очень важным звеном своего штата помощников.

Другой очень ответственный работник — надзиратель за наружными работами Эрнест Дейо.

Мисс Нелл Сахлер весьма умело ведёт отдел домоводства и домашней экономики.

Миссис Кит-Макклинток, помощница целителя, прибыла в 1906 году и показала себя особенно успешной с теми, кому нужны разумное ободрение и умело направленное сочувствие. Её музыкальные занятия тоже очень ценны. Эта высокодарованная женщина в большой мере ответственна за многие добрые результаты, следующие за продолжительным применением теории на практике; её особые усилия всегда направлены на помощь слабым волей и тем, кому недостаёт необходимой уверенности в себе, чтобы постичь собственные внутренние качества, которые разумное психическое лечение всегда пробуждает.

Получая внушение, будь то от доктора Сахлера или от одного из его помощников, пациент лежит на удобной кушетке в уютной кабинке и слушает утешающие уверения психопата, который обращается к подсознанию, равно как и к внешнему слуху, и объясняет метод так, что обучение сочетается с лечением.

Учитывая крайне важную работу заведующей хозяйством такого большого учреждения, где постоянно приходится удовлетворять столько нужд, большой похвалы заслуживает мисс Розина Аткинс, которая добросовестно и умело исполняет эту должность. Немало похвал заслуживает и Уильям Аткинс, прекрасно справляющийся с обязанностями управляющего хозяйством.

С самого открытия в 1898 году влиятельную и весьма ответственную должность управляющей делами занимает мисс Х. М. Терпеннинг — превосходный финансист, истинный экономист в лучшем смысле этого слова и в то же время человек, всецело разделяющий эстетическое убеждение доктора Сахлера, что изящество, польза и щедрость всегда должны проявляться в единстве.

Неутомимая экономка, миссис Изора Льюис, тоже занимает свою должность с 1893 года, и её неослабной бдительной заботе по справедливости следует приписать гораздо больше того, что ведёт к успеху, чем бросается в глаза.

Ещё одна очень полезная работница, немало способствующая удобству всех, кого это касается, — мисс Шарлотта Мюир, которая с 1903 года

полностью заведует столовой. Эта деятельная, добродушная молодая женщина успешно справляется с трудной задачей разместить всех пациентов и посетителей в строго отведённые сроки, и притом так, чтобы не возникало трений среди чрезвычайно разных обитателей дома. Пунктуальность во всём — непреложное правило, и доктора Сахлера следует поздравить с той действенной помощью, какую он получает от своего большого штата помощников в соблюдении этого важнейшего правила.

Описав историю и персонал, бросим теперь краткий, но всеобъемлющий взгляд на главное здание и его основные этажи. В просторном, светлом, воздушном и прекрасно проветриваемом цокольном этаже находится лекционный зал на 200 стульев с просторной эстрадой и прекрасным роялем. В этом помещении постоянно проходят лекции и превосходные развлекательные вечера, которые охотно посещают горожане и приезжие, а также те, кто живёт под крышей санатория или в одном из его многочисленных вспомогательных коттеджей. На этом же этаже расположены турецкие бани, гимнастический зал, бильярдные и прочее.

Кухни, размещённые в отдельном крыле, великолепно оснащены всеми современными приспособлениями, служащими здоровью и удобству. Эти важные помещения залиты солнечным светом, содержатся в безукоризненной чистоте, и ими заведует вполне расторопный и опытный штат помощников.

На этаже главного входа мы видим деловые конторы, оборудованные всем, чтобы выполнять максимум работы при минимуме усилий. Просторные приёмные, красиво обставленные и содержащие всё необходимое, чтобы гости и пациенты чувствовали себя как в превосходной семейной гостинице, занимают большую часть этого этажа, в новейшей части которого расположены личные покои доктора Сахлера и его семьи.

Миссис Сахлер, хотя и склонна больше к занятиям искусством, чем к заботам о домашнем хозяйстве, — очаровательная хозяйка, и сидеть за её личным столом — большая честь.

Общая столовая по размеру и обстановке не уступает трапезной в первоклассной гостинице. Кухня превосходна и щедра, и хотя некоторые

знатоки питания могли бы счесть рацион слишком разнообразным, с точки зрения внушения в нём многое заслуживает одобрения: он не напоминает ничего от обычного санатория и всё — от места, где кормятся здоровые люди с нормальным аппетитом и хорошим пищеварением.

Тем, чьё нынешнее состояние требует особой диеты, всегда подают особую пищу под наблюдением доктора Сахлера.

Второй и третий этажи отведены под спальные помещения, ванные комнаты и солнечные гостиные. Поскольку вид на окрестные холмы широк и бодрит, солнечные гостиные — особенно приятная и вдохновляющая здоровье особенность.

Четвёртый этаж целиком отдан под общие спальни, и хотя размещение под самой крышей обходится дешевле, чем ниже, оно во всех отношениях превосходно и открывает самый высокий вид на окружающую местность, чрезвычайно живописную.

Помимо всех общих и полуобщих частей заведения, есть ещё внутреннее святилище — личная библиотека и лечебные комнаты доктора Сахлера. Этот укромный уголок, куда допускаются

лишь особо приглашённые, в весьма заметной степени раскрывает темперамент и характер своего хозяина-вдохновителя: здесь собраны сокровища искусства почти со всего света, многие из них — жемчужины, достойные украшать соборы. Эти необычайно красивые предметы по большей части — дары благодарных пациентов, которые обязаны возвращением здоровья и вступлением в новую свободу благородной работе, совершаемой в этом святилище, и своей признательностью побуждены украшать его.

Выпускники из Кингстона успешно трудятся во многих местах. Среди них следует упомянуть миссис Мэри Ситон, которая ныне с большим успехом практикует в Вашингтоне как специалист по психической терапии.

Много лет назад эта дама была полностью излечена от хронических недугов лечением доктора Сахлера и с тех пор наслаждается крепким здоровьем.

Мы завершим этот очерк о необыкновенно полезном деле цитатой из одной из лекций доктора Сахлера, которая хорошо передаёт его позицию.

«Слова «терапия внушением» употребляют так небрежно или расплывчато и так неверно понимают, что, как подобает столь важному предмету, их необходимо внимательно рассмотреть. Сочетание этих двух слов не даёт ясного смысла и не проливает верного света на предмет, пока их сначала не разъединить и не разобрать.

Во-первых, ТЕРАПИЯ означает ту область медицинской науки, которая относится к лечению болезней и действию целебных средств на человеческий организм. ВНУШЕНИЕ, когда о нём говорят как о целебном средстве, означает истину, хотя это и не лекарство. Тот, кто знает употребление лекарств и их действие на человеческий организм или сведущ в этом, известен как ТЕРАПЕВТ, или практикующий врач, и потому называется врачом. По правде говоря, врач — это лицо, законно уполномоченное лечить болезни. Истинный врач — тот, кто широко мыслит и станет лечить болезни любым разумным методом; поэтому истинный врач использовал бы ВНУШЕНИЕ как целебное средство. Здесь мы должны изучить это целебное средство.

ВНУШЕНИЕ — не лекарство, и чтобы сначала понять его целительную силу, мы спрашиваем: что такое ВНУШЕНИЕ?

ВНУШЕНИЕ — это идея, воспринятая индивидуальным сознанием. Оно может прийти из любого источника, любым путём и по любому каналу. Таким образом, мы видим, что это не вещественное средство, и нас закономерно направляют в русло метафизики. Ибо чтобы употреблять ВНУШЕНИЕ как целебное средство, мы должны разбираться в метафизике, так как тот, кто применяет метафизическую идею лечения, известен как метафизик, что по правде означает человека, сведущего в философии конечной природы, причины и смысла вещей. Поэтому идеальный врач по необходимости должен быть ещё и метафизиком, прежде чем сможет успешно справляться со всеми недугами и болезнями человечества. Так мы видим, что ВНУШЕНИЕ и ТЕРАПИЯ вместе в действительности подразумевают терапевтическую практику метафизика или врача, который понимает природу, причину и смысл вещей и необходимое средство.

Человек — существо внушаемое. Более того, все животные, как и человек, живут, движутся и существуют по закону внушения. Прогресс цивилизации обязан более широкому и глубокому пониманию этого закона. Отсюда логически следует, что СУГГЕСТИВНАЯ ТЕРАПИЯ занимает видное место.

На практике она мало понятна медицинской профессии в своей подлинной сути как лечебное средство, ибо мы, как члены этой профессии, получили образование на материалистических основах: мы лечим тело с его интеллектом, считая именно его человеком, целиком подверженным внешним причинам и воздействию внешних средств, таких как лекарства, приспособления и т. п.

Мы упускаем из виду, что внутри человека, помимо тела и интеллекта, есть сознание, и именно через него, по непроизвольному закону, тело строится и поддерживается. Именно из-за непонимания или незнания психических сил в человеке этот предмет окутан такой мистикой, что обычный практикующий врач не способен его объяснить.

СУГГЕСТИЯ в обычном понимании — это просто убеждение, которое может обладать значительной силой, а может и не обладать; но с психической точки зрения СУГГЕСТИЯ становится могучей силой и настолько отличается от привычного значения этого слова, что, когда предмет понят, первое, кажется, не имеет к последнему никакого отношения. К сожалению, трудно объяснить или выразить саму истину и живую суть этого предмета в статье или книге. Едва ли можно составить верное представление о его смысле и ценности из чтения. Более того, даже самый разумный и образованный пациент не может объяснить его или понять настолько, чтобы рассказать другому, даже после лечения. Тем не менее он полностью осознаёт и знает в собственном сознании его влияние и силу. Об этом опыте говорили сотни наших пациентов. Ни в какой момент пациент не теряет сознания ни в разуме, ни в чувствах во время лечения, но при этом он ощущает, что состояние сильно отличается от обычного. Он также понимает, что сила воздействия зависит от его собственного настроя в сознании и от его отношений с врачом или оператором.

Что касается меня самого, добавлю лишь, что мои несколько циклов лекций в Кингстоне имели феноменальный успех. Надеюсь, мне вновь представится возможность посетить это восхитительное место, являющееся центром, из которого целительные излучения распространяются несравнимо дальше, чем наше знание способно оценить.

У. Дж. Колвилл
Июнь 1910 г.